

Борис Мир

ДАНЭЯ

ЖЕРТВЫ ПРОГРЕССА

Борис Мир

Данэя. Жертвы прогресса

«Издательские решения»

Мир Б.

Данэя. Жертвы прогресса / Б. Мир — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858267-7

Когда физический труд в результате нарастающего научно-технологического прогресса полностью вытеснится интеллектуальным, тот совершенно очевидно не всем окажется по силам: человечество разделится на способных и не способных соперничать со всё более совершенным искусственным интеллектом. Какая судьба может ожидать последних в определённый критический момент этого реального будущего: не произойдет ли очередной исторический виток социального неравноправия, жертвами которого будут они?

ISBN 978-5-44-858267-7

© Мир Б.
© Издательские решения

Содержание

Новое: музыкальные иллюстрации к тексту	6
Книга I	7
Часть I	8
1	8
2	11
3	21
4	31
5	34
6	39
Часть II	41
7	41
8	47
9	50
10	59
11	62
12	65
13	73
14	78
15	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Даня Жертвы прогресса

Борис Мир

© Борис Мир, 2017

ISBN 978-5-4485-8267-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рождѣнный в 1934 году в СССР, я, как и многие, с детства верил, что наступит «светлый и радостный» коммунизм, и с ним должно прекратиться всякое дальнейшее общественно-историческое развитие на Земле. Появление сомнения в этом привело к мысли, что, когда физический труд в результате нарастающего научно-технологического прогресса полностью вытеснится интеллектуальным, не всем он окажется по силам: человечество разделится на способных и не способных соперничать со всё более совершенным искусственным интеллектом.

Какая судьба может ожидать последних в определённый критический момент этого слишком реального будущего: не произойдет ли очередной исторический виток социального неравновесия, жертвами которого будут они? О чем и пытаюсь предупредить этим романом-антиутопией.

Алекс Варна: Сильнейшая теоретическая основа в кайме художественного произведения. Вы пугающе правы во многом.

Олег Чугунов: Произведение такой глубины нынче не часто встретишь.

Феофан Талич: Такого психологически тонкого и умного чтения не было уже давно.

Валентина Астафьева: Мощно! Столько глубокого смысла, боли за будущее.

Новое: музыкальные иллюстрации к тексту

По сравнению с традиционным способом бумажного издания книг Интернет предоставил невиданные возможности. Легко вместо коротких примечаний давать внешние ссылки (hyperlinks) к всевозможным Интернет источникам, содержащим исчерпывающую информацию. И даже то, что было прежде недоступно: цитирование музыкальных произведений. Это делается линками к музыкальным трекам. Тогда, упоминая в тексте названия песен, классических и прочих произведений, не всегда знакомых читателю, можно дать ему возможность их услышать: поможет проникнуться настроением, вызываемом ими. То же способно делать и просто музыкальное сопровождение каких-либо текстов (background).

Книга I

Несмотря на большое значение, которое мы придаем победам знания и нашим достижениям, ясно, тем не менее, что только человечество, которое стремится к этическим целям, может в полной мере воспользоваться благами, приносимыми материальным прогрессом, и справиться с опасностями, которые его сопровождают.

Альберт Швейцер

Часть I КРЕМЕНЬ И КРЕСАЛО

1

– Это не то, – сразу мягко, но решительно возразил Дан, когда Лал кончил перечислять опубликованные работы его и его учеников: ведь немало, весьма. А итог их практического использования?!

«Не то!» Это слышишь почти всегда и почти от всех. Лейтмотив современной эпохи, которая воспринимается как всеобщий глубочайший кризис. Мелкие шаги вперед даются ценой невероятного труда при мало ощутимых результатах: почти нет крупных фундаментальных открытий. Сейчас основное – уточнение, доработка и строгое редактирование теорий. И в остальном – усовершенствование, доводка, шлифовка, суперфиниш. Огромная кропотливая работа, безусловно, необходимая, но мало радостная на фоне свершения былых открытий, создания старых теорий: подобных неотесанным глыбам, недоработанных в деталях, не отшлифованных – но гигантских, сразу двигавших науку далеко вперед. И судорожные усилия современного человечества преодолеть, выйти из этого состояния, определяющего весь стиль жизни и многие социальные институты.

– Понимаешь, уже тогда для меня были главными не те, практические, результаты, за которую дали докторскую степень: там был ряд побочных моментов, явно связанных с фундаментальными свойствами пространства. Занимался этим потом всю жизнь. И пока безрезультатно, – Дан замолчал и ушел в себя.

Лал, тоже молча, терпеливо ждал. Он давно стремился встретиться с Даном: представлял колоссальный интерес для него, журналиста и историка современной эпохи.

Начинал Дан когда-то блестяще: уже в 23 года стал доктором, успев решить весьма сложную задачу по увеличению плотности аккумуляции энергии. Но затем сразу переключился на проблемы всемирного поля-пространства-времени, где на первых порах быстро сумел получить довольно обнадеживающие результаты. Благодаря им ему было дано координационное разрешение на проведение весьма сложных и энергоемких экспериментов и большой фонд времени использования суперкомпьютеров.

Время от времени публиковались отдельные частные результаты его исследований, представлявшие ценность для практического использования: он щедро раздавал их своим ученикам, но сам почти не занимался их дальнейшей разработкой – после чего надолго замолчал. Вел кроме научной преподавательскую работу, создал курс некоторых разделов фундаментальной физики; его бывшими аспирантами были многие крупные ученые.

Поначалу показался абсолютно таким же, как все крупнейшие ученые его возраста: ушедшим в свою работу настолько, что ничего другого почти не видит и не воспринимает. Но Лал сразу ничего другого и не ожидал, готовясь к интервью с ученым такого калибра.

Дану сейчас было уже почти 150 лет. Как и многие люди его возраста, он был одет тепло – в свободном шерстяном свитере крупной вязки, вероятней всего самодельном. Без всяких украшений. Голова вся седая, но глаза молодые, живые, и походка упругая. Разговаривая, он ровным мерным шагом шел по аллее. Отвечал на вопросы Лала довольно охотно.

– Понимаешь, порой вдруг мелькнет какой-то смутный проблеск. Кажется, что вот ты и ухватился за кончик нити, – вдруг заговорил Дан, как будто внезапно очнувшись. – И потом снова ни к чему не приходишь. Нить обрывается, мысль ускользает. Остаются лишь попутные результаты, а не то, что ищешь. – Он смотрел Лалу в глаза.

– Великие открытия делались, когда удавалось преодолеть власть существовавших теорий, порой самых фундаментальных, казавшихся совершенно очевидными и незыблемыми. Это так давно известно, и все же... Мы в плену у наших представлений, наших огромных знаний.

– Инерция мышления, да! Груз знаний давит, прижимая мысль. Недаром фундаментальные открытия делались молодыми.

Видимо, эта мысль мучила его. И Лалу нечего было возразить – он попытался перевести разговор на другое.

Дан слушал с интересом. Молодой журналист, имя которого уже было всем известно благодаря его полемическим статьям и книгам, поражал широтой знаний. Есть же способные охватить буквально все! И Дан уже сам задавал бесчисленные вопросы, на которые Лал не уставал отвечать.

Совсем стемнело, небо покрылось звездами.

– Значит, многое было утеряно?

– К сожалению. Погибло во время войн, пожаров, стихийных бедствий; уничтожено нарочно или случайно. Но многое стало непонятным, даже сохранившись в древних документах, где немало такого, что вновь становится ясным лишь после повторного открытия, а до того рассматривается как аллегория. А что-то ещё ждет своего часа, погребенное в тайниках.

– Подобные находки, я думаю, невероятно интересны.

– Да, почти всегда.

– Расскажи мне о какой-нибудь из них. Ночь теплая, и мне нравится слушать тебя.

– Я рад этому. Охотно расскажу тебе о совсем недавней находке – тем более, что она может представлять для тебя интерес как для математика.

При прокладке путепроводной трубы были обнаружены несколько тетрадей – сшитых стопках листов бумаги – и свернутый в рулон длинный бумажный лист, разграфленный ортогональной сеткой с размерами 10^{-3} метра, с нанесенными на нем графиками. После того, как старые буквы и цифры были заменены современными, обнаружили, что это ряд разностей простых чисел натурального ряда до 6000, в котором бросаются в глаза повторяющиеся группы, обрисованные как одинаковые графические фигуры. В одной из тетрадей дана полная выборка, классификация, обозначения и наименования этих групп.¹

Там же было два письма. В одном – обращения «Михайло» и «Однокамушкин»; другое адресовано «великому Владимиру Неешпапе», которого автор письма тоже периодически называет «Однокамушкиным». Письма написаны разным почерком. Язык – русский, время – XX век. Второе письмо не окончено и, видимо, не отослано. Содержание его любопытно.

Лал раскрыл веер-экран и послал со своего радиобраслета команду воспроизведения картотеки личного архива, находящегося в блоке памяти дома. Найдя название документа, включил его, и на экране возник лист разграфленной в клетку бумаги, покрытый довольно коряво написанными словами. Буквы – поздняя кириллица. Рядом светился перевод:

«... Завидуя люто твоей славе непризнанного гения, автора потрясающей гипотезы зависимости гравитационной «постоянной» от четвертых степеней абсолютных температур взаимодействующих тел, я решил тоже осчастливить человечество чем-нибудь таким.

Простыми числами я чуть-чуть пытался заниматься между делом ещё давно, но, в общем-то, не всерьез. Всё время какие-нибудь причины: то нет времени, то неохота; то нет таблицы простых чисел, а где достать – пес его знает. Находил сам небольшое количество с помощью «решета Эратосфена» и пытался с ними что-нибудь сделать. Причем почему-то почти сразу потянуло сравнивать разности между ними.

¹ [1] https://www.youtube.com/watch?v=_TXABNX98Fc

Недавно подвернулся в книжном магазине учебник арифметики с таблицей простых чисел до 6000 – я его сходу купил. Построил графики промежутков между соседними простыми числами на миллиметровке, которую приволок с работы. Вроде сплошной хаос. Потом пригляделся: в хаосе этом уйма повторяющихся или, по крайней мере, каких-то правильных групп. Правда, закономерность их повторения выявить не удастся, так что пока дальше уже обнаруженного я не продвинулся, хотя шибко мечталось получение формулы вычисления простых чисел.

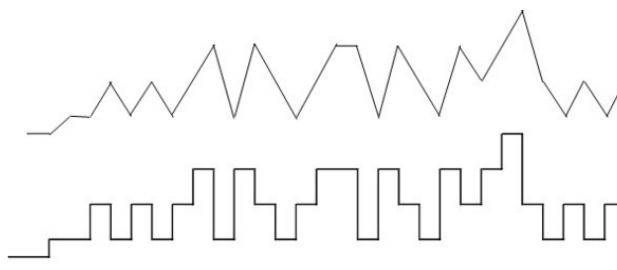
Думаю дальше попробовать вот что: нельзя ли связать эти группы с элементарными частицами? Там есть похожие группы, графические фигуры которых симметричны в вертикальном и горизонтальном направлениях или только в вертикальном, если сама группа симметричная. Напоминается аналогия с элементарными частицами одинаковой массы: положительно и отрицательно заряженными и соответствующими античастицами в первом случае и нейтрально заряженными и их античастицами во втором. При этом может оказаться небезынтересным то, что одни группы могут включать в себя другие, и даже более одной сразу. Кроме того, мне кажется, что поскольку в природе всё взаимосвязано, то не должно быть таких математических закономерностей, которые не отражались бы в каких-то физических явлениях. И потому хочу попробовать, а не удастся ли с помощью этих групп найти периодический закон для элементарных частиц.

Правда, не знаю, сможет ли у меня что-то получиться. А хочется! Ой, как! Смочь, сумеешь – и тем посрамит дьявола. Во!

Страшно охота с тобой встретиться и потолковать, а то» – письмо обрывалось.

– Что скажешь?

– Весьма интересно. Покажи графики.

Они шли один над другим: гистограммы и угловатый. Группы, одинаковые или симметричные, были заметны сразу, даже без стоящих над ними цветных отметок.

– Лал, я хочу иметь этот материал.

– Тебе нужен его адрес в Центральном архиве?

– Нет. Разреши переписать из твоего архива. Сейчас.

Лал понимающе улыбнулся. Обычный прием: многие переписывают огромное количество материала себе в личные архивы, чтобы воспользоваться им в нерабочие дни – с четверга до понедельника, когда связь Центрального архива отключена. Это была одна из мало эффективных попыток помешать людям работать и в эти дни. Дан дал ему пластинку с личным кодом, и Лал, поднеся её к радиобраслету, включил перезапись.

Закончив, он протянул пластинку обратно, но Дан отвел его руку:

– Пусть она будет у тебя. – Это значило многое: признание Лала своим другом. Поднеся эту пластинку к радиобраслету, тот сможет устанавливать с ним прямую связь в любое время, даже когда внешняя связь Дана отключена, и изображение Лала сразу загорится на экранчике его браслета.

– Спасибо, отец мой!

– Всегда буду рад видеть тебя и говорить с тобой. – Дан взял протянутую в ответ пластинку Лала. – Но теперь мне пора: уже довольно поздно, и я устал.

Не это было причиной, но в том он не хотел признаться ни себе, ни Лалу. Сел в прикачившее по его вызову самоходное кресло; Лал, выдвинув из толстых подошв ролики с моторчиками, покатил рядом. Оба молчали.

– Давай прощаться, Однокамушкин, – сказал Дан у транспортного колодца, лукаво улыбувшись. – Кстати: это что-то значит?

– Да. Эйнштейн: шуточный вольный перевод на русский – их язык.

– Вот как! Они были ещё и веселыми людьми.

Кабина выскочила из колодца и откатилась в сторону; откинулась крышка. Надо было садиться. Но Дан медлил, растягивая последние минуты их совместного пребывания, продолжая ласково глядеть на Лала.

Высокий, 230 сантиметров роста, ладный, обтянутый серебристо-серым комбинезоном, с единственным украшением, состоящим из головного обруча с розеткой на лбу, в которую встроены телекамера и микрофон – его репортерские инструменты, – таким он запомнился Дану по их первой встрече.

– Тебя ждут?

– Да.

– Женщина?

Это не должен спрашивать даже друг, и Лал мог не отвечать, но почему-то вопрос его не покоробил.

– Женщина.

– Тогда счастливо! – он коснулся плеча Лала. – А где твоя кабина?

– Мне недалеко.

– Возьми тогда мое кресло. До встречи! – Он лег в кабину. Лал поднял руку в прощальном жесте; крышка опустилась, и кабина исчезла в отверстии.

Лал уселся в кресло и покатил к краю парка, где высились ажурные каркасы с многочисленными ярусами блоков-жилищ.

Было хорошо: Дан казался способным понимать многое. С которым он сможет, наконец-то, поделиться мучающими его сомнениями; кто сумеет понять его и, может, чем-то помочь. Потому что, как и многие его современники, несмотря на большое количество контактов, он слишком часто чувствовал себя удивительно одиноким. Ведь поглощенные своей работой, собственными мыслями, люди были мало способны проникнуться мыслями и чувствами других и, равно благожелательные ко всем, редко были тесно близки между собой.

2

Кабина неслась по подземной трубе – одной из многих, сеть шедших под городом; по ним осуществлялось почти всё пассажирское движение в нем. Трубы прорывали кротовые машины, которые под конец оплавливали землю, создавая несущую и водозащитную оболочку. Кабина имела автономный привод и двигалась автоматически после того, как в нее вводился адрес места назначения.

Всё подземное движение в городе контролировалось Центральным транспортным компьютером, который, получая и мгновенно перерабатывая всю информацию о движущихся кабинах, определял в конкретной совокупной ситуации оптимальный маршрут каждой из них, обеспечивая её быстрейший приход в указанное место назначения. Благодаря ему и огромному количеству датчиков в путепроводах кабины двигались очень быстро при полном отсутствии столкновений. Человек в кабине, полулежа в кресле, мог смотреть на экране в крышке программу новостей и объявлений – «газету».

Не только транспорт был упрятан под землю. Там же находились и абсолютно все заводы, производство на которых было полностью автоматизировано, а управление осуществлялось с помощью кибертехники. Их подземное расположение освобождало поверхность земли для жизни и отдыха людей и, кроме того, обеспечивало нормальные экологические условия и безопасность при авариях, которые, правда, давно уже стали исключительной редкостью.

А по земле люди ходили или же не очень быстро катили на чем-нибудь. И повсюду росла зелень: деревья и кусты, трава и цветы. Даже каркасы, на которых устанавливались жилые блоки, почти целиком были обвиты растениями.

... Кабина с Даном свернула в отвод и по трубчатой стойке каркаса поднялась к его блоку, расположенному в одном из последних ярусов. У каждого был свой такой блок с открытой террасой-садиком, засаженной деревцами и кустами; зимой и в непогоду она закрыта прозрачными раздвижными стенами и крышей. Укрепленные на каркасах в несколько десятков ярусов, блоки располагались так, чтобы минимально затенять друг друга. Они были разных исполнений, отличающихся размером и формой, и могли легко монтироваться и заменяться.

Их стены и потолок были из материала, который мог становиться целиком или частями прозрачным или непроницаемым для света, светиться сам, менять окраску и рисунок, служить телеэкраном. Перегородки легко переставлялись и убирались, мгновенно меняя всю планировку жилища.

Мебели и других предметов быта в блоках было немного, потому что всё необходимое хранилось в подземных камерах под домом и по мере надобности быстро доставлялось и затем убиралось роботом. Только блок памяти и стационарный компьютер находились в нем постоянно. И ещё предметы, выполненные по собственному замыслу или даже собственными руками, служа украшением, создавая индивидуальный облик каждого блока – как и посаженные по собственному вкусу растения на террасе. Робот производил регулярную уборку блока.

В блоках работали, спали и отдыхали в одиночестве, включив радиосвязь: слушали музыку, смотрели передачи и фильмы, читали. Кроме самого живущего никто в них, как правило, не бывал – за исключением лиц другого пола.

Вот он и дома. Сейчас... Нет: вначале необходимо поужинать – тем более, что он проголодался. Заказал с браслета молоко и ржаную лепешку к нему.

А пока он подходит к аквариуму, слабым светом озаряющим комнату. За толстым стеклом созданный им подводный пейзаж: искусно уложенные камни – серые с блестками пирита, красные, прозрачный кварц; извиваются длинные стебли кабомбы с изящными перистыми листьями. Из горки струйкой поднимаются пузырьки воздуха. Медленно двигаются две роскошные вуалевые скалярии с серебристыми полосами по темному фону. Пяток меченосцев: маленький зеленый самец; два вильчатых самца – один с черными плавниками, другой весь ярко, чисто красный – и две крупные самки такого же подбора. И ещё два жемчужно-серых гурами, шевелящих грудными плавниками-усиками.

Робот подкатил с молоком и лепешкой. Не переодеваясь, Дан взял кружку и сделал большой глоток. Как не старался, медленно, тщательно жуя, есть не мог. Не терпелось!

Наконец-то: сделал последний глоток – и включил графики. На стене. Жадно впился в них взглядом. Группы, удивительные группы: островки закономерности в кажущемся общем хаосе!

В тетради автор дал их полный перечень: посмотрим его ещё раз. Интересны данные им названия: симметриады; лесенки – с одинаковыми разностями соседних интервалов, на гистограмме действительно похожи на лесенки! Группы дополнительно сгруппированы: выделены симметричные друг другу; указан уровень, то есть с какого интервала группа начинается; даны номера первых простых чисел в начале каждой группы; указаны количества повторений групп

и их условные обозначения, которыми автор пользовался до начала классификации, ещё только выделяя их.

Во всем явно чувствовался труд дилетанта, хотя, в то же время, тщательно проделанный. Впрочем, может быть, это и хорошо, что был он дилетантом – и потому ничего не повторял из того, что хорошо было известно всем математикам, занимавшимся простыми числами. Результаты, несомненно, интересны.

Вдруг он, действительно, прав? «Поскольку в природе всё взаимосвязано, то не должно быть таких математических закономерностей, которые не отражались бы в каких-то физических явлениях» – так он считал. Эта идея ведь не была никем публично сформулирована и доказана или опровергнута. Если он был прав, она может быть методически весьма плодотворной.

Только почему именно элементарные частицы? Впрочем, это его первое предположение. Но попробовать проверить его надо: кажется, он это заслужил. Несмотря на самоуверенность, с какой брался за эту задачу: он явно не был физиком. И всё же: аналогия одиночных симметриад с нейтрально заряженными и двойная взаимная симметрия асимметричных групп с разнотенно заряженными частицами и античастицами подмечена им правильно.

С XX века физика элементарных частиц претерпела несколько раз целый ряд фундаментальных изменений, но периодический закон их ещё не создан: критерий его построения так и не найден. А характеристика каждой элементарной частицы, действительно, связана с набором нескольких чисел, которые пытались научиться вычислять с помощью очень сложных формул, дававших приближенные результаты. Попробовать использовать простые числа ни разу никому не пришло в голову.

Итак... Но элементарные частицы были до сих пор в стороне от работ Дана, и нужных материалов в его архиве нет. Досадно! Теперь жди до понедельника – целых четыре дня – пока не включат общую внешнюю связь Центрального архива. Если бы хоть на день раньше: в рабочие дни недели, с 6:00 понедельника до 22:00 среды по местному времени, им можно пользоваться беспрепятственно! Размещенный в огромном подземном сооружении, он давно полностью заменил библиотеки – хранилища больших количеств отпечатанных на бумаге книг, каждым экземпляром которой мог одновременно пользоваться лишь один человек. Именно оттуда можно получить изображение текста старой книги, любого документа, статьи, фильма, даже свежих результатов произведенных экспериментов.

А впрочем... Точно! В одной из его работ эксперимент строился на ряде свойств элементарных частиц, и там приводились связанные с ними характерные числа. Эта работа, насколько он помнит, в Центральный архив не передавалась, осталась в черновом виде в его личном архиве. А им – можно пользоваться в любое время. И Дан вводит в компьютер объект поиска, указывая все необходимые элементы для его ускорения.

Компьютер начал поиск, и теперь надо ждать. И довольно долго: придется произвести сплошной перебор всех черновых записей за много лет, невероятно огромной части его архива. Но делать нечего! И Дан сидит и смотрит на графики, горящие на стене.

Может быть, лечь спать? Сигнал разбудит его, если компьютеру что-то удастся разыскать. Впрочем, бесполезно: сам он не уснет. А применять искусственные средства он избегает. Да и рассвет уже недалек. Он включает время на экранчике радиобраслета, потом поворачивается к оркестриону, имитированному под старинный орган: музыка поможет, как всегда.

Приглушенные звуки Адажио Токкаты до-мажор Баха² плывут, как разговор с самим собой, и с ними волны сменяющих друг друга цветов заливают стену, окрашивая так и не выключенные графики.

² Исп. Ганс Андре Стамм. <https://yadi.sk/d/a3qsGXcFz2svm>

... Сигнал раздался перед самым рассветом. Взяв свернутый в трубку плоский экран, Дан быстро развернул и включил его.

Всего одна частица с необходимыми числовыми характеристиками. Всего одна! Ту работу он, видимо, когда-то, всё-таки, отредактировал и передал в Центральный архив.

Ладно! Пусть компьютер продолжает поиск, а он посмотрит, что можно сделать с этой частицей.

Так: порядок расположения чисел – пожалуй, не случайный. Действительно! Строим гистограмму. Асимметричная. Частица – заряженная, положительно.

Используя полученную гистограмму как трафарет, Дан медленно пустил её вдоль графика по стене. Поразительно! Есть, несомненно: есть сходство, хотя и не прямое – какое-то отдаленное.

А если попробовать для начала хотя бы прологарифмировать характерные числа? Ого! Уже лучше: явное подобие вот с этой группой. Если изменить основание логарифма, фигуры могут стать одинаковыми. Так и сделаем – произведем пропорциональное уменьшение; основание логарифма подсчитаем потом. А теперь опустим вниз, и...

Они слились!!! Фигура графика и гистограмма частицы. После проделанных простеньких операций.

Дан даже на минуту закрыл глаза: не верилось, что так – вдруг, сразу!

Значит... Да нет, пока ещё ничего не значит: одна частица из десятков известных. И всё же!

Если бы удалось найти ещё данные по частицам! И Дан ждал, с надеждой посматривая на компьютер. Но так и не дождался: дальнейший поиск закончился ничем. Жаль! Теперь уже точно – терпеть до понедельника.

... Дан вышел в сад-террасу, уселся в кресло под яблонькой. Солнце уже взошло и начало пригревать. Было очень тихо и всё казалось прозрачным и свежим. Немного кружилась голова после бессонной ночи. Ничего, поспит днем, в бане.

Да, очень, очень интересно! Пока 1:0 в пользу Михайлы. Надо проверить все частицы: есть – есть вероятность правильности его предположения! Если даже удастся проследить частичное проявление закономерности, не для всех частиц, и это уже немало.

А что тогда? Что может крыться за связью элементарных частиц и простых чисел? Дан усмехнулся: слишком рано ставить подобный вопрос! Это совпадение пока единственное, оно может оказаться случайным. И никакой связи нет. Посмотрим!

Скоро шесть часов: в динамиках раздастся крик петуха. Солнце всё ярче заливает размещенный на террасе блок садик, размером 7 на 7 метров, засаженный двумя карликовыми яблонями, кустами роз и сирени. Есть и кустик полыни и бархатцы: разминать пальцами их цветки и листики полыни и ощущать их горьковато-пряный аромат.

«Кукареку!» Переодевшись в спортивное трико, Дан спускается вниз. Сначала идет, потом трусцой бежит по дорожке между опор каркаса. Так всегда начинается утро.

Он добежал до физкультурного комплекса и вошел в огороженную кустами площадку. Сегодня он самый первый. Четверг, первый нерабочий день недели, – день утренней бани, дневных зрелищ и вечерних пиров. Сюда придут не все: многие пропускают зарядку в этот день.

Только когда, закончив упражнения, умывшись и переодевшись, он выходил, направляясь завтракать, начали появляться и другие, приветствуя его. И в столовой он один, никого больше.

Длинный зал одноэтажного здания, стоящего на земле, ярко освещен утренним солнцем через полупрозрачные стены. После бессонной ночи Дан проголодался. Быстро включил свою

картотеку, почти сразу нашел творог и ряженку, – послал команду заказа. И через пару минут вынул их из отверстия между верхней и нижней столешницами.

Здесь каждый питается по своему вкусу. В любом личном архиве имелся для этого большой набор программ приготовления блюд – нужно было только включить название нужного и вариант его исполнения: программа будет передана в память одного из многочисленных кухонных автоматов, который сразу даст заказ на нужные продукты и быстро, используя ток высокой частоты, всё приготовит.

В общем-то, повседневная еда не была слишком замысловатой: главное внимание обращалось на то, чтобы она была полезной и правильно сбалансированной – с учетом особенностей организма. В рацион обязательно входили сырые овощи и зелень, фрукты, орехи и мед. Притом она не была обильной, так как все, как правило, ели в одно и то же время. И, исключая легкий ужин, в столовых.

Дан завтракает в одиночестве, – это непривычно. Поев, чуть соевеет; начинает дремать, и потому сердится, когда кто-то, войдя в столовую, начинает разговаривать и будит его. Но это группа молодежи, а на нее смотреть он любит. Как и многие.

Студенты. Шумя и смеясь, они бросают жребий, и тот, на кого он выпал, посылает общий заказ. Они дружно жуют свежий лаваш, намазанный маслом, завернув в него по куску сыра и запивая чуть терпким желудевым кофе. И непрерывно болтают: никакой солидности – зато их жизнерадостности позавидуешь. Держатся дружно, явно дорожа своей принадлежностью друг другу. Даже одеты совершенно одинаково – и юноши и девушки: в коротких платьях с одним открытым плечом, со всевозможными переходами окраски от ярко-желтого до темно-коричневого, как на любимых Даном цветах бархатцев; в открытых сандалиях с ремешками до колен.

В этом возрасте они ещё учатся вместе. А позже, занимаясь в аспирантуре по индивидуальным программам, станут видеть друг друга всё реже. Даже вечером, даже в нерабочие дни. Каждый уйдет в свою работу, свои мысли. Это естественный процесс в мире, где связи многочисленны, но непрочны.

Ещё приятней смотреть на детей. Во время их экскурсий в научные центры.

...Дети жили отдельно от взрослых, в самых лучших местах на Земле, специально отведенных для них, где их растили и воспитывали педагоги.

Совсем маленькими занимались педиатры с помощью нянь. А рожали женщины, не способные к интеллектуальному труду, которым имплантировали искусственно оплодотворенные яйцеклетки других женщин. Благодаря этому женщины-ученые могли не прерывать своей работы, не терять время и силы на вынашивание и уход за детьми.

Роль «родителей», в генетическом смысле, сводилась исключительно к обязанности сделать в молодом возрасте свой взнос в генофонд, хранившийся в запечатанных ампулах. Используя огромный массив информации о нем и суперкомпьютер, производился оптимальный подбор пар для искусственного оплодотворения. При этом часть пар составлялась случайным подбором, чтобы исключить возможность безвозвратной потери каких-либо качеств, и, ничтожная, часть, – по однородным расовым признакам с целью их сохранения. Это была сфера деятельности исключительно специалистов-генетиков, целиком взявшим в свои руки воспроизводство человечества; ими же регулировалась и его численность.

В свое время это привело к целому ряду крупных социальных изменений: «родители» полностью освободились от каких-либо забот о собственных детях – и семья, став ненужной, полностью исчезла. Люди приобрели полную свободу в личной жизни, отсутствие в ней всяких запретов. Партнеров не связывало ничего, кроме взаимного желанья – ни дети, ни общее хозяйство, ни материальные заботы, от которых их давно освободил прогресс; они жили отдельно, каждый в своем блоке. Как и прочие, интимные связи легко возникали и так же легко распадались без каких-либо последствий. К этому подходили как к чему-то второстепенному;

оно было сугубо личным делом каждого и абсолютно никого больше не касалось и не интересовало.

В основе всё сводилось к простому удовлетворению сексуальной потребности. Как исключения были и длительные связи, некоторые в течение всей жизни. Но и в них сношения одного из партнеров с кем-то ещё не считалось чем-то обидным для другого: не мешает же никому разговаривать с другим то, что он разговаривает не только с ним.

А дети находились в руках специалистов, обеспечивающих наиболее правильный уход и воспитание. Жизнь их разделена на ряд последовательных стадий; в течение каждой из них они живут в определенном детском заведении, а затем перемещаются в другое, с другим составом детей. Чтобы стабилизировать однородность общества, избежать возникновения замкнутых сплоченных групп людей, росших вместе с ранних лет.

Первые три стадии – ясли, детский сад и школа. Небольшая часть детей с очень низкими способностями, не пригодные в будущем заниматься интенсивным интеллектуальным трудом, постепенно отделяются на этих стадиях от остальной массы детей; в дальнейшем они уже не получают нормального образования. А полноценные дети продолжают учиться: последовательно в гимназии, лицее, колледже и университете, переходя после окончания каждой ступени в другое учебное заведение, состав которого комплектуется из учеников, близких по уровню способностей, в зависимости от чего определяется срок обучения их на этой ступени.

По мере прохождения ступеней меняется их образ жизни. В гимназии и лицее они, как и в школе, продолжают заниматься с педагогами в классах и кабинетах, но, начиная с лицея, спят уже не в общих спальнях, а в индивидуальных. В колледже занимаются преимущественно самостоятельно, но с регулярной проверкой педагогами; в университете – исключительно самостоятельно.

Обучение проводилось с помощью специальных компьютерных программ. Роль педагога сводилась главным образом к методическому руководству учебным процессом и выявлению, в какой области могут наиболее полно раскрыться способности ученика.

Кроме изучения наук дети приобретали необходимые навыки: работы на компьютерах, обращения с приборами, ведения лабораторных работ, ручных работ и на не автоматизированных станках. Огромное внимание уделялось их физическому воспитанию под непрерывным наблюдением врачей-физинструкторов.

И не меньшее эстетическому развитию: обучению игры на оркестрионе, пению, танцам, рисованию, лепке. Часто проводились экскурсии в научные центры, заводы, в музеи, к историческим и архитектурным памятникам – в самые разные места планеты, а в старшем возрасте и за её пределы.

Выпускник университета считался уже взрослым: он самостоятельно выбирал себе будущую профессию и поступал на какой-либо факультет специализированного учебного института в одном из научных центров. Его кроме учебы привлекали к участию в выполнении научной работы, в процессе которой он начинал общаться с учеными, работавшими в избранной им области. Жил он уже в отдельном блоке.

В аспирантуре занимались по индивидуальным программам и выполняли самостоятельную научную работу при наличии руководителя. Завершающим этапом являлась докторантура, где человек выполнял совершенно самостоятельно достаточно крупную работу, после чего становился доктором – ученым. Это была общая норма – вне зависимости от специальности. Затем в течение жизни можно было – по желанию или необходимости – снова учиться: либо по общей факультетской программе института, либо по индивидуальной аспиранта.

Так все росли и учились. На полном попечении общества. Совершенно не зная своих родителей. Общие дети всего человечества.

От былых времен остались слова: отец, мать; сын, дочь; сестра, брат – но теперь это лишь ласковые обращения. Друг друга чаще называют «коллега», ласково «друг» или уважительно

«сеньор»: в его первоначальном значении – «старший». Но самыми почтительными обращениями были «учитель», «учительница»: связь учителей и учеников была самой близкой из существующих связей людей разных поколений.

Детей видели ничтожно мало: не всегда находились там, куда их привозили – чаще работали дома, используя телесвязь. Эти редкие встречи с детьми всегда доставляли удовольствие, а беседы с ними, как ни странно, оказывались порой очень полезными. Вопросы их, иногда ставшие в тупик, часто позволяли вдруг увидеть многое с совершенно неожиданной стороны.

...Студенты продолжали громко спорить, часто прерывая оживленную болтовню громким смехом. Дан не раз улыбался их шуткам и уже подумывал примкнуть к их разговору. Но они, сунув грязную посуду между столешниц, исчезли так же быстро, как и появились.

Делать в столовой было больше нечего, и он поднялся – пора идти в баню.

Сегодня с утра все люди в них – огромных, великолепных. Лучшие архитекторы строили бани, отделявая камнем и настоящим деревом: там всё, что душе угодно, чтобы интенсивно смыть усталость и наилучшим образом выглядеть на пиру. Отделанные смолистыми сосновыми досками влажные и сухие парилки; мыльные отделения с каменными ваннами; огромные плавательные бассейны с прохладной, ледяной, морской водой; мелкие бассейны для лежа. Высокие залы для отдыха с журчащими фонтанами; тенистый сад в защищенном от ветра внутреннем дворе. В каждой парилке своя банная компания, которая парится по особому.

Дан блаженствует, забравшись на полочку. Горячий пар делает тело легким; березовые веники переходят из рук в руки – в парилке нет роботов: сами хлещут друг друга, подбавляют пар, выплескивая воду на раскаленные камни. Всё, как у предков.

Дан теперь парится сравнительно недолго: возраст не тот. Он вскоре перешел в мыльное отделение и залез в розово-серую мраморную ванну, наполненную душистой пеной. Намылив голову шампунем, погрузился в нее до самого подбородка. Моющий раствор бурлит, приятно пощипывает кожу.

Через несколько минут он уже под душем, массирующим тело бьющими со всех сторон струями. Потом стал нежиться в мелком бассейне с прохладной пузырящейся водой, окрашенной какими-то солями.

Отдохнув, снова забрался в парилку и на этот раз попарился всласть; выбежав оттуда, прыгнул в бассейн с холодной водой. Разгоряченная кожа не чувствует холода: кажется, что плывешь в воздухе, совершенно не ощущая температуру воды. Только легкость и удивительная бодрость: как будто ты ещё молодой, как будто тебе ещё нет и ста лет.

Накинув простыню, он устроился на широком диване около фонтана.

Многие отдыхают перед новым заходом в парилку, потягивая легкое пиво, лучше всего утоляющее жажду. Но Дану уже довольно: он сразу стал пить зеленый чай, подливая его в пиалу. Все из его парильной компании, перебросившись с ним парой слов, уходят париться дальше.

Он пьет маленькими глоточками. Легкая, приятная испарина покрывает тело; от фонтана веет освежающей прохладой. Спать совершенно не хочется.

Надо бы связаться с Лалом, сообщить ему об обнаруженном, хотя пока единственном, совпадении. С этой мыслью он мгновенно засыпает.

Люди приходят, чтобы отдохнуть, и снова уходят париться и плескаться. Кто-то заботливо укрыл Дана простыней.

...В полдень большинство, переодевшись в вызванную из дома одежду, уехали – на стадионы, в театры, концертные залы. В четверг все зрелища и концерты исключительно дневные: заканчиваются не позднее 16 часов. Но самые заядлые любители бани остались; они отнюдь не отказывали себе в зрелищах: лежали с развернутыми экранами на диванах и даже в мелких бассейнах, заложив звукоприемники в уши.

А в саду-дворе перед огромным экраном расположились любители роллинга – хоккея на самоходных роликах. С этой игрой по темпу и напряженности не могла сравниться ни одна из когда-либо существовавших, поэтому она была самой популярной. Игроки как молния носятся по полю, гоняя клюшками небольшой яркий мяч. Игра всегда идет с крупным счетом и вызывает бурные эмоции зрителей. Хотя звукоприемники у них в ушах, сами они шумят так, что могут разбудить любого.

Но не Дана: он спал как убитый.

В 16:00 громкий сигнал разбудил его: пора была одеваться к вечернему пиру. Домой ехать не хотелось: он включил картотеку своего гардероба, тщательно выбрал одежду для пира и послал команду привезти её в баню, а сам тем временем окунулся в бассейн с ароматической водой.

Куда ехать, в какой ресторан – Дан, как всегда, не помнил. Выбором занимается Арг: он каждый раз записывает ему имя ресторана в блок памяти. Дану, в общем-то, не так уж важно, где они будут пировать: он небольшой гурман, да и особой веселостью не отличается. Главное, провести вечер с очень хорошо знакомыми людьми: несколькими своими учениками, с которыми пирует каждый четверг уже много лет.

Но одет он для пира всегда соответствующим образом. Сегодня на нем длинное белое платье из тонкой мягкой шерсти и широкая накидка с длинной бахромой из крученого шелка поверх, сколотая на левом плече золотой пряжкой с головой зверя. Его белые волосы и борода свисали длинными вертикальными локонами; голова повязана идущей через лоб широкой лентой, концы её свисают с левого виска до плеча. Сегодня он нарядней, чем в предыдущие четверги: безусловно, благодаря настроению после прошедшей ночи.

Кабина доставила его в вестибюль ресторана. Вся группа уже ждала его там: без него за стол они никогда не сажались.

Кулинар, как радушный хозяин, встречал у входа своих гостей. Здесь он – главное лицо. Все блюда пира подбираются только им: никто здесь не может сам заказывать по имеющимся у него программам – для этого существуют столовые.

Люди не всегда пользуются готовыми программами – многим нравится самим выдумать новое блюдо или приготовить уже известное по особому и потом в столовой угощать им, переписывая всем желающим программу изготовления. Иногда, действительно, получается неплохо; но, всё же, это – чистой воды любительство.

Настоящее, высокое искусство представляли кулинары-профессионалы: их считали композиторами вкуса. Каждый из них выступал по четвергам в своем ресторане с программой пира, составленной из тщательно подобранных блюд и напитков, созданных самим и заимствованных из современной или многочисленных старинных национальных кухонь. Незначительно дорабатываясь и меняясь, программа длилась до тех пор, пока все желающие не успевали побывать на ней; и в это время кулинар готовил свою новую программу.

С ним вместе в подготовке её принимал участие художник, создававший оформление блюд, сервизы и приборы к каждой их смене, интерьер зала и его элементы: мебель, скатерти, драпировки. Каждый четверг он украшал ресторан свежими цветами.

Но кулинар не был главным лицом во время самого пира – его роль сводилась лишь к управлению сменой блюд в наиболее подходящие для этого моменты. Царил в зале шут – он организовывал веселье: был режиссером праздничного концерта, участниками которого должны были быть все гости без исключения. Стать шутком мог лишь одаренный артист, обладающий большим обаянием и неистощимый в остроумии. Он вел стол: рассаживал гостей, провозглашал тосты и здравицы и первым запевал застольные песни.

...Искрится вино. В высоких хрустальных бокалах, отделанных металлом рогах, плоских фиалах. Легкое виноградное вино, которое пьют по глотку, которое пьянит чуть-чуть; или безалкогольное – лишь бодрящее.

Шут поднимает свой фиал, протягивает его вперед. Всё замолкает.

Будем все мы вместе, едины,

И радость пусть будет на лицах видна!

Будем все мы вместе! Будем все мы вместе!

Выпьем немного вина!³

Что это за песня? Шут случайно наткнулся на запись её исполнения среди собрания песен былой эпохи. Потрясенный, он решил воскресить её: перевел текст и приберег для очередной программы, не меняя ничего ни в мелодии, ни в исполнении – без сопровождения.

У каждого в одной руке вино, в другой – раскрытый веер-экран, на нем текст и ноты. Гости начинают подпевать шуту – его голос звучит над хором; ширится и становится мощным всеобщее слаженное пение.

Шут идет к Дану, протягивает к нему свой фиал:

– ... И радость на Дана лице пусть видна!

Дан сегодня старейший на пиру; он протягивает свой бокал с безалкогольным вином навстречу: по древнему обычаю, они чокаются.

Шут идет дальше, подходит к самым почетным гостям, своими успехами заслужившими сегодня эту честь, поет здравицы им. Под конец – здравицы хозяевам пира – кулинару и художнику. После этого замолкает – хор гостей провозглашает здравицу ему.

Звенят чаши, чокаются соседи по столу. Все отдают должное блюдам – плодам творчества кулинара.

После третьей смены блюд началось веселье. Опять раздалось пение – поют почти все. И танцуют потом тоже почти все. Эти люди умеют веселиться: их должным образом обучили этому – они знают множество песен, и современных и старинных, текст которых переведен на современный язык; они умеют танцевать невероятное количество танцев. Шут разжигает веселье, первым начиная танец, запевая, заставляя гостей по очереди солировать.

Надолго выходить из зала не полагается, но многие всё же стараются сделать это хоть ненадолго, чтобы в вестибюле поговорить о работе: в зале подобные разговоры не считаются уместными. Как всегда, сразу начинают говорить о ней, обсуждать свои проблемы и спорить. Тут же появляются и другие, чтобы начать то же самое. Таковы уж они, современные люди.

Дан первым сегодня сделал это, и следом один за другим в вестибюле появились Арг и остальные из их группы. Дан стал рассказывать о полученном у Лала материале, о найденном им совпадении.

– Нужна вся выборка характерных чисел по элементарным числам. Иначе придется ждать три дня. Целых три дня!

– Друзья, что есть у вас из нужного учителю? – спрашивает Арг.

– На три частицы у меня, – говорит Лия. Но это – всё: подобный материал никому из них у себя в архиве держать было незачем.

– Попытаемся найти ещё у кого-нибудь, – предложил Арг, самый практичный из всей группы.

– Как? Придется ведь говорить о работе в зале. Как-то не совсем... – попытался возразить ему один из них.

Но остальные – не колебались: Дан заразил их своим нетерпением. Ждать до понедельника?! Ладно: надо в зале как можно тактичнее провести разведку, а при обнаружения нужного потихоньку увести владельца его в вестибюль. Как будто это делается в первый раз! И они

³ <http://www.youtube.com/watch?v=zUt9N1mLjdw>

поспешно вернулись в зал: до новой смены блюд ходить от стола к столу, от группы к группе, чтобы перекинуться со знакомыми парой слов.

Шли по цепочке: сначала к своим знакомым, с ними – к их знакомым. Но вся трудность была в том, что физическом центре Звездограда никто не занимался непосредственно элементарными частицами: они стояли несколько в стороне от основных тем, над которыми здесь работали.

...Дан сидел в своем кресле с высокой спинкой, смотрел на танцующих. Никто не догадывался, что нетерпение гложет его.

Шут вел хоровод: два огромных кольца, мужчины и женщины, двигались, извиваясь в танце. Тем, кто не танцевал, трудно оторвать от них взгляд.

Особенно прекрасны были молодые, сверкающие наготой своего совершенного тела: если ты прекрасен – одежда не нужна. Совсем. Или пусть будет прозрачной. Стыдно обнажать лишь то, что уже перестало быть прекрасным.

Танец – то быстрый, исступленный; то медленный, наполненный скрытой страстью. Те, кто нравятся друг другу, стараются очутиться поближе. И если твоя протянутая рука встречает ответное прикосновение, а пальцы крепко сплетаются с твоими – значит, сегодня ночью вы будете вместе.

Гай, аспирант Лии, танцует с девушкой в прозрачном кимоно. Оно очень подходило ей: она чисто японского типа, из числа тех немногих, «родители» которых подбирались по расовым признакам. Прекрасно её тело, прекрасно лицо. И глаза с нежностью смотрят на Гая, подобного бронзовой античной статуе, в набедренной повязке из шкуры леопарда, с золотыми лентами на торсе и голове.

Они уже знают, что он – Гай, а она – Юки, в соответствии с её японской внешностью. Он аспирант-физик. А она?

– Я тоже уже аспирантка. Занимаюсь общими проблемами систем. Вернее, только начинаю.

– С чего?

– Переписываю в свой архив различные системы. Пытаюсь их сравнивать.

– А элементарные частицы? С ними ты имела дело?

– Да. Не так давно.

– Правда?! Тогда прошу тебя, очень: давай выйдем!

– Что с тобой, милый? Ты хочешь говорить о работе? Мне сейчас не до нее: страсть к тебе туманит голову – я хочу танцевать с тобой!

– Очень, очень надо, Юки. Прошу тебя, сестра! – взмолился он. Его руководитель, Лия, и Арг обратились к нему за помощью после того, как поиски среди их сверстников кончились ничем. Они попросили его разузнать что-нибудь у молодых: докторантов, аспирантов, студентов; польщенный их доверием, Гай пообещал сделать всё возможное. И даже увлеченный танцем с девушкой, с которой уже успел сплести пальцы, не забыл об этом.

Он взволнованно рассказал ей о ряде разностей простых чисел, о поразительном результате его сравнения с единственным имевшимся набором характерных чисел элементарной частицы.

– Если бы можно было найти больше материала, чтобы не ждать до понедельника! Пока нашли только ещё три частицы в архиве моего руководителя. И всё.

– Тогда у меня именно то, что вам надо: я пробовала обрабатывать полную их систему.

– Да?! – на такую удачу, да ещё так сразу, Гай никак не рассчитывал.

... – Учительница, это Юки: у нее в архиве есть полная выборка элементарных частиц! – возбужденно сообщил он Лие.

– Учитель! Есть полная выборка! – в свою очередь поспешила та к Дану.

Для них остаток пира превратился в сплошное томительное ожидание его конца. Они бы ушли немедленно, если бы это не было равно оскорблению хозяев пира. Но они уже не приотронулись к десерту, не принимали участия в пении и танцах; даже оба молодых аспиранта, присоединившихся к группе. Чаше других выходили из зала и совещались, распределяя между собой работу.

А пир всё продолжался, и веселье не утихало. И когда, наконец, он кончился, они сразу отправились по домам. В кабинах. Они одни.

Остальные, как всегда, двинулись домой пешком. Шли не спеша, с пением и смехом. И многие разошлись парами, чтобы достойно завершить пир.

3

Лал так и не дождался в четверг радиовызова Дана: если утром Дан боялся помешать его свиданию, а потом заснул, то вечером поиски информации и открывшаяся возможность продолжения работы захватили его настолько, что он забыл о Лале.

А Лал ждал. В вопросах Дана угадал вчера главное для себя: способность того с интересом и вниманием относиться к вещам, довольно далеким от его работ. К этому добавлялось умение слушать и понимать другого. С ним можно будет выговориться до конца. Даже если Дан будет не согласен с ним, то даже своим вниманием окажет ему огромную услугу. Пока все робкие попытки высказаться встречали полное непонимание и равнодушие, а то и вызывали глухое раздражение. А бродившие в нем мысли и сомнения жгли; ему хотелось освободиться от их гнета, вызывавшего мучительное ощущение одиночества.

В тот вечер ему очень не хотелось расставаться с Даном, не хотелось спешить к женщине, ждавшей его. И когда она, насытившись им, нагая и красивая, лежала рядом, уснув у него на плече, он совсем о ней не думал – был полон впечатлениями встречи с Даном, ощущал его дружеское прикосновение, видел ласковый, вдумчивый взгляд.

Утром он рано ушел от нее, чтобы в случае вызова никто не помешал их разговору. Он чувствовал по вчерашнему оживлению Дана, что тот материал очень заинтересовал его. На таких ученых, как Дан, очень похоже заняться тем, что заинтересовало, немедленно, не откладывая. И ночь таких никогда не останавливала. Если Дан что-либо обнаружит, то непременно вызовет его, чтобы сообщить. Но Дан его не вызвал, а сам он постеснялся это сделать.

Четверг прошел как обычно. После бани Лал отправился в театр, после него успел побывать на ипподроме: он любил животных, лошадей и собак особенно. Потом вечерний пир. Из ресторана он ушел домой вместе с женщиной.

Не с той, с которой был накануне. С другой. Потому что он нравился женщинам, и редко его протянутая рука не встречала ответного прикосновения; чаще ему было достаточно лишь протянуть руку в ответ. А также потому, что ему было всё равно: та или иная – все красивы, все умны; ни с одной не будет скучно – и вряд ли хоть какая-нибудь из них захочет его слушать, если он рискнет говорить о самом своем сокровенном.

...После четверга с его интенсивным каскадом развлечений, дававшим эффективную встряску усталым людям, шли ещё три нерабочих дня. Многие предпочитали провести их на лоне природы, отправляясь в туристские походы в любые уголки Земли: пешие, лыжные, лодочные. Охотились и ловили рыбу; собирали грибы, орехи, ягоды и дикие плоды в лесах, где в эти дни прекращали работу роботы-сборщики, и заодно цветы, листья, ветки и корни, которыми украшали свое жилище. Другие отправлялись любоваться архитектурой былых эпох, посещали музеи, чтобы увидеть подлинники великих шедевров искусства.

Их обслуживала целая армия людей, организуя и обеспечивая множества мероприятий, вовлекая в них, заставляя полноценно отдыхать. Служба эта считалась весьма важной и была

укомплектована людьми талантливыми, вооруженными большой эрудицией и великолепным знанием психологии. Совершенные под их руководством групповые экскурсии расширяли кругозор, давая одновременно необходимую умственную разрядку.

Многие отдавали это время любительским занятиям искусством. Но больше всего было тех, кто, оставаясь дома, продолжал работать.

...Лал улетел на рыбалку – главным образом, чтобы наедине ещё раз продумать ряд вещей. Ракетопланом, а затем аэрокармом он добрался до хорошо ему знакомой таежной реки. Места вокруг были далеки от городов и мало популярны у туристов. Никого не увидишь: только звери да редкие роботы-сборщики ягод, лекарственных трав и сухих веток.

Он с удовольствием дышал таежным воздухом, пахнущим нагретой смолой. Сделал заброс с берега и уселся ждать поклевки. Солнышко пригревало, ветерок чуть обдувал, и он старательно отгонял мысли, боясь прозевать поклевки.

Потом небо застлало облаками. Но к тому времени он уже поймал пару рыбин – хватит на уху и пожарить: робот приготовит быстро.

Выпил темной, настоящей на травах по своему особому рецепту, водки, съел горячую уху и зарумяненную как следует рыбу. Клонило в сон. Ветер усиливался, шумели верхушки кедров и лиственниц. Лал забрался в палатку, лег и, укрывшись электроодеялом, почти моментально заснул.

...Через час его разбудил шум дождя. Он откинул оконную шторку: темнота, вид самый тоскливый. Напился горячего чая и снова улегся, закурил. В трубке – курительная жидкость, капельки которой, проходя через нагреватель, работающий от микробатарейки, выходят в виде паров, создающих вкус во рту – и абсолютно безвредных.

До чего неуютно он чувствует себя. Гнетут и шум ветра, и сырость, вместе с воздухом входящая в палатку. Небо там, снаружи, угрюмое, свинцовое. Тоскливое ощущение, что ты прочно отрезан от всех. Вызвать аэрокар, чтобы улететь отсюда? Куда-нибудь: где светит солнце?

А! Ерунда. И там будет тоже: так же неуютно он чувствовал себя и дома и на пиру. Потому что он сейчас, действительно, прочно отрезан от всех. Тем страшным открытием, которое недавно сделал. Пока лишь для себя: никто не хотел его выслушать и понять.

Тягостное чувство отступило только позавчера, во время разговора с Даном, когда появилась надежда на возможность понимания. Но Дан пока молчит – Лал ни за что не решится вызвать его первым.

Пора подумать, пожевать свои мысли.

В величайшей древней книге – Библия, в части её Екклесиаст (Проповедник), он когда-то прочел:

«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: „смотри, вот это новое“; но это было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после».

Эти слова, приписываемые древнему мудрецу – царю Шломо (Соломону), поразили его тогда. И они тоже были повторены, много позже. Как один из основных законов диалектики – закон отрицания отрицания: явления непрерывно повторяются, но каждое следующее повторение происходит на более высоком уровне.

Для всех это были прописные истины, для него – не только. Именно используя это положение, он при сопоставлении былых эпох с нынешней наткнулся на ряд малоприятных аналогий. Впервые подобное случилось, когда он делал докторскую диссертацию, и это пробудило интерес его к историческому анализу окружающей действительности. Самый ценный материал для этого могло дать занятие журналистикой, и он стал тогда дополнительно учиться в литературном институте.

История. Она много может рассказать и подсказать тому, кто любит её и способен много хранить в памяти. С самого детства она была для него главным. Он поглощал исторические книги и фильмы, впитывая в себя и запоминая огромное количество фактов, имен и дат. История была его страстью. Хотя и по другим предметам он также хорошо успевал благодаря своей способности во всем чувствовать главное: это тоже помогало лучше понимать историю, и с такой меркой он к ним и подходил.

Тема его докторской диссертации называлась «Гуманизм современной эпохи». Критикой основных общественных принципов там не пахло: они казались, как всем, несомненными, – но всё же были отмечены как теньевые кое-какие стороны действительности.

Она привлекла к нему внимание: через несколько дней после её защиты он получил приглашение работать в «Новостях». Марк, редактор, с которым ему предстояло работать, отметил в диссертации ряд ценных для журналиста качеств: умение доходчиво излагать в сочетании с большой информационной насыщенностью, видеть главное и динамично анализировать. Но, главное, – несколько необычный сейчас подход к действительности как очередному этапу исторического развития, являющимся прямым продолжением предыдущих эпох, с которыми он сравнивался.

– Прекрасно! Интерес к истории сейчас незначителен. По моему, это порой мешает правильному пониманию явлений. Твой подход будет очень полезен.

И Лал занялся для начала репортажем. Окунувшись в жизнь, близко познакомился с невероятно большим количеством явлений, с огромным числом людей. Появились его первые очерки, эссе и, наконец, книга. Многие уже знали его имя, что способствовало работе, в результате которой он накапливал ценнейший материал.

И тогда снова пришли сомнения, связанные с некоторыми сторонами жизни современного человеческого общества.

К тому времени человечество было давно интегрировано. Нации и расы исчезли, и лишь небольшое количество расово чистых групп, крайне малочисленных, искусственно сохранялись генетиками; но они отличались от других только внешне.

Прогресс науки и технологии освободил людей не только от материальных забот, но и от неинтеллектуального труда. Основной массой людей стали ученые, и главными – цели научного прогресса: люди становились всё более одержимыми ими и считали необходимым жертвовать во имя их чем угодно. Тем более...

Тем более, что предыдущая эпоха была эпохой великих научных открытий, и среди них одно из самых замечательных – полное преодоление иммунной несовместимости. Главным и тогда уже стала наука, намного опережавшая в своем развитии производство, не поспевавшее за ней.

Когда прогресс её замедлился, что явилось началом современной эпохи, уровень производства и всё, что с ним было связано, начали подтягиваться к достигнутому уровню науки и почти с ним сравнивались к настоящему времени. Насыщенность кибертехникой достигла максимума: она была абсолютно везде, высвобождая время и силы людей для исключительно творческих занятий.

Работа огромного комплекса производства обеспечивалась колоссальным ресурсом энергостанций. Они работали главным образом на термоядерном топливе земного происхождения и привозимого ракетами с других планет. Как и заводы, эти станции размещались под землей. Энергию давали и станции других видов: ветровые, приливные, геотермальные. В основной массе энергия поступала в потребление в сверхкомпактных аккумуляторах; в таком же виде её получали и с других планет.

Огромный ресурс энергии позволил, не считаясь с низким коэффициентом полезного действия, механизировать и автоматизировать все сельскохозяйственные работы. В сочета-

нии с агротехникой и селекцией это обеспечило высокую интенсивность производства продуктов питания и сельскохозяйственного сырья. Было культивировано много новых видов растений и животных. Армия роботов-сборщиков добавляла к сельскохозяйственным продуктам и дикорастущие.

Но обеспечить изобилие за счет лишь увеличения интенсивности было невозможно. Второй резерв – повышение экстенсивности⁴ использовали путем орошения пустынь и освоения амазонской сельвы, в допустимых для экологии планеты пределах; продвижения на север, закрывая грунт теплицами; за счет использования поверхности и глубин океанов и морей.

Было сделано ещё немало важного: понят ряд вещей и приняты необходимые меры, улучшающие условия существования. Борясь за чистоту воздуха, люди отказались от получения энергии путем сжигания топлива – оно использовалось исключительно как химическое сырье. Ещё задолго до наступления современной эпохи перестали существовать двигатели внутреннего сгорания; теперь же совершенно исчезли благодаря обилию электроэнергии и старые способы получения металлов из руд. Не было гидроэлектростанций, ухудшающих экологический режим регионов.

Люди страшно бережливо относились к основному источнику регенерации кислорода – растениям, обилие которых считали обязательнейшим элементом своего существования. Из-за этого почти исчезла из употребления бумага: существующие способы машинной микрозаписи исключили потребность в ней как в писчем материале, которого потребовалось бы неимоверное количество, и тем спасли леса от вырубания. Специальные роботы вели непрерывное наблюдение за деревьями, удаляя и собирая сухие ветки и сучья, используемые как сырье в химической промышленности и производстве синтетических волокон: это способствовало и оздоровлению и улучшению внешнего вида лесов.

Неделя содержала три рабочих дня, по шесть часов каждый. Официально. Это только время совместной работы – при проведении экспериментов, операций, совещаний и консультаций. В остальных случаях работать можно было и дома, что было удобней и чаще всего делалось, – но в рабочее время радиосвязь всех должна быть обязательно открыта.

Остальное время тратилось по собственному усмотрению. Много его отводилось для отдыха и развлечений: четыре нерабочих дня и два месячных ежегодных отпуска. Обеспечение отдыха было мощным – для того чтобы люди могли интенсивно трудиться в сравнительно небольшое время, отведенное для обязательной работы.

Но почти все люди были учеными, главная, основная работа которых происходит в мозгу и ни в какое время полностью не прекращается. Работа – их главный интерес, смысл и наслаждение в жизни. И они продолжают работать всегда и везде. Эти люди говорят и спорят, обсуждая свои проблемы, где только можно. Часто ночами не встают из-за компьютера, ворочаются без сна на постели, нередко доводя себя до острого переутомления, нервного и психического истощения.

Они способны думать о своей работе даже во время спортивной игры. Озаренные вдруг мелькнувшим решением, к которому они долго и трудно шли, испытывают такой подъем, что ничто не может сдержать их напор: мяч и шайба точно попадают в ворота, корзину, сетку; шар уверенно идет в лузу, и фигуры на доске прорывают оборону партнера – не было большей радости, чем при достижении творческой удачи.

Внешне они сильно отличались от своих предков: все высокие, стройные, с красивым мускулистым телом, прекрасной осанкой. Благодаря тому, что с детства и до конца жизни уделяли много внимания спорту и различным физическим упражнениям, особенно по древней

⁴ Количественное, а не качественное увеличение, развитие.

системе «хатха-йога»⁵. За ними постоянно следили врачи-инструкторы, периодически назначавшие новый комплекс упражнений, режим и состав питания. Благодаря всему этому они обладали необходимой для интенсивной интеллектуальной работы физической выносливостью. Это же способствовало увеличению продолжительности жизни до 200 лет с сохранением почти до самого конца здоровья и работоспособности и до очень позднего возраста половой потенции.

Но, конечно, не только благодаря упражнениям и спорту: многое делала медицина, особенно хирургия. Полное преодоление иммунной несовместимости⁶ сделало возможными пересадки любых органов и членов тела. За счет этого осуществлялся ремонт организма и исправление дефектов внешности. Поэтому все были красивы. Поэтому никто не носил очков – кроме защитных, от солнца. Вершиной достижений хирургии являлась пересадка головы на другое тело – молодое, благодаря чему крупнейшие ученые Земли получали возможность прожить ещё одну жизнь.

В их внешний вид внесло свой вклад и изобилие тканей из натуральных и синтетических волокон, натуральных и искусственных мехов и кожи, металлов, пластмасс, искусственных камней, не уступавших натуральным, и всевозможных великолепных красок. Легкость переналадки универсальных машин, изготавливавших одежду, обувь и украшения, почти упразднила моду: каждый одевался согласно собственному вкусу. В ателье специалисты по одежде давали консультации и предлагали фасоны, используя огромные сборники образцов и собственные исследования и разработки. Там же кибер по выбранным фасонам, обежав лучом тело человека, делавшего необходимые движения, составлял программы изготовления и передавал их в личный блок памяти. Они обеспечивали возможность быстрого изготовления в любое время, поэтому лишние вещи никто не считал нужным иметь.

Всё человечество давно говорило на едином языке, искусственно созданном лингвистами по принципу построения эсперанто⁷ – на основе существовавших языков, из которых взяли наиболее распространенные в мире корни слов; с такой же легкой, простой и логически стройной грамматикой, не допускавшей никаких исключений из правил. Базой его послужили почти все языки Земли – вобрав в себя самое ценное из них, он был необычайно красив, звучен и выразителен.

Совершенно новое начертание букв, вновь принятый для текстов древний порядок изменения написания – бустрофедон: слева направо в нечетных и справа налево в четных строках, и многоцветность текста обеспечивали высокую скорость чтения.

Совершенная техника связи и киберы способствовали осуществлению полного демократического управления: вопросы, касающиеся всех людей Земли, выносились на всеобщее обсуждение и голосование. Регулярно проходили передачи их во все личные архивы по специальному каналу всегда открытой связи: ознакомление с ними было обязательным для всех. Давалась полная информация, необходимая для определения каждым собственного мнения, которое в приемлемой для киберов форме передавалась в единый центр, обрабатывающий всю сумму полученных мнений. Результаты докладывались в следующих передачах, а возможные варианты вытекающих из них решений ставились на голосование, в котором участвовали все

⁵ <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%B0%D1%82%D1%85%D0%B0-%D0%B9%D0%BE%D0%B3%D0%B0>

⁶ http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_biology/5756/%D0%A2%D0%9A%D0%90%D0%9D%D0%95%D0%92%D0%90%D0%AF

⁷ Эсперанто – международный язык, проект которого разработал в 1887 г. варшавский врач Л. М. Заменгоф. Его основу составляют интернациональные слова, часто понятные без перевода, и 16 основных грамматических правил. Структура и словарь эсперанто достаточно просты, чтобы человек без особых способностей к языкам мог за 3–6 месяцев занятий научиться вполне свободно объясняться на нём.

члены общества – ими считались закончившие университет. По результатам голосования принимались окончательные решения. Всеобщий высокий уровень знаний обеспечивал необходимую компетентность в решении вопросов.

Текущими делами управления занимались специальные, утверждаемые в выборном порядке, координаторы. Главным координационным органом был Центральный совет координации – орган чисто коллегиальный, не имеющий председателя.

Не существовало никаких насильственных органов и судов. Законодательство охватывало лишь комплекс обязательных для всех мер, обеспечивающих технику безопасности в условиях огромных технических возможностей. Проверки проводили специально назначенные люди. Компетентной группе лиц в случае необходимости поручали разбор нарушений и проведение нужных мер в отношении нарушителя, начиная с разъяснительных бесед и предупреждений. Если нарушитель не соглашался с мнением судившей его группы, разбирательство могло быть проведено более широким кругом лиц – вплоть до вынесения на всеземное обсуждение. Но этот порядок не был точно определен – из-за редкости подобных явлений.

Единственный исключительный случай применение крайней меры – физическое уничтожение нескольких человек, тайком использовавших наркотики, в том числе этанол⁸ в больших дозах, и после проведенного лечения вернувшихся к этому пороку, произошел после бурной кампании при утверждении подавляющим большинством человечества.

Несколько случаев, когда люди были обвинены в умышленной дезинформации или плагиате на почве честолюбия, также согласно общему решению, вызвало применение сурового наказания – длительного бойкота. Осужденный на бойкот лишался средств радиосвязи, не мог пользоваться личным архивом, компьютером, подземным хранилищем; ему запрещалось появляться в общественных местах. В жилой блок осужденного своевременно доставлялась еда, в достаточном количестве – но без какого-либо участия его самого в заказе блюд. Он получал туалетные принадлежности и чистую одежду, цвет и фасон которой указывал людям при его появлении, что с ним нельзя общаться никому. Он не мог ни работать, ни читать, ни смотреть и слушать передачи: он был замкнут в себе, несмотря на то, что его никто не охранял – это было невероятно страшно для человека.

Но часть людей исключалась из общества уже в раннем детстве. Это были те, кто не могли из-за недостаточных способностей заниматься интенсивным интеллектуальным трудом – и потому стать полноценными членами современного человечества. Отбор происходил до 10 лет на основе тщательных наблюдений педагогов, после чего будущее ребенка определялось окончательно.

Полноценные дети получали необходимое образование; неполноценные проходили самое примитивное обучение после того, как были «отбракованы»: лишь правилам гигиены, играм и несложному труду для поддержания здоровья. Благодаря машинам в их труде совершенно не нуждались, и в начале эпохи их считали обузой общества.

Но затем им нашли применение. Они составляли, во-первых, биофонд человечества, служивший источником заимствования внутренних органов и частей тела для хирургических пересадок полноценным, чей организм был изношен интенсивной работой. Во-вторых, их мозг использовался в биокиберах. В-третьих, служили для проведения на них различных опытов. В-четвертых, неполноценных женщин использовали для вынашивания и рождения детей и в качестве кормилиц и нянь. И, наконец, в-пятых, служили для удовлетворения сладострастия полноценных: таких называли гуриями. Исходя из этого, они были разбиты на специализированные группы, после распределения по которым проходили дополнительное обучение, связанное с определившимся назначением.

⁸ Этиловый (винный) спирт.

Отделение неполноценных породила нынешняя эпоха. Когда замедлился научный прогресс, люди, не желая с этим мириться, начали предельно увеличивать интенсивность своего труда, углубляя пропасть, отделявшую их от тех, кто к нему был не способен. Стремясь выйти из кризиса, они старались использовать всё возможное, и все средства казались им допустимыми и оправданными.

Но время шло и ничего не менялось. Блестящие успехи науки предыдущей эпохи стояли укором их бессилию. Это было драмой всех. Подавляющее большинство было охвачено разочарованием, чувствовалось нечто подобное всеобщей депрессии. И это настроение не удавалось одолеть с помощью шумных развлечений, которых у них было намного больше, чем у людей предыдущей эпохи.

У тех было меньше праздников, проще еда и одежда; была умеренность во всем, несмотря на имевшиеся возможности. Но они были счастливее, зная, что жертвуют этими благами, чтобы отдать время, труд, энергию и материалы для осязаемых успехов науки. Обходились лишь необходимым, но были современниками и участниками величайших открытий: были полны гордости своими успехами, веры в свои силы и будущее.

Скрипят деревья. До предела натянуты растяжки, не дающие ветру сорвать, унести палатку. Ночь. Лал не спал, погруженный в мысли, время от времени включая нагреватель трубки и втягивая пары.

...Одно из качеств, несомненно, положительное, достигло в нынешнюю эпоху необычайно высокой степени. Бережливость. Несмотря на изобилие. Это была не скупость – просто современные люди никак не могли понять варварского обращения с сырьем и материалами в прежние эпохи. Почему когда-то предпочитали добывать всё большее количество руды вместо того, чтобы полностью использовать все отходы и повторно, многократно использовать уже имеющийся металл? Вместо того, чтобы собирать все негодные и ненужные металлические предметы и детали; вместо того, чтобы защищать металл от коррозии?

Следствием этой бережливости явилась максимальная утилизация любых отходов. Каждый использованный предмет подвергался тщательному анализу для выявления возможности восстановления его первоначальных качеств. Если это оказывалось невозможным или нецелесообразным, то все материалы, из которых он был сделан подвергались переработке.

И при обработке сырья или продуктов они стремились использовать всё – до последней капли. А то, что невозможно, собирали, чтобы сохранить: знали, что не годное сегодня завтра может стать ценным сырьем. Собиралось абсолютно всё: пищевые отходы; одежда, которую больше не собирались носить; даже человеческие экскременты и моча. Каждая жилая секция имела сборник-утилизатор: он производил анализ, разделение, подготовку к транспортировке и отправку. Им же производилась полная рекуперация воды, поступавшей из канализации: это разгружало внешний водопровод, по которому лишь возмещалась разница между потребляемым и возвратным количеством воды.

Полностью использовались и трупы. В основном для пополнения хирургического биофонда; частично в качестве промышленного сырья. Мясом трупов неполноценных, умиравших не своей смертью, кормили животных на зверофермах и неполноценных. Дошло даже до того, что его стали есть и полноценные: нашлись биологи, утверждавшие, что оно наиболее легко усваивается человеческим организмом и потому является самым ценным видом мяса – его следует в первую очередь включать в рацион детей и больных. Это было одной из крайностей тотальной утилизации.

В своей докторской диссертации Лал отметил её как вторую из теневых сторон современной действительности. Первой он указал отсутствие достаточного количества близких связей на фоне многочисленности их у каждого человека – она волновала его в то время больше всего и была проработана с помощью анализа литературы разных эпох наиболее подробно. Ко

второй отмеченной им стороне – употреблению в пищу мяса неполноценных – Лал вернулся, когда начал заниматься журналистикой.

Стиль проведения интервью, который он применял почти с самого начала, был отличен от стиля большинства журналистов: во время его он сам немало рассказывал, вызывая многочисленные вопросы и отвечая на них. Это сильно помогало близко знакомиться с людьми и узнавать о них много больше, чем его в тот момент непосредственно интересовало.

Таким образом, он имел возможность убедиться, что не один питает отвращение к употреблению в пищу человеческого мяса: многие, не выступая против, сами никогда его не ели. Лал сразу получил поддержку, когда выступил в «Новостях» против каннибализма.

Людоедство – это возврат к дикости, доказывал он в серии своих статей. Оно существовало только у самых отсталых племен – ни один из цивилизованных народов не признавал его. Это явление, недопустимое с точки зрения этики: зверство, абсолютно недостойное разумных существ.

В ответ на его пламенные статьи с обилием цитат древних философов и различных этических учений противники его ударили слева. Если быть последовательными, то так же аморальны убой и употребление в пищу мяса животных. Они тоже били цитатами, в частности – Толстого и Ганди. Отвечая им, он впервые высказал положение, что убой животных не противоречит законам, по которым они существуют: биологические законы направлены лишь на сохранение вида в целом – индивидуальная ценность отдельной особи отсутствует.

Полемика, затравкой которой послужили его статьи, была весьма бурной; довольно много народа приняло в ней участие. В пылу полемики кое-кто из противников Лала договорился до того, что «неполноценные» вообще не могут считаться людьми в полном смысле. Он запомнил это.

Его оппоненты оказались в меньшинстве. Благодаря тому, что употребление мяса неполноценных полноценными было довольно кратковременным и не успело прочно укорениться. Всеобщим голосованием оно было запрещено; мясом неполноценных можно было кормить только зверей и самих неполноценных. Это устраивало всех, в том числе – и его самого.

Довольно быстро была одержана эта победа. Она принесла ему известность: многие начали искать встреч с ним.

Одна из них явилась толчком к появлению новых сомнений. Она произошла на одном из островов, оборудованном для детей младшего возраста. На встрече присутствовали несколько педагогов. Там он и услышал так потрясшие его слова:

- Какое это для нас горе – отбраковка! Как будто обрекаешь детей на смерть!
- Это наше общее несчастье, – все педагоги переживают её очень тяжело.
- Хотя мы и понимаем её необходимость.

Тогда же он впервые по настоящему встретился с неполноценными. С роженицами, кормилицами и нянями. Такими же, как те, одна из которых родила, вторая выкормила своей грудью, и третья нянчила его самого. Двух первых он совершенно не помнил, лишь о третьей осталось какое-то смутное, зыбкое воспоминание.

Не занимаясь до сих пор неполноценными, он, как большинство его современников, совершенно не соприкасался с первыми четырьмя их группами. С пятой группой, гуриями, он имел дело только в ранней молодости; потом в этом не было никакой нужды: его успех у женщин был достаточно велик. Поэтому о неполноценных он знал не больше других, то есть для своей профессии недопустимо мало. И Лал стал собирать материал о них.

Как корреспондент «Новостей» он посещал и места, мало известные большинству людей. Материал скопился значительный, содержащий большое количество поразительных фактов.

Но публикации этого материала редактор, Марк, категорически воспротивился:

– Пойми меня правильно, коллега. Мы живем в трудное, напряженное время. Надо выйти из кризиса: во что бы то ни стало. Люди не щадят ни себя, ни других. Мы можем вызвать дискуссию, которая отвлечет силы и отрицательно скажется на общем ритме работы.

– Но ведь это всё – правда!

– Это один из видов платы за прогресс. Мы не имеем право сейчас мешать.

Он сумел убедить Лала. Тем более, что Лал спорил не столько с ним, сколько с самим собой – с той половиной своего сознания, которая с детства привыкла считать предельно совершенным и непогрешимо правильным существующее социальное устройство общества, куда не могли быть включены по своим умственным способностям неполноценные. Люди лишь по рождению.

Но остановиться он уже не мог: неполноценные постепенно стали центром его внимания. Усиленно продолжая собирать связанный с ними материал, он основательно изучил историю вопроса и всё из других областей, имевшее к нему отношение. Пытался анализировать явление в историческом плане, но столкнулся с большими трудностями.

Ничего похожего не было ни в одну из предыдущих эпох. Не было никаких прямых исторических аналогий. Кроме одного: их совершенно бесправного положения. И полного лишения индивидуальной ценности жизни каждого из них. Донор умирает под ножом хирурга, чтобы дать средства для восстановления здоровья и продления жизни полноценных. Гурии, женщины и мужчины, без какого-либо вопроса об их согласии должны отдаваться полноценным. Как наложницы.

Но наложницы были рабынями. Пожалуй, вот тут можно отыскать какую-то аналогию: положение неполноценных отдаленно можно сравнить с положением рабов. Но аналогия слишком неполная: никто не эксплуатирует труд неполноценных. И всё же!

И постепенно появилось понимание факта, что неполноценные не являются чем-то не имеющим отношения к человеческому обществу по причине, которая казалась просто несчастьем, против которого пока не было средств. Они – совершенно определенная социальная группа, органически входящая в общество! И логически неизбежно следовал вывод: наличие её определяет существующий общественный строй – отличный от существовавшего в предыдущую эпоху.

Это было страшное открытие для него, сына своего времени. История для него и его современников была лишь историей научного и технологического прогресса: общественные отношения казались уже чем-то незыблемо стабильным, и неполноценные – существующими вне их, не имеющими к ним отношения.

Нет! Имеют. И их появление как социальной группы – шаг в общественно-историческом процессе, который и не собирался прекращаться. По мнению Лала, это был шаг назад. Отступление к социальному неравенству и несправедливости. Отпали их экономические стимулы они – возникли снова: на совершенно другой основе. Диалектический виток.

Но кому сейчас есть дело до неполноценных? Полноценные, интеллектуалы, не видят ничего, кроме своих проблем. Из них главная – выйти из общего кризиса. Даже те, кто выступал за запрещение употребления в пищу человеческого мяса, меньше всего думали при этом о неполноценных. И он, кстати, – тоже.

Непонимание, на которое он натолкнулся, – страшно, как бойкот. Он замкнут в себе, без конца возвращаясь к одним и тем же мыслям, кружа вокруг них, как прикованный.

Шеф, Марк, кажется, встревожен. Но он не стал снова уговаривать Лала. Вместо этого предложил ему командировку в Ближний космос. Хочет, чтобы Лал на время сменил обстановку.

Лал сразу согласился. Космонавты были очень интересной категорией, давно его привлекавшей. Эти люди, жившие в течение длительного времени в отделенном от всех малочислен-

ном мирке, успевали привыкнуть и привязаться друг к другу. И находясь на Земле, они старались держаться вместе. Их забота друг о друге, внимание, готовность в любую минуту помочь чем угодно, теплота их отношений – всё это выделяло их и отделяло от остальных: они не очень уютно чувствовали себя среди других людей.

Чтобы как следует познакомиться и сойтись с ними, Лалу нужно год провести на кораблях и космических станциях в пространстве и на планетах. На это время его связь ограничится только находящимися рядом и обменом радиограммами с Землей. На это и рассчитывает Марк: мало ли что может произойти за этот срок – не появится ли интерес к другим, менее неприятным проблемам?

Мысли о космосе немного отвлекли Лала. Он так и не уснул больше и давно уже не делал попыток.

Ночь почти кончилась. За откинутой занавеской начинало сереть. Хорошо, что ветер утих, что прекратился дождь. Он дождался полного рассвета и вылез из палатки.

Свежий влажный воздух остудил лицо. Он сделал несколько движений, разминаясь. Решил выкупаться.

Разделся и вбежал в воду. Она была холодной, но это-то и нравилось ему сейчас: пришла бодрость. Как и все, он с детства был отлично закален.

Но в момент, когда решил вернуться на берег, почувствовал, что сделать это не в состоянии: река после сильного дождя вздулась – с течением справиться невозможно! Срочно, срочно вызвать аэрокар! А до его прилета держаться – всеми силами!

Он напряг волю, стараясь дышать ровно. На минуту погрузился с головой, успев сделать с радиобраслета под водой вызов аэрокара. Только бы он теперь успел прилететь до того, как одереveneют начавшие коченеть мышцы: можно будет уцепиться за веревочную лестницу. Продержаться! Течение не одолеть – только устаешь, и он прекратил с ним бороться – стал использовать его же где возможно, чтобы хоть сколько-нибудь приблизиться к берегу. И когда аэрокар наконец-то появился в небе, Лал уже сумел сам оказаться недалеко от берега. Её рывок, последний – и через минуту он почувствовал ногами дно.

Лал выбрался на берег: стоя на четвереньках, судорожно дыша, несколько минут отдыхал. Потом заставил себя подняться и двинулся вдоль берега туда, где была его палатка; аэрокар летел за ним. Как только смог, стал ускорять шаг, затем побежал. Когда добежал до палатки, пар всюду валил от него.

Растеревшись докрасна сухим полотенцем, выпил несколько живительных глотков водки, съел кусок горячей рыбы. Блаженно развалившись на матрасе рядом с палаткой, он отдыхал. Казалось, вот-вот заснет, но слишком хорошо знал: легонько задремлет, всего минут на десять, – и сразу наступит бодрая ясность.

Так и было. И тогда снова пришли мысли, ставшие неотвязными. На мгновение вспомнил свое купание – и почему-то только тогда ощутил страх. Ведь мог утонуть! И утонул бы, наверняка, если бы продолжал стараться силой преодолеть течение. Куда там: как прет!

Мысль о потоке сплелась с мыслями о неполноценных. Силой не одолеть и поток исторического процесса! Надо стараться, тоже, использовать его же самого, находя те струи, которые будут приближать к желанному берегу. При существующем положении только так и удастся достичь цели.

Какой? Существует несправедливость. Это – факт, – хотя Лал ещё хотел, чтобы ему доказали, что он ошибается. Но уже не верил – почти совсем – что это возможно. Он должен ещё раз, последний, исследовать свой страшный вывод со всех сторон. Чтобы восстановить справедливость.

Это необходимо! Высокоинтеллектуальное человечество не должно допускать бесчеловечное обращение с себе подобными, хотя и стоящими ниже по уровню способностей. Люди не должны быть интеллектуальными зверьми.

Путь к цели вряд ли будет легким. Надо запастись хладнокровием и терпением. Куда большим, чем потребовалось сегодня. И не дать равнодушию, как холоду, сковать тебя. Найти те тенденции исторического процесса, явления и события, которые помогут. Как струи, медленно несущие к берегу. И не надеяться на быстрый успех. Надо верить до конца и не складывать руки. Надо, надо, надо!

Впервые за многие последние дни Лал почувствовал, что начинает успокаиваться. Нужно походить по лесу, достаточно много, чтобы физическая усталость помогла заснуть. Можно прихватить лук и стрелы: поохотиться.

4

Когда врач сказал Дану, что его хочет видеть Лал, тот равнодушно произнес:

– Пусть приходит.

Врач тут же вызвал Лала:

– Желательно, даже сейчас. Он никого не пускал к себе. Может быть, встреча с тобой сможет оказать на него какое-то благотворное действие.

...Более года пробыл Лал в Ближнем космосе; это было достаточной причиной, чтобы, вернувшись, самому вызвать Дана. Но ответного сигнала не получил. Сразу как будто оборвалось сердце: что с ним случилось? Он немедленно сделал запрос по компьютеру – и узнал о болезни Дана.

Чем болен, компьютер не сообщил, но, увидев Дана, Лал сразу определил болезнь: депрессия, глубокая. Нельзя сказать, что Дан обрадовался ему. Оставался таким же угрюмым, подавленным. Но Лал знал, что он сейчас вообще не способен ничему радоваться. И осторожно расспрашивая, добился того, что Дан немного разговорился.

– Ты получил мою радиограмму?

– Да. У Плутона.

В короткой радиограмме Дан сообщил Лалу о подтверждении предположения Михайлы и создании периодического закона элементарных частиц. Деталей в радиограмме не было.

На эту тему Дан говорил охотно. Рассказал о первом совпадении, потом о поиске материала.

– Я мог бы очень быстро помочь тебе его получить. – У Дана был тогда повод связаться с ним, а он – ждал.

– Не догадался, – совершенно равнодушно произнес Дан.

...До понедельника они кое-что успели сделать. Компьютеры у всех работали непрерывно. Даже у молодых аспирантов, Гая и Юки, которая дала необходимый материал; они тоже разъехались по домам, забыв о своей страсти.

Большинство частиц давало совпадение с группами графика. С некоторыми приходилось возиться, и Дан дал указание, не задерживаясь на них, переходить к другим частицам. Работали днем и ночью. Забыли об усталости, потому что дело шло успешно.

В понедельник Дан послал предварительное сообщение Академии и Центральному совету координации. К ним подключили большое количество математиков и специалистов по ядерным частицам. Дали почти неограниченный фонд времени использования суперкомпьютеров с правом внеочередного обслуживания.

Всё шло необычайно быстро. Трудности были только с частицами, характерные числа которых не поддавались обработке по общей методике: они отнимали больше всего времени.

У некоторых из них было обнаружено отклонение от основного принципа определения характерных чисел, после чего они были откорректированы и дали совпадение. Другие не поддавались и такой обработке и проходили экспериментальную перепроверку. К счастью, таких было совсем мало. Перепроверка во всех случаях обнаружила ошибки или помогла дать уточненные поправки на погрешность измерений.

Но ещё до окончания перепроверки начали построение самой системы частиц на основе повторяющихся групп разностей соседних интервалов между простыми числами. Некоторое количество мест в ней не были заполнены: значит, должны быть ещё не открытые частицы. Если, конечно, верен принцип. Набор характерных частиц каждой из гипотетических частиц давал возможность довольно близко предсказать их свойства и согласно этому построить эксперименты. Поиск их увенчался успехом. Их открыли даже раньше, чем была закончена обработка последних «трудных» частиц.

Это окончательно убедило Дана: чутье и раньше уже подсказывало ему, что закон верен. И он, не дожидаясь окончания работы по составлению периодической системы частиц, начал отходить от непосредственного участия в ней. Вернулся к своей основной теме, вооруженный открытым законом, и с удивлением обнаружил, насколько многие из его работ, в которых он когда-то зашел в тупик, вдруг получили выход, сплелись в стройную цепочку выводов, давая объяснение множеству накопленных фактов.

Он пытался понять, что кроется за ними – простыми числами. Какая загадка природы? И какие новые возможности может дать человечеству её разгадка?

От работы над частицами он устранился полностью, только интересовался новыми результатами. Интенсивно работал над своим, используя весь ранее отпущенный ему фонд машинного времени суперкомпьютера, производившего перебор данных и сложнейшие расчеты. С их помощью он надеялся наткнуться на что-то, что поможет ему.

Но как когда-то, постепенно начал понимать, что из этого ничего не выйдет. Дело уже не в математических трудностях. Нужно понять какие-то фундаментальные вещи. Но какие?

Когда впервые мелькнула мысль о возможных высших структурах, которым необходимо приписать константы, подобные скорости света, но не одну, а несколько, он сразу постарался отбросить её как очевидно нелепую. Ведь тогда также необходимо допустить совместное существование сразу нескольких различных пространств, к тому же не четырех, а многомерных, с разными геометриями и временем. Плюс к этому сложная кривизна, неоднородность пространств и очень зыбкое представление о непрерывности и бесконечности. Чутье, абсурд!

Но перебирая один за другим приходящие в голову варианты, он снова остановился на этой гипотезе, решив проверить и её. Просто так, будучи уверен в её ошибочности. Но не сумел обнаружить в ней внутреннюю противоречивость. Несмотря на безумие принципа, стройные математические зависимости давали весьма убедительные результаты. Некоторые расхождения с данными экспериментов легко объяснялись их нахождением в пределах вероятных ошибок.

Значит, она правильно отражает действительность? Нет, тысячу раз – нет!!! Всё восставало в нем. Чтобы принять эту гипотезу, надо переломать всё. Все взгляды, все представления. Нет – и ещё раз нет!!!

Как загнанный кружась по бесконечному кругу, снова и снова пытался он найти выход в другом варианте, другом объяснении. Лихорадочно думал и искал. И ничего не получалось.

Почти перестал спать. Переутомлен был неимоверно. С огромным трудом скрывал свое состояние во время регулярных врачебных осмотров. Всё начало раздражать и угнетать его, еда внушала отвращение; стало трудно сосредоточиться, кружилась голова и было трудно дышать. Он потерял веру в себя, жизнь и всё окружающее казались бессмысленными и отвратительными. Откуда-то появились безотчетный страх и необъяснимое чувство вины за всё.

Чтобы не оставаться одному по ночам, последнее время вызывал к себе с вечера гурию. Одну и ту же. И отпускал её лишь утром, когда совсем рассветало. Несколько дней назад он, разбив аквариум, сделал попытку покончить с собой с помощью осколка стекла. Помешала гурия, которая, вернувшись от него, сообщила об этом. Так он очутился здесь.

...Рассказывал он сбивчиво, сумбурно, перескакивая и повторяясь. О попытке самоубийства говорил совсем кратко, нехотя, но полная безнадежность его взгляда внушала опасение, что он ещё не расстался с этой мыслью.

– Не исключено, что твоя гипотеза верна, отец.

– А-а! Этого не может быть. Просто я сошел с ума, потому и додумался до такого.

– Но теории относительности тоже вначале казались безумными.

– Эйнштейн не был болен: он не сходил с ума.

– А я читал, что ему пришлось лечиться от сильной депрессии. Источник, правда, не абсолютно достоверен – но поверить можно. Это расплата за перенапряжение при попытке перехода за уровень своего времени. И в его, и в твоём случае.

– Сравнить меня с Эйнштейном!

– Именно! Ты веришь мне?

– Тебе – да. Ты очень много знаешь.

– Тогда послушай. Мне кажется, что она верна.

– Нет!!! Нет!!! – закричал Дан, тряся кулаками. Тотчас же вбежал медик-студент:

– Уходи, пожалуйста. Быстрее!

Лал ушел, полный противоречивых чувств. Он был невероятно расстроен состоянием Дана. И одновременно радостно возбужден: потрясающая гипотеза Дана – Лалу действительно казалось, что она должна быть верна, хотя Дан сам и не хочет, вернее, не может ещё признать это. Лал не был физиком, но вполне понял то, о чем говорил Дан: современный историк должен был знать очень и очень многое, и Лал, пожалуй, как никто обладал этим качеством. И, кроме того: кто ждет и надеется, тот раньше других начинает верить.

Если всё правильно, трудно переоценить открытие Дана. По калибру оно не уступит крупнейшим открытиям предыдущей эпохи – это будет настоящий переворот в физике. Значит...

Значит, это будет знаменовать конец нынешней эпохи – эпохи без крупных научных открытий, эпохи безверия и уныния. Эпохи кризиса, выход из которого является всеобщей целью. И тогда многое может измениться. Открытие Дана – то, что может стать струей, которая понесет к берегу.

Неполноценные! Ничего не изменилось во взглядах Лала за время его отсутствия на Земле. И там он видел неполноценных – тех, на которых проводят опыты: других там нет совершенно. Работы было меньше, чем на Земле, времени хватало, – имела полная возможность всё снова подробно обдумать. И он вернулся, твердо убежденный в правоте своих взглядов на современное социальное устройство.

Гипотеза Дана – как вспышка во мраке. Надо верить, что она не погаснет. Надо, ой как надо, чтобы Дан смог выздороветь! И как можно скорей.

...На следующий день Дан сам попросил врача вызвать Лала. Первым его вопросом было:

– Ты рассказал кому-нибудь об этой проклятой гипотезе?

Лал удивленно глянул на него:

– Нет, конечно: ты же не давал мне разрешения.

– Ну, хорошо. Никому не говори. А ещё лучше – вообще о ней забудь.

– Нет. Я знаю: ты скоро выздоровеешь – и опять вернешься к ней.

– Вряд ли.

– Обязательно. Всё будет хорошо: они тебя скоро вылечат – верь мне.

Но Дан был слишком измучен, чтобы верить во что-нибудь. С ненавистью встречал он каждый новый день. Не быть, не говорить, не думать, не существовать – самое сильное его желание.

К счастью, от лекарств, которые давал ему врач, он большую часть времени спал. Во сне организм освобождался от скопившихся шлаков. И острота отчаяния уходила, хотя по-прежнему ничто не радовало его.

И вот однажды, проснувшись, Дан снова почувствовал бодрость, спокойствие и радость существования. Сверкало солнце, трепетали от легкого ветра листья деревьев за окном. Ясность в голове, сила и уверенность в мышцах. Улыбкой встретил он приехавшего в обычный час Лала.

...Они много гуляли по парку клиники, молча или разговаривая. Ловили вместе рыбу в пруду. И мысли Дана медленно начали возвращаться к работе.

Он почувствовал, что уже спокойно может воспринимать свою гипотезу гиперструктурного строения материи. Понемногу начал заниматься ею. И теперь, когда он принял странные выводы как неизбежные, всё окончательно прояснилось и начало укладываться в стройную систему.

За неимением другого первые записи он сделал веткой на песке, на берегу пруда.

– Сынок, сними их, пока ещё целы, – с хитрой улыбкой обратился он к Лалу, которого дожидался в то утро с нетерпением. И Лал бросился выполнять его просьбу: к счастью, ветер не успел повредить записи.

В тот же день Лал решил поговорить с его лечащим врачом.

– Теперь его не остановить. Отсутствие возможности пользоваться архивом и компьютером от работы его не удержит – будет делать без всяких средств, в голове. Это не даст ничего, кроме перенапряжения мозга.

– К сожалению, мне это хорошо известно. Выписать из клиники придется, только не сорвется ли он без постоянного наблюдения?

– Я буду с ним каждый день, когда только можно – буду следить, чтобы он снова не сорвался.

– Хорошо. Я сам буду наблюдать его раз в три дня. Но ты, если заметишь что-то, сообщи сразу же. Договорились?

Дану он очень подробно при выписке объяснял режим работы, смены занятий, отдыха и приема лекарств.

– Строго рассчитывай силы. Как на длинной дистанции. Начнешь преждевременно форсировать – снова сорвешься.

И всё-таки врач напоследок спросил Лала, когда Дан вышел из кабинета:

– Ты не сумеешь уговорить его как-то отложить работу? Хотя бы на полгода?

– Ты плохо знаешь Дана. Но все твои указания мы выполним.

5

Дану потребовалось всего около года, чтобы всё закончить и оформить. Удивительно быстро.

– Если не считать предыдущие сто тридцать лет, – задумчиво сказал он Лалу, завершив работу.

Лал всё это время был рядом. Дело дошло до того, что он стал появляться у него в блоке. Сначала изредка, когда погода была настолько скверной, что они не могли, как всегда, идти гулять вдвоем. Потом всё чаще. Дан работал, а Лал устраивался на террасе и тоже работал, писал.

...Первый доклад о гипотезе гиперструктур Дан сделал в самом узком кругу – группе, работавшей над созданием периодической системы элементарных частиц. Это были люди наиболее подготовленные, и того требовало его положение их учителя. И, затем, на следующий день – официальный доклад Академии.

Как и ожидал Лал, присутствовавший на обоих из них, гипотеза Дана оказалась слишком неожиданной для современных физиков. У большинства она вызвала резкое неприятие. Но другие, пораженные смелостью выводов Дана не меньше остальных, бурно выражали свое согласие с ними; указывали множество дополнительных явлений, которые, наконец-то, могут быть непротиворечиво объяснены.

Главное, что поражало: используя парадоксальные свойства гиперпространства, создавалась возможность невероятно быстрого преодоления сверхдальних расстояний. Возможность небывалая, невероятная, огромная: прорыв людей, не киборгов⁹, в Дальний космос.

До сих пор корабли с людьми, бороздившие Ближний космос, не забирались дальше Минервы – двенадцатой планеты Солнечной системы. В Галактику уходили лишь разведчики-киборги, управляемые мозгом человека, заключенным в специальной камере, где ему обеспечивалась подача жидкости, насыщенной кислородом и питательными веществами, и вывод шлаков. Тысячами связей мозг был соединен с датчиками, компьютером и органами управления корабля. Передвигаясь на огромных скоростях в Большом космосе, разведчики возвращались – не все – через десятки и сотни лет после отлета и приносили бесценную информацию о глубинах Галактики, звездах, планетах. Главной целью их поиска были планеты, пригодные для заселения, и обнаружение внеземных братьев по разуму. Но пока ни один разведчик не принес радостной вести.

И из-за этой возможности, несмотря на то, что сторонников теории Дана было ничтожное меньшинство, он получил возможность сделать всемирный доклад.

Никто не остался в стороне. Гипотезу обсуждали везде и все; спорили бесконечно, яростно. Её трудно было принять – её невозможно было опровергнуть. Она могла означать невиданный научный взлет, выход на новый уровень человеческого могущества, расширение границ господства над природой. Или новое разочарование в своих силах – ещё более горькое. И всё бурлило.

Не один год понадобился, чтобы добиться общего её признания. Противники её были вынуждены отступить: достаточно значительным было число объясняемых ею фактов, – был и случай практического использования. За это время Дан, вначале один, а затем во главе мощного конструкторского бюро подготовил принципиальное решение конструкции гиперэкспресса-звездолета.

Когда вопрос о создании его был поставлен на всемирное голосование, никто не выступил против – даже многочисленные ещё противники самой теории. Никого не остановила необходимость не один год обходиться более скромной пищей и одеждой, отказаться от многих развлечений, затормозить собственные работы. Чтобы создать чудо своей эпохи – звездолет-экспресс.

Длина его ажурной конструкции, образующей ортогональную систему поверхностей второго порядка – эллипсоидов и гиперболоидов, должна была быть около ста километров, диаметр – тридцать. Её должны были смонтировать за пределами Солнечной системы, далеко за орбитой последней планеты – Минервы. Руководство строительством поручили ученику Дана – Аргу.

⁹ Киборг (сокращение от англ. *cybernetic organism* – кибернетический организм) – биологический организм, содержащий механические или электронные компоненты.

Как и разведчики, уходившие в Дальний космос, экспресс в первом полете ещё должен быть кораблем-киборгом, управляемым мозгом крупнейшего астронома Тупака, двести лет тому назад пересаженный в корабль-разведчик. Он летал в Галактике, доставляя на Землю сведения о ближайших к Солнцу звездах. Тупак отличался неправдоподобной смелостью, дерзостью и изобретательностью.

Узнав в свой последний прилет о возможностях, открываемых теорией гиперструктур, он почти потребовал, чтобы первый экспресс-звездолет дали вести ему. На предупреждение о достаточно большом вероятном отклонении конечной точки гиперпереноса от расчетной, радировал:

– Ну, так двум смертям не бывать, а одной – не миновать. – Эта перспектива его не останавливала. Он верил – ему до сих пор здорово везло.

В случае удачи он пошлет сигнал, который через пятнадцать лет дойдет до приемных станций в Солнечной системе, а сам потом облетит ещё несколько звезд и исследует их, а в случае обнаружения и планеты с помощью автоматов-разведчиков, после чего вернется.

Вращаясь на своем корабле вокруг Солнца, он вел переговоры с Академией, Даном и Аргом.

Годы после отлета гиперэкспресса Дан посвятил исключительно преподавательской работе. Он создал и читал курсы теории гиперструктур для университетов и институтов и введение в теорию для лицеев и колледжей.

Постепенно замолкли все, кто был вначале не согласен с его теорией. Появление её как мощный импульс вызвало следом большое количество крупных открытий. Казалось, уже кончилась эпоха научной депрессии, и человечество радостно двинулось по пути научного прогресса. И в успехе полета Тупака никто не сомневался. Кроме самого Дана.

Он был самым популярным человеком на Земле. Всемирным голосованием его избрали академиком: этим даровали ему вторую жизнь – его голова незадолго перед смертью будет пересажена на тело донора. Но Дан мало думал об этом. Нетерпеливо, хотя внешне это никто не мог заметить, он ожидал сигнала Тупака.

...И сигнал пришел. Были прерваны абсолютно все передачи для экстренного сообщения Академии.

Люди как будто обезумели: бурное ликование охватило всех. Никто не сидел дома, в своем блоке. Люди толпились на площадях и аллеях, кричали, пели, плясали.

Хотели видеть Дана. Но он не появлялся. В ответ на нескончаемые радиовыводы лишь на несколько минут появился на экранах, поздравил людей, поблагодарил всех и сказал, что хочет побыть один. Его не смели беспокоить. Но глазок приемника горел, шла запись непрерывно поступающих радиограмм.

Только когда после сигнала вызова на экранчике радиобраслета появился Лал, он сказал:

– Приди ко мне: очень жду тебя.

Лал застал его в садике, сидящим в кресле – с выражением какого-то полного бессилия и безразличия ко всему. Равнодушно поблагодарил за поздравление, за принесенные цветы.

Лал откупорил бутылку со светлым вином.

– Её дал мне когда-то один винодел: в нем старое вино с удивительным букетом. Он велел хранить это вино до особого случая, который может быть только раз в жизни. Сегодня как раз такой. Выпьем за победу, отец! – Губы Лала дрожали, в глазах стояли слезы.

Они чокнулись. Дан сделал несколько глотков. Он слишком устал: начал моментально пьянеть. Жадно допил свой бокал. И вдруг начал рыдать.

Лал не успокаивал его: пусть, слезы помогут ему расслабиться. Постепенно Дан успокоился и стал засыпать, ещё изредка всхлипывая.

Робот постелил постель. Дан уже спал. Лал сам поднял его, чтобы перенести в нее, и с удивлением и испугом почувствовал, какой он стал легкий. Осторожно уложил его.

Как же он постарел, ссохся. Как выжатый лимон. Герой – измученный совершенно!

...Лал включил полное затемнение и ушел, оставив спящего тяжелым, мертвым сном Дана.

Он шел по аллеям, ярко освещенным и заполненным людьми. Надвигалась ночь, но никто не думал о сне. Люди шли, обнявшись – ликующие, пьяные от счастья. И Лал чувствовал, что сегодня он один как никогда. Для них это – победа, конец эпохи кризиса. Для него – лишь конец первого этапа окончания его.

Пожалуй, самого важного. Поэтому на все эти годы борьбы за утверждение теории Дана пропаганда её стал основным делом и смыслом его, Лала, жизни. Он поверил в значимость этой теории с самого начала: она должна была покончить с кризисом. До того никто бы не стал его слушать. Даже Дан.

Дан! Сколько раз казалось, что, глядя ему в глаза, Дан угадывает, что он всё время что-то таит в себе, не досказывает. Но мысли Дана были сосредоточены лишь на одном. Он отдавал себя этому целиком – предельно напряженный сгусток мысли, энергии, воли. И не было уже места рядом ни для чего другого. Иначе было невозможно. Лал это слишком отчетливо понимал. И не смел мешать. Он терпеливо ждал.

Но и после отлета корабля Дан продолжал думать только о том же. Он уже не нуждался в помощи Лала, они стали видеться несколько реже. Лал с головой окунулся в литературную работу, создал несколько книгофильмов. Журналистской работой продолжал заниматься только для того, чтобы иметь доступ к сведениям о неполноценных.

Несправедливость существующего социального порядка для него давно была очевидна. Примеры истории призывали к её уничтожению. Но конкретного пути к этому он не видел.

Осторожные попытки высказаться по-прежнему оставались безрезультатными. Сегодня рухнула и надежда сказать всё Дану: у Дана совершенно нет сил – он без остатка потратил себя, свернув гору. Никто не в праве взваливать на него сейчас новые проблемы. Тем более он, самый близкий его друг. Дана надо щадить: к сожалению, ясно – начинается его угасание. Жить ему остается немного, если... Если не удастся операция возрождения. Но больше шансов, что удастся. И тогда – тогда другое дело. Но пока... Пока Лал не скажет ему ничего.

Лал продолжал идти по аллеям, отвечая на многочисленные приветствия и поздравления, и никто не знал и не догадывался, какие мысли мучают его. Машинально дошел до кафе, куда чаще всего заходил последнее время. Сегодня здесь шумно, несмотря на страшно позднее время. Перед многими стояли бокалы с вином, как на пиру.

Ещё у двери он услышал слова, заставившие его сразу повернуть голову:

– Неужели и теперь всё останется, как было? Должна же когда-нибудь исчезнуть она, отбраковка – проклятье наше! Кому она теперь нужна будет – не понимаю! – говорила молодая женщина.

За её столом сидело человек десять. Лал назвал себя и попросил разрешения присоединиться к ним. Они охотно сдвинулись, давая ему место.

Женщину звали Евой. Лал и она быстро нашли общий язык и, почувствовав, что их разговор мало интересен для остальных, вскоре покинули кафе. Долго шли, пока не оказались за пределами города.

Лал считал, что ему, наконец-то, повезло. Они проговорили весь остаток ночи: обоих мучили близкие вопросы.

Еву, педагога, волновала в первую очередь отбраковка. Много из того, что она говорила, он слышал раньше, не один раз.

... Как больно собственными руками изымать из человеческого общества ребенка, с которым возился – и к которому привык! Как бы он не был малоспособен. Отбраковка – проклятье, отравляющее жизнь всех педагогов и врачей, растящих детей ранних возрастов.

Все они, и она в том числе, понимают значение и необходимость её при максимальном напряжении сил для выхода из кризиса. Но, похоже, кризису пришел конец. Так нужна ли и дальше эта отбраковка? Конечно, использование неполноценных немало дает человечеству, и вряд ли от него смогут отказаться. Но нельзя ли найти что-нибудь иное? Попробовали бы сами участвовать в этом кошмаре – отбраковке!

Ведь дети, к которым привык, дороги тебе все: и способные, которыми гордишься, и малоспособные, которых тебе жаль. Дети самое лучшее, самое прекрасное на свете, особенно маленькие. Женщины былых эпох, которые сами рожали детей и кормили их собственным молоком, наверняка были счастливее современных. Она бы хотела очутиться на их месте...

У Лала появилось предчувствие, что она подводит его к какой-то разгадке.

– А если бы твой ребенок был бы лишен способностей? – задал он ей вопрос.

– Возилась бы с ним, пока жива. Даже с взрослым. Он, всё равно, был бы мне дороже всех.

– А если бы его попытались отбраковать?

– Ну! Не дала бы!

– Не дала бы?

– Никогда! Любой ценой.

– Ну... А если бы – все женщины сами рожали и нянчили своих детей?

– Тогда уже со всеми детьми никто ничего не смог бы сделать. Не позавидовала бы я тому, кто бы попытался!

– А мужчины как?

– Тоже: если бы знали, что это их ребенок, помогали бы растить и привыкли к нему – и тоже ничего не дали бы с ним сделать.

Она была права!!! Ведь Лал знал историю появления неполноценных: они стали социальной группой после перехода на рождение детей исключительно специальными роженицами, которые тоже вошли в состав неполноценных. Именно так замкнулся порочный круг.

Вся его беда была в том, что он до сих пор не видел существенной связи этих явлений. Только сейчас понял, наконец, в чем основное условие существования социальной группы неполноценных, одна из главных причин. И стало ясным, что надо делать.

... Но Еву, оказывается, волновала лишь отбраковка. Горячее желание избавиться от нее, причем как можно скорей, и мечта самой стать матерью, влияние подспудно заложенного в ней инстинкта, существовали для нее совершенно отдельно, вне всякой связи. В возможность врат ворот всех женщин к материнству она не верила. Главное: добиваться безотлагательной ликвидации отбраковки. Любой ценой.

Даже за счет увеличения потомства неполноценных. Ведь они неполноценные с самого рождения – с ними все ясно, и ничего не надо решать. Она была, всё-таки, удивительно человек своего времени, которому существование неполноценных в принципе казалось совершенно нормальным.

Но при этом в отличие от Лала она не была столь одинока. Ева знала многих, которые думали так же, как она. Число их было достаточно значительным. Они могли бы добиться проведения хотя бы частичных мер по ограничению отбраковки.

Это могло бы быть первым реальным шагом. И если они начнут действовать, он обязательно присоединится.

Он протянул ей руку. Они понимали друг друга: пальцы не переплелись – руки соединились в крепком пожатии.

6

Конец приближался. Дан отчетливо понимал это: силы уже стали совсем не те. Всё-таки потихоньку ещё занимался оттачиванием учебных курсов теории гиперструктур, руководил учениками. Но теперь гораздо больше стал интересоваться вещами, не связанными с работой. Путешествовал. С удовольствием сидел вечерами в клубах и кафе. Беззаботно веселился на пирах, любясь танцующими и присоединяясь к поющим. Читал, размышлял о смысле жизни.

Частенько сидел в своем садике, любясь ночным небом и звездами, и мечтал. Жизнь почти прошла, целиком отданная решению поставленной себе задачи. Он не жалел не о чем, тайком даже от самого себя гордясь своими результатами. Если он умрет, его не забудут: он добился того, что являлось затаенной мечтой каждого – места в Мемориале Гения Человечества.

...Расположенный на склоне самой высокой на Земле горы, Джомолунгмы, гигантский комплекс его начинался у самого подножия и шел кверху. На террасах-ступенях исторических эпох стояли скульптуры, висели портреты и были начертаны имена и заслуги тех, кого помнило человечество, кто мыслью своей и деятельностью продвинул его вперед по пути познания и прогресса. Каждая ступень была заключена в строение, отражавшее основные архитектурные стили той эпохи; размер скульптуры или портрета и надписи соответствовало значительности заслуг. Ступени по мере возвышения становились всё больше и тесней заставлены. У входа в Мемориал стояла статуя первобытного человека с каменным топором.

В пустом зале на последней ступени проходили торжественные вручения докторских дипломов, отпечатанных на настоящей бумаге. Молодые ученые поднимались туда пешком, проходя через все залы.

...И всё же грустно думать о том, что впереди ничего, кроме Мемориала. Да и зачем: мало операций возрождения кончается неудачей. И более вероятно, что и он воскреснет с молодым телом и свежими силами для новой жизни.

Чем займется он в этой новой жизни? Конечно, создать ещё одну теорию, подобную теории гиперструктур, он не сможет: до конца прикован к рожденным им самим в муках представлениям. Для возможности создания другой такой теории надо менять не тело, а мозг. Значит, только продолжать занятия частными вопросами своей теории и преподаванием? Стоит ли для этого жить второй раз?

Что он хотел в настоящей жизни и от чего отказался ради своей основной работы?

Многие педагоги в детстве считали, что он станет музыкантом. Он и сейчас необычайно любил музыку и играл на оркестрионе, по оценке всех, кому довелось слышать его игру, замечательно, – но понимал, что главным в жизни она для него стать не смогла бы.

Ещё он очень любил в детстве читать о путешественниках и первооткрывателях. Может быть, самому отправиться в Дальний космос на гиперэкспрессе – разыскивать внеземные цивилизации?

...Лал в этот момент возник на экранчике радиобраслета, и Дан полусерьезно рассказал ему об этой мысли.

– Меня возьмешь с собой, отец?

– Ну конечно! Как я там буду без тебя? Мне и здесь тебя теперь частенько не хватает. Как идет книгофильм?

– Посмотришь последние куски?

– Конечно: включи мне их перезапись. Предыдущий кусок, по-моему, очень удался.

– Это немалая заслуга Лейли.

– Передай ей, что мне трудно сдерживать слезы в иные моменты, когда она играет.

- Она будет тронута. Твое имя она всегда произносит с благоговением.
- Как жаль!
- Почему?
- Я стар – а она такая красивая и талантливая.
- Можно ей это сказать?
- Если хочешь.

Когда силы Дана стали стремительно убывать, его перевезли в Институт возрождения под постоянный надзор медиков.

Шла подготовка к операции. Были намечены и дополнительно обследованы на оптимальную биосовместимость несколько неполноценных – доноров тела. Из них выбрали основного донора и запасного дублера и начали готовить к операции.

...Дан уже подходил к тому пределу состояния, когда операцию больше откладывать нельзя. Ещё раз было получено его согласие, и окончательно назначена дата.

Устроили вечер его прощания с теми, кого он хотел увидеть последний раз перед долгой, а может быть, и вечной, разлукой: его ближайшими учениками, коллегами – и, конечно, Лалом. Лучшие исполнители играли его любимые произведения, пели, танцевали, читали стихи.

А пришедшая с Лалом Лейли, талантливейшая актриса и самая красивая женщина Земли, тихо сказала ему:

- Возвращайся возрожденным. Тебя будет ждать моя страсть.

Он улыбнулся: ей, своим мыслям. Никогда в жизни страсть не охватывала его сильнее, чем жажда открытий. Что ж, прекрасно, если будущее сулит и это: страсть такой прекрасной женщины – с божественно красивым лицом и телом, бездонными темными глазами и нежным ртом.

..Лал был с ним до последнего мгновения, и его лицо над колпаком, под который Дана уложили, чтобы усыпить, было последним из того, что он видел перед тем, как уснуть

Часть II ГИПЕРПЕРЕНОСЫ

7

Более сотни хирургов с помощью огромного числа аппаратов вели в специальной камере сложнейшую операцию. Голову Дана многими тысячами связей соединили с телом молодого донора.

Потом был долгий послеоперационный период между небытием и бредом. И ещё много времени прошло, прежде чем сознание стало ясным, и ещё, когда ему, наконец, позволили встать и начать двигаться. Новое тело, молодое и красивое, было непривычным для него: он с трудом управлял своими движениями. Тщательный уход, жесткий режим, процедуры, лекарства, упражнения – он ничего другого не знал и не видел, находясь в институтском санатории.

Оттуда Дан вышел только через три года после операции, полностью владея своим новым телом, молодой и сильный, с разгладившимися под действием свежих гормонов морщинами и снова потемневшими волосами. Пока ещё след шва на шее был укрыт защитным золотым воротником в форме древнего египетского ожерелья.

Он вернулся домой в канун Нового года, никого не предупредив: хотел устроить всем сюрприз, неизвестным появившись на новогоднем карнавале. Единственный радиовывоз он сделал Лалу, но тот не ответил: снова был в Ближнем космосе.

... В сообщении на экране не было ни слова, что Лал улетел туда не по собственной воле. Когда-то это называлось ссылкой, внешне было очередным заданием «Новостей». Для тех, кто этого добился, длительное отсутствие Лала на Земле казалось лучшим выходом из создавшейся ситуации.

Педагоги, единомышленники Евы, зашевелились как раз к тому времени, когда Дана поместили в Институт возрождения. Это произошло не без воздействия на них серии статей Лала, так что нельзя было считать, что он лишь примкнул к ним после того, как они объединились и выступили за ограничение отбраковки.

Развернулась полемика с теми, кто был против каких-либо изменений. Их было много: генетики, хирурги, биокибернетики, сексологи, социологи. У возглавлявших их, особенно у крупнейшего генетика Йорга, хватало понимания того, что полемике нельзя позволить стать широкой, чтобы не заострять всеобщее внимание на связанных с ней вопросах. Им удалось сделать всё возможное: многие о полемике даже не знали.

Лал выступил с новой серией статей. С самого начала его положение было крайне сложным: полных единомышленников у него не было даже среди тех, с кем он был заодно. В пылу полемики он начал говорить гораздо больше, чем требовалось для поддержки движения. И оказался совершенно один. Лишь стремление противников движения избежать широкой огласки спасло его: без всемирного суда применение бойкота было невозможно. И Йорг убедил Марка отослать его в Малый космос.

Первый раунд был проигран. Надо было опять ждать. И делать пока хотя бы возможное. Что ж! Он понимал, что это лишь начало. И временно отступил. Не изменив убеждений, не теряя веры.

Миллиарды километров отделяли его от Земли и от Дана.

Новогодний карнавал – самый пышный из общеземных. В каждом городе для него специально строятся огромные павильоны для пиров; объединяются усилия художников, шутов и артистов. Кулинары стараются превзойти самих себя, используя самые редкие деликатесные

продукты, производство которых ограничено из-за нежелания тратить слишком большое количество энергии. И каждый карнавал сверкал выдумкой и фантазией и не был похож на предыдущий.

Дан оделся, как молодой – ярко. Тонкая белоснежная кружевная рубашка из льна с огромным, закрывающим плечи воротником; золотая сетка-жилет с длинными кистями до бедер поверх нее; цвета чешуи красной рыбки-меченосца рейтузы и туфли из черного бархата. На голове стягивающий темные блестящие волосы золотой обруч в виде поднявшей голову кобры с глазами из рубинов. Ювелирный чехол радиобраслета, кольца и серьги с халькопиритом. Он был красив, неузнаваемо.

Сюрприз явно удался: в зале павильона на него абсолютно никто не обратил внимание. Он занял свободное место за длинным столом, стараясь держаться как можно более незаметно. Его ученики где-то близко; они ничего не подозревают. Он предвкушал, как неожиданно подойдет к ним – то-то будет!

Огромная живая ель посреди павильона сверкала разноцветными огнями и множеством украшений. Пол, стены, сиденья и даже столы покрыты ворсистой тканью, сверкающей и белой, как снег. С потолка свисали огромные снежинки.

Новый год. Уже близок момент его наступления. Наполнены и подняты бокалы, фиалы, кубки, рога. Музыка звучит тише, меркнет свет – воцаряется традиционная пятиминутная тишина, когда видны только звезды сквозь прозрачный купол, и каждый остается наедине с собой и своими мыслями.

В темноте звучат удары колокола, и вместе с последним ударом загораются елка и яркий свет.

– Привет тебе, наш дорогой учитель! С Новым годом тебя и новой жизнью! – слышит Дан. Весь зал стоит, громко приветствуя его, и прямо перед ним Арг и все остальные его ученики с фиалами в руках. Ну и хитрецы – пропал сюрприз! Но нет досады – он смеется вместе с ними.

Арг вел его к почетному месту, которое ждало его; все старались чокнуться с ним, когда он проходил мимо, и хор исполнял песню, написанную специально ко дню его возвращения: «Мы ждали тебя!».

Он уселся за стол со своими учениками – в это время хор сменил солирующий женский голос. Певица сидела на возвышении, подсвеченная среди наступившей полутьмы, аккомпанируя себе на оркестрионе-арфе. Голос её – низкий, глубокий, и движения по струнам арфы – чудно грациозны. Она молода: её главное украшение – чистая красота её нагого тела под длинным свободным одеянием из тончайшей прозрачной ткани. Фигура высокая и стройная, с гибкой талией; высокая упругая грудь натягивает ткань. Тонкие рыжие волосы лежат вдоль спины и касаются пола. Огромные влажные глаза, трепещущие ноздри, немного большой подвижный нежный рот; немного велики также ступни в легких серебристых сандалиях и руки с длинными пальцами. Вся она: и фигура, будто сошедшая с древнего египетского барельефа, и лицо с лучистыми глазами, и улыбка, движения, звук её голоса – всё было полно невыразимого внутреннего изящества.

Дан не отрываясь смотрел на нее, пока она пела. И когда начались танцы, он встал с другими мужчинами в большой круг против двигающегося навстречу внутри его круга женщин.

Вот она оказалась как раз против него, и музыка в этот момент зазвучала медленней.

– Как зовут тебя, сестра?

– Эя.

– Эя? Имя твое – легкое, как дыхание. – Она озарила его в ответ улыбкой. И после танца он пригласил её за свой стол.

Они сидели, оба молодые, среди его старых и пожилых учеников, и Эя немного робела в обществе таких знаменитых ученых, как они. А он старался всё время быть поближе к ней

и неустанно танцевал в эту ночь: чувствовал себя очарованным, как никогда в своей первой жизни.

Прекрасный возврат! Если бы ещё Лал был здесь. Где он сейчас?

– Лал на Минерве, – сказал Арг. – Станция космического дозора приняла сигналы какого-то разведчика, идущего обратно.

– Не Тупака?

– Не думаю. Мы его ещё не ждем. Иначе все были бы там.

...Дан снова смотрит на Эю: хочет и не решается сказать ей о своей страсти. Он всегда был довольно робок с женщинами. Рука его останавливается на полпути, но её – сама приближается. И сплетаются крепко их пальцы, они смотрят друг другу в глаза: сегодня они будут вместе.

Постепенно те, кто постарше, начали расходиться, отправляясь домой: на покой. Дан и Эя ушли, когда прозвучал прощальный танец. В вестибюле их ждали двое самоходных саней. Они оделись и уселись в них; нажав сразу обе педали, выкатили из павильона.

Ночь была тихая, ясная; легкий морозец и сверкающий свежий мягкий снег. Почти никого, только время от времени проносятся сани. Они катили, обгоняя друг друга, увертываясь, играя – им было весело. Потом он притянул её сани к своим, обнял. Они долго не могли разомкнуть пылающие губы.

Дан чувствует на щеках её теплые пальцы, жадно вдыхает тонкий запах её духов: его любимый горьковато-пряный запах бархатцев. Она улыбается, шепчет:

– Ты – как юноша, впервые познавший страсть!

...Они в блоке Дана. Не включают освещение. В свете звезд и дальних огней Эя на садовой террасе под прозрачным куполом кажется ожившей статуей какого-то великого скульптора древности. Или нет: она пришелица из других галактик, миров, пространств.

– Глаза твои, как звезды! Ты молодой листок тополя весной!

Ложе ждет их, зовет к себе.

Утром Дана разбудил сигнал экстренного вызова. Он включил прием – на экране появился Лал со сложенными в приветствии перед грудью руками:

– Привет тебе, возрожденный! Спешу передать радостную весть: Тупак возвращается! Приняли его передачу: он открыл планету, почти подобную Земле. Но она безжизненна: её атмосфера состоит из углекислого газа. Сообщаю тебе это первому. Через час полное сообщение пойдет в редакцию «Новостей» для экстренного сообщения. – Экран погас: Лал спешил.

Дан обернулся, услышав за спиной учащенное дыхание Эи. Глаза её были широко открыты, ноздри возбужденно дрожали.

– Дан! О! Как замечательно! Планета! Подобная Земле! То, что не удалось найти в Солнечной системе. Ура!!!

– Какая ты возбужденная: если тебя бросить в снег, он зашипит!

– Я не против. Побежали?

В гимнастических трико и легких непромокаемых туфлях они бегут по расчищенной дорожке. Но нормальный размеренный бег не получается: оба слишком возбуждены; Эя всё время на бегу пытается обсуждать ценное известие и, ещё сильнее возбуждаясь, начинает бежать быстрее.

– Стой! Беги ровно! Потом поговорим.

– Да пойми: то же было вначале на Земле – я же знаю все подробности о том периоде.

– Ты? Откуда?

– Как откуда? Я же занимаюсь экологической историей Земли.

– Неужели ты – эколог?

– Что ты смеешься? Эколог – и кончаю уже аспирантуру. Моя тема как раз по атмосферным изменениям на Земле.

– Да ну?

– А: дразнишься! Вот тебе! – От ловкой подножки Дан летит в снег. Эя наваливается на него; они смеются, барахтаются в снегу, успевая целоваться.

Потом вскакивают, и всё время ускоряют бег. Вбежав в вестибюль бассейна, быстро переодеваются и, не остыв, распаренные, бросаются в воду. Чтобы и там Эя не приставала к нему с разговором о новой планете, Дан без конца ныряет: он не может сейчас говорить об этом даже с ней.

Она всё же воспользовалась моментом – когда они уселись на скамье со стаканами. Глотая томатный сок крупными глотками, она начала излагать не более и не менее как свой план освоения открытой Тупаком планеты.

...Земля тоже раньше не имела в атмосфере свободного кислорода: как и на этой планете в ней был в больших количествах углекислый газ. Гигантскую работу по насыщению атмосферы кислородом совершили за огромный срок растения. Они с помощью хлорофилла разлагали воду, выделяя свободный кислород, и связывали освободившийся водород с углекислым газом, поглощаемый ими при питании.

Растения и сейчас являются единственными регенераторами кислорода на Земле. И для создания нормальных условий на Земле-2, как сходу обозвала она новую планету, её поверхность должна покрыться растительностью. Конечно, необходимо искусственно создать в атмосфере минимально необходимое для их ночного дыхания количество свободного кислорода.

Но можно начать озеленение, не дожидаясь этого. Как? Создавая специальные сооружения, укрытые прозрачной пленкой, пропускающей лишь необходимое для фотосинтеза количество лучей. В этих сооружениях можно обеспечить необходимые для растений условия. Днем, при свете, через специальный клапан может поступать нужное количество углекислого газа, впуск которого автоматически прекратится с наступлением темноты. Таким образом, будет обеспечена защита растений от избытка жесткой компоненты солнечных лучей и создастся необходимая концентрация кислорода для ночного дыхания.

Количество и размеры закрытых зон можно постепенно увеличивать. Растения намного раньше начнут заселять планету: это ускорит процесс насыщения атмосферы кислородом и, тем самым, колонизацию планеты людьми.

Дан уже слушал её внимательно. «Быстро сообразила. Действительно, толково!» Над этим стоило потом подумать.

В бассейне начало появляться всё больше народа. Включился приемник с настенным экраном: передавалась утренняя музыка с цветовым сопровождением. Дан настороженно посматривал на экран.

Музыка внезапно оборвалась сигналом экстренного сообщения. Стараясь двигаться как можно незаметней, Дан ушел на вышку для прыжков.

Все онемели, услышав сообщение. И потом раздался общий торжествующий крик:

– Новая планета! Двойник Земли! Ура!!! Ещё одна победа! Дан здесь. Ура Дану!

Он стоял так, что был незаметен, но все знали, что он здесь. Кто-то радировал друзьям; здание бассейна до отказа наполнялось возбужденными, кричащими, смеющимися людьми.

– Новая планета! Мы заселим её: нас станет больше, ускорится прогресс! Дан! Где он?

Его всё-таки заметили. Люди полезли к нему, а он, дождавшись, когда кто-то успел забраться к нему на площадку, прыгнул вниз, в воду. Но едва вынырнул, был окружен со всех сторон.

– Дан! В день первой победы тебя не было с нами. Будь с нами сегодня!

Они толпой, с громким пением и смехом, шли от бассейна к карнавальному павильону. Там, в павильоне, Дана попросили сказать речь для прямой всемирной трансляции.

Он не считал себя мастером произносить речи, но сегодня сам испытывал желание сказать о том, что наполняло его. Он был на всех экранах; все люди, затаив дыхание, слушали то, что он говорил:

– Много времени прошло с тех пор, как люди убедились в тщетности надежды найти в Солнечной системе планету, пригодную для заселения. Теперь такая планета найдена. Она далеко, но мы можем одолеть расстояние.

Если наша надежда сбудется, если удастся заселить новую планету, нас станет больше, и пропорционально нашему числу возрастет показатель экспоненты¹⁰ скорости прогресса, так как те, кто поселится там, и те, кто останется на Земле, смогут обмениваться информацией. Ради этого стоит потрудиться и ещё раз ограничить удобства. Для достижения новой великой цели не страшны никакие жертвы.

Что ждет нас? Может быть, не только ещё одна заселенная планета, а и осуществление заветной мечты: встреча с братьями по разуму. И может быть, идя к цели, мы откроем нечто хорошее в себе самих – новое, ещё неизвестное. Или вспомним что-то, что растеряли раньше на пути нашего развития.

Цель поставлена, надежда сияет нам. Как и каждый, я мечтаю побывать на новой планете.

...Этот торжественный день сильно утомил Дана, отвыкшего от многолюдья. Но он не ушел до самого конца.

Следующий день Дан начал с обращения за разрешением посылки космической радиogramмы Лалу. Она пошла с изображением: Дан понимал, что после трехлетней разлуки Лал хочет увидеть его.

– Привет тебе и поздравление с Новым годом, дорогой мой – теперь уже брат! Жажду увидеть тебя рядом и обнять. Если твоя работа выполнена, возвращайся скорей. С нетерпением буду ждать тебя.

Потом он сказал Эе:

– Я, кажется, немного устал от шума. Мне хочется побыть с тобой одной, хорошая моя.

Ей хотелось того же. И они отправились на несколько дней в тайгу – ходить на лыжах. Специальный робот с палаткой, батареями и сублимированными продуктами двигался впереди, прокладывая лыжню; он быстро устанавливал и согревал палатку, одновременно растапливая снег для чая и готовя горячую пищу.

Забравшись в палатку, они отдыхали и разговаривали; больше всего – о новой планете. Ещё Дан рассказывал о своем самом близком друге, Лале. Эя жадно слушала: Лал был одним из любимых её писателей. Один раз ей даже удалось с ним разговаривать во время интервью её руководителя, профессора Тана: Лал произвел на нее необычайно сильное впечатление.

Эти дни очень сблизили их. Эта совсем молодая девушка внушала всё усиливающееся восхищение. Она, как и он в свои двадцать лет, уже заканчивала аспирантуру; Дан обнаружил в ней очень значительный запас и глубину знаний, цепкость ума, удивительную стройность мышления. Смутно угадывал в ней какую-то пока ещё скрытую силу, ждущую своего часа проявиться во всей полноте.

А её трогала его нежность; удивляло, каким скромным, даже застенчивым был этот самый великий гений нынешней эпохи. Хотя, может быть, он такой только с ней? Возможно, да, – эта мысль льстила ей.

Немало километров прошли они по заснеженной тайге. А последний день новогодних каникул провели на морском берегу в Австралии, греясь на горячем песке и купаясь в теплом заливе.

¹⁰ Показательная функция $\exp(x) = e^x$, где e – основание натуральных логарифмов ($e = 2.718\dots$).

Лал прилетел вскоре. Получив радиogramму Дана, он в ближайший сеанс связи переслал её на Землю в редакцию «Новостей» вместе со своей просьбой об отзыве из Космоса. Он знал: ему не смогут отказать – слишком огромен авторитет Дана. С отзывом пришла просьба Марка связаться с ним на подлете к Земле.

И Лал улетел. Сразу. На малом космическом катере. Совершенно один.

На подлете, выполняя просьбу своего шефа, он послал ему вызов. Сложные отношения связывали его с этим человеком. Марк, конечно, всё ещё остается на прежних позициях, хотя его аргументы уже в значительной степени потеряли силу. Он слишком восхищается талантом Лала – и потому искренне боится за него: кто, как не он, понимает всю меру грозящей опасности.

– Будь благоразумен и осторожен. Мне уже начинает казаться, что ты во многом прав, – но твоё время ещё не настало! Поэтому ещё раз прошу: будь осторожен.

Лал был тронут. Успокоил шефа, пообещав воздержаться от открытых высказываний. Он, и в самом деле, намеревался сейчас вести себя тихо: сам знал, что должно пройти время, пока его начнут понимать; решил приблизить этот момент иным путем. Весь долгий путь, не замечая одиночества, он обдумывал план своих действий.

Посадив катер, он связался с Даном, прошел обычную медицинскую проверку и улетел на ракетоплане в Звездоград. Как всегда, особенно томительными были последние минуты. Наконец, кабина остановилась где-то на сотом ярусе, и Лал очутился в крепких объятиях Дана.

...Они жадно рассматривали друг друга – дивно помолодевший Дан и Лал, казавшийся теперь старше его. Лал не сразу и заметил, что кроме них в блоке была ещё какая-то женщина. Он удивленно вскинул голову, но тут же улыбнулся ей:

– Добрый день, Эя!

– Замечательный день, сеньор! – она была явно польщена, что он её помнит.

Они уселись на террасе – распросам не было конца. Эя вначале порывалась уйти: ей казалось, что она им мешает. Они настояли, чтобы она осталась.

Разговор быстро свернул к новой планете. Эя жадно расспрашивала Лала, что нового он может сообщить. Нет, ничего – сверх уже переданного на Землю, он не знал. Всё то же: невероятное сходство с Землей. Диаметр, масса, гравитация – незначительно отличаются от земных. Температура на поверхности почти везде – как у земного экватора. В передаче Тупака есть неясные места.

– Их дали компьютеру на расшифровку, – сказал Дан. – Пока безрезультатно.

Тем не менее, никто не хочет ждать, пока компьютер справится. Также не хотят ждать, когда прилетит Тупак и передаст весь собранный им материал. Вопросы полета на новую планету, её освоения и заселения уже всю прорабатываются – для доклада Центрального совета координации человечеству: чтобы утвердить постановку их в программы научной подготовки, конструирования и промышленного осуществления. В результатах будущего голосования никто не сомневается.

Принять участие в первой экспедиции на Землю-2, как с легкой руки Эи называли они новую планету, желают чуть ли не все – каждый из них тоже.

Дан для себя видел в этом осуществление давней юношеской мечты о путешествиях. Кроме того, он считал, что получит в Дальнем космосе бесценный материал для дальнейшей научной работы: теперь он менее скептически относился к своим творческим возможностям. Участвовать в осуществлении экологической революции Земли-2, да ещё видеть это собственными глазами было пределом мечтаний для Эи, эколога.

И Лал хотел сам увидеть это. Как историк и журналист. Будет ли практическая польза экспедиции от его участия? Несомненно! Интересуясь по роду своих занятий буквально всем, он набит до отказа самыми различными знаниями, подобен живой энциклопедии – и с его исключительной памятью великолепно дополнит совершенных, но узких специалистов. Кроме

того, у него более двух лет налетанного в Малом космосе времени, включая полугодичное пребывание на станции космического дозора, и звание космонавта 1 класса, которое ему будет автоматически присвоено за совершенный в одиночку перелет с Минервы.

Замечательно было бы – войти в состав экспедиции всем троим. Всё, конечно, решат результаты специального машинного отбора, заключения отборочной комиссии и всемирное голосование. Тем не менее, если выступать единой группой, их шансы на это будут выше: даже только втроем они представляют неплохой состав – физик, биолог и широкий универсал. В плюс им может пойти длительная тесная дружба Дана и Лала. В отношении совместимости Дана и Эи тоже, кажется, всё ясно; Эи и Лала – похоже, тоже.

Лал не договаривал до конца – у него была ещё цель, и складывающаяся ситуация как нельзя более вписывалась в намеченный им план действий. А пока его ближайшие планы: создание нового кинофильма. С участием Лейли.

– Ты видел её? – спросил он Дана, уже встав, чтобы уехать.

Нет, Дан её не видел. Правда в день прихода сообщения об открытии Земли-2, вскоре после произнесения своей речи ему показалось, что он видит её у входа в зал. Но что-то сказала Эя, он тут же обернулся к ней. Когда он снова вспомнил о Лейли и стал взглядом искать её, то не обнаружил нигде. Должно быть, действительно, показалось. И он сразу тогда об этом забыл.

8

Ждали прилета Тупака. Параллельно разворачивалась подготовка экспедиции – Центральный совет координации занимался ей как работой №1, загрузив до предела научные и конструкторские центры. Проводились непрерывно дискуссии и конкурсы решений. Суперкомпьютер Архива кадров вел перебор и анализ кандидатов.

Дана пытались уговорить снять свою кандидатуру, не подвергать вторую жизнь опасности – безрезультатно, разумеется. Эя, немного задержав защиту кандидатской диссертации, включила в нее обоснование варианта оксигенизации атмосферы Земли-2 при одновременном озеленении планеты: эта идея была признана наиболее удачной – вариант Эи был утвержден как основной, весьма повысив её шансы. Шансы Лала тоже были достаточно ощутимы: его доводы сочли весьма вескими.

Наконец, Тупак прилетел. Гигант-звездолет вышел на гелиоцентрическую орбиту за пределами Солнечной системы. Космический крейсер с Даном, Лалом и другими членами встречающей комиссии близко подошел к гиперэкспрессу и лег на параллельный курс. После взаимных приветствий Тупак произвел передачу собранной информации об обследованных участках Дальнего космоса, одновременно прямо отвечая на вопросы. Прежде всего, попросили разъяснить непонятные места его сообщения, так как с ними так и не справился компьютер.

Тупак объяснил их нарушениями в себе, в мозге. По непонятной ранее причине в нем произошли необратимые изменения, вызывавшие боль, особенно – в последнее время. Причина их ему теперь совершенно ясна: она связана с совершенно непредвидимым следствием свойств гиперструктур на определенных уровнях; он указал возможный путь её преодоления.

Жить ему осталось недолго. Но он доволен и абсолютно ни о чем не жалеет. Он благодарит Дана, подарившего ему возможность так быстро перемещаться по Галактике. Вместо того чтобы многие десятки лет лететь в межзвездном пространстве, он мог за ничтожно малое время оказываться вблизи намеченной звезды, покрывая с помощью обычных аннигиляционных¹¹ двигателей оставшееся расстояние. Оттуда он посылал к звезде и изредка обнаруживаемым планетам ракеты-разведчики, приносившие снимки и подробные данные. В некоторых

¹¹ Гипотетический фотонный двигатель, в котором источником энергии является аннигиляция – превращение вещества в энергию.

случаях разведчик садился на поверхность планеты, производил сейсмозондирование и бурения и доставлял пробы пород и, иногда, атмосферы. У последней звезды, обследованной им, разведчик принес сведения о планете, подобной Земле. А он уже начал чувствовать появившуюся небольшую, но постоянную боль, и приборы диагностического анализатора зафиксировали изменения в мозге. Тогда он решил возвращаться.

В целом, ему ещё повезло: отклонение от намеченной конечной точки гиперпереноса на этот раз было небольшим – в начале полета ему долго пришлось добираться на аннигиляционной тяге до первой цели и с большим опозданием послать сигнал к Солнечной системе. А сейчас шло гладко, если не считать, что боль всё усиливалась. Он спешил: чтобы передать весть об открытии двойника Земли и ценнейшую информацию об обследованном им космическом регионе, чтобы сохранить это чудо – гиперэкспресс, чтобы умереть на Земле и перед смертью пообщаться с людьми.

...Постарались использовать всё возможное для сокращения карантина, после чего блок с заключенным в нем мозгом Тупака доставили на Землю. Но спасти его было уже, действительно, невозможно.

Тогда огромный блок, вместилище мозга Тупака, установили на подвижную платформу, чтобы он последний раз мог увидеть своими телеглазами города и поля, деревья, траву, голубое небо и людей, которые разговаривали с ним, ласково прикасаясь к стенкам блока.

Он был великим астрономом – Тупак, ставший киборгом, чтобы уйти к звездам: смерть его была отмечена глубоким трауром. Большая статуя Тупака была установлена в Мемориале Гения Человечества, а созвездие, в которое он совершил свой последний полет, назвали его именем взамен старого, мифологического.

Работа кипела. Программа подготовки полета была рассчитана на десять лет. За этот срок необходимо было отработать подробнейшим образом основную и запасные программы экологической революции. Подготовить всё для её осуществления: проекты конструкций, начальное количество машин-роботов, программы их работы и изготовления на Земле-2. Разработать надежные способы консервирования семян и продовольствия; заготовить достаточное количество батарей, «топлива», необходимых материалов на первое время. И многое другое. Люди вновь ограничили себя во многом: их поддерживало общее чувство подъема от сознания участия в невиданно великом деле.

Были намечены группы кандидатов, одну из которых сформировали из Дана, Лала и Эи. При всемирном голосовании она получила больше всех голосов – благодаря колоссальной популярности Дана, как считали все. Лал, однако, знал, что немалую роль сыграло и желание его недругов надолго избавиться от него: оно заставило их всех проголосовать за группу Дана. «Недаром Йорг так превозносил нашу группу. Что ж: нет худа без добра. Если бы они знали, что я задумал! Тогда уж постарались бы не выпускать меня дальше Ближнего космоса. И глаз бы не спускали». Он понимал, что применил хитрость – вещь, саму по себе достаточно противную: ум дикаря. Но в данном случае это была военная хитрость: другого выхода не было.

Кроме них создали несколько групп дублеров и резерв на случай пересмотра численности экспедиции. За десять лет всё они должны были полностью пройти необходимую подготовку: теоретическое и практическое освоение многих разделов физики и химии, ботаники и агротехники, геологии, медицины, астронавигации; овладеть целым рядом инженерных специальностей. К этому добавлялась напряженная физическая подготовка.

Группу Дана поселили в специальном доме в горах. Ситуация пока не позволяла почти полностью изолировать их от общения с другими людьми. Это предстояло позже, во время длительного адаптационного пребывания на космической станции. Всё же общение вне группы было сведено к минимуму. Но радиосвязь в рабочие часы продолжала быть открытой.

Дан разрабатывал один из вариантов создания оксигенизатора сверхвысокой интенсивности за счет использования результатов своей самой первой работы. Эя трудилась над докторской диссертацией, целиком посвященной проведению озеленения Земли-2 по предложенному ею способу.

А Лал занимался завершением своей последней книги – «Неполноценные: кто они – и мы?» Он собирался оставить копию её Марку – на случай, если не вернется: чтобы его мысли не могли исчезнуть вместе с ним. И её же должны будут прочесть Дан и Эя во время полета туда.

Трудились много, упорно. Кроме собственной работы приходилось по мере необходимости принимать участие в непрерывно шедших совещаниях, дискуссиях, рассмотрении идей и проектов.

Каждая группа проходила тщательную проверку на взаимную совместимость её членов. Полная совместимость группы Дана не вызвала и малейших сомнений. Взаимное уважение и деликатность всех троих полностью исключали какое-либо недовольство или раздражение. Они нисколько не были в тягость друг другу – даже предпочитали работать вместе, в одной комнате.

Не существовало и ещё одной важной проблемы: Эя была физически близка с обоими, причем право выбора принадлежало исключительно ей. Давних друзей, Дана и Лала, это связывало ещё крепче.

Уединение в горах лишало лишь такого удовольствия, как еженедельный пир в ресторане – но были разговоры перед сном, пение Эи, рассказы Лала. Были деревянная банька и пикники на одну из горных полян.

Потом, когда Эя вернулась из Мемориала с дипломом доктора и разработки Дана были воплощены в опытную установку, доработку которой можно было уже вести без него, они вплотную занялись интенсивной учебой.

Надо было очень многое и знать и уметь, чтобы в случае гибели остальных даже один из них смог бы осуществить программу экореволуции и вернуться на Землю. Обучение проходило по составленным специально для них программам и проводилось крупнейшими специалистами. Приходилось учиться и тому, что современному человеку на Земле совсем незачем знать и уметь: например, делать многое, используя самые примитивные средства и орудия или совсем обходясь без них.

Часть курсов они читали друг другу сами: Дан – гиперструктуральную физику, и Эя – экологию. Лал был компетентен в управлении космических кораблей, умел ориентироваться по звездам; был их инструктором во время адаптационного пребывания на отдельной космической станции. Они полностью освоили вождение больших крейсеров и малых катеров, которыми предстояло пользоваться в Ближнем космосе Земли-2: гиперэкспресс не мог входить в пределы никакой планетной системы.

Запасы всего, что предстояло взять с собой, были огромны.

Заготовили большое количество семян деревьев, в основном – ели и сосны, которые могли расти на песке, и для опыления которых не были нужны насекомые. Бралась также семена многих других растений, которые требовали, за неимением насекомых, искусственного опыления: для пробы. Проходили специальную консервацию саженцы для первых посадок. Готовились стимуляторы роста и удобрения.

Были разработаны новые способы обезвоживания и компактной консервации провизии, чтобы обеспечить полноценное и разнообразное питание группы на весь намеченный двадцатилетний срок с трехкратным запасом. Кроме того, с собой собирались взять нескольких коз и кур и ампулы со спермой козла и петуха, а к ним – необходимое количество корма.

Заготовлены были, также с большим запасом, всевозможные медикаменты. Подготовлено всё необходимое для быта: специальная одежда, скафандры, аппараты дыхания, утварь.

Непрерывно на гиперэкспресс отправлялись материалы, элементы конструкций оксигенизаторов, энергостанций, защитных куполов. И много всего ещё.

И сам корабль был реконструирован. Аппарат гиперпереноса дооборудовали защитными устройствами, разработанными Даном и Аргом по указаниям покойного Тупака, и усилили дополнительными секциями, увеличившими мощность. Экипажная часть была заменена целиком: теперь она имела огромные грузовые отсеки и просторное отделение для астронавтов.

9

Наступил последний год перед отлетом. Работа, в основном, уже была сделана. Астронавты начали готовиться в дорогу.

Они собирали то, что не было предусмотрено программой, но хотелось взять самим. Переписывали массу книг, фильмов, музыки. Также – переписали свои личные архивы, чтобы оставить на Земле копии: на случай гибели. В свободные дни уже не работали, а «активно прощались», как говорила Эя: встречались с друзьями, посещали разные места на Земле, стараясь увидеть как можно больше.

Преыдущие девять лет были до отказа наполнены – трудом, учебой, тренировкой. Буквально дохнуть было некогда: ни на что сверх того, что им нужно было успеть, не оставалось ни времени, ни сил. Потому все эти годы Лал не считал возможным что-либо раскрыть своим товарищам.

Но теперь настало время для первого шага. Пока они ещё на Земле. Иначе потом, в Дальнем космосе, не удастся начать с того, что Лал считал самым необходимым. И он сделал свой e2—e4: предложил слетать на один из детских островов.

Дан и Эя согласились: Дан потому, что хотел очутиться в забытой обстановке чрезвычайно далекого детства; Эя – потому, что ещё кое-что помнила.

... На остров, утопающий в зелени, они прилетели ранним утром. На ракетодроме их уже ждали. Женщина.

– Привет вам! Счастливое утро, Лал!

– Радостное утро, Ева! Дан. Эя. Ева, педагог – мой старый друг. Ты свободна сегодня, сестра?

– Да, Лал. Я передала твою просьбу руководителю: даже тебе сейчас отказать не могут.

– Мы не слишком рано?

– Ничего. Школьники уже встали, а к младшим пойдем позже – будем двигаться в обратном порядке.

Она повела их на лужайку, где делали зарядку, глядя на инструктора, дети лет семи. Пока они были заняты, Лал говорил о чем-то с Евой, и Дан с Эей, не желая им мешать, отошли и сели под деревом на траву.

Окончив зарядку, дети со стаканчиками сока в руках подошли к Еве. Она представила им астронавтов, которых они тут же окружили.

Лал сразу же завладел их вниманием. Он охотно отвечал на их вопросы, сыпавшиеся на него со всех сторон. Говорил с ними необычайно просто и доходчиво, используя яркие образные сравнения, порой весьма смешные, и его рассказ часто прерывался дружным детским смехом.

Дан смотрел на ребят и пытался вспомнить себя в этом возрасте – ничего не получалось! Неужели он когда-то был тоже таким вот крепеньким мальчуганом? Был, конечно, – но так давно, что даже не верится. Как будто не он, а кто-то совсем другой бегал тогда вот так же в ярких ситцевых трусиках и с босыми ногами.

Маленькая рука легла на его ладонь.

– Сеньор, а когда вы туда полетите?

– Скоро уже.

– А что там надо делать?

– Многое. Нам для этого пришлось очень много учиться.

– Много учиться? Сколько? Мы через два года закончим школу. Тогда можно будет?

– Нет ещё – этого мало.

– Мало? А что – ещё?

– Всё: гимназию, лицей, колледж, университет, а потом – институт, аспирантуру и докторантуру. Но и после этого надо ещё специально готовиться.

– И ты столько учился?!

– Да: конечно.

– Но... Я же буду тогда старым – тридцать лет, должно быть! Мне сейчас надо. Обязательно! Пусть капитан ваш спросит: я никогда ничего не боюсь!

И тогда Дан вспомнил. Вспомнил, как ему тоже казалось, что в тридцать лет человек уже старый, и как ему тоже не терпелось что-то совершить сейчас, немедленно. Это нетерпение заставило его тогда жадно впитывать знания, не довольствуясь программой, задавать бесконечные вопросы педагогам, глотать запоем дополнительную литературу.

– Тебя как зовут, а? – Дан опустил на корточках перед ним: их глаза были на одном уровне.

– Ли.

– А меня Дан – я и есть капитан. Понимаешь: то, что я сказал тебе про учебу – обязательно. Потому что путь к звездам длинный и долгий. Но если ты, правда, ничего не боишься, то не испугаешься и долгой учебы. Чтобы улететь в космос сильным знаниями. Ты любишь учиться?

– Н-нет: не очень. У меня не совсем получается: я дольше всех в нашем классе сижу за компьютером.

– Что тебе мешает?

– Я не знаю. Но, капитан, послушай: я зато ничего не боюсь – ни капельки. И я очень сильный – вот попробуй! – Рука у него, в самом деле, была не по возрасту сильной.

– Вот видишь! – довольно улыбнулся он: – Возьмешь, да?

– Нет, Ли. Пока нельзя.

– Но я же сильный – возьми!

– Нельзя, понимаешь? Подрасти и выучись – тогда только.

– Тогда только? У-у... Ну, ладно: буду учиться – всюю. Но только тогда возьми меня в следующий полет, хорошо?

– Я обещаю: если ты окажешься подготовленным лучше других, я буду голосовать за то, чтобы в Дальний космос послали тебя.

– А просто: взять меня – и всё?

– Но разве я один построил корабль и снабдил его всем необходимым?

– Нет, – он опустил голову. – Капитан, я понял: это будет несправедливо. Я буду, буду стараться! – он сжал кулаки. – Только ты тоже – не забудь!

– Обещаю, мой друг Ли!

– Капитан, мама Ева зовет нас завтракать. Пойдем с нами!

Они завтракали вместе с детьми. Потом Ева дала необходимые указания студентке-практикантке, которую оставила вместо себя, и повела их в ближайший детский сад. Пошли пешком, чтобы поговорить дорогой.

– О чем говорил с тобой Ли, сеньор? – спросила Дана Ева.

– Он просил взять его с собой в Дальний космос.

– О, вряд ли когда-нибудь это будет возможно. Очень низкие способности: он с трудом попал к нам. Просто, не решились его отбраковать.

– Он мне пообещал, что будет учиться всюду: чтобы я взял его в следующий полет. Ему очень хочется стать астронавтом.

– Мечтатель он у меня. Но дается ему – всё – с огромным трудом. И любви к учебе, к занятиям – у него нет. Очень любит слушать про космические путешествия, но сам – ничего сверх программы не читает. А его все любят – и, даже, уважают. И дети, и мы, педагоги. Здесь, и то же было в детском саду. Он очень сильный, но – никогда – никого не обидит; а если увидит, что кого-то обижают, обязательно вмешается, заступится. Невероятно чувствителен ко всякой несправедливости и, очень, добр, – и в этом отношении может влиять на других детей.

Дети ведь не ангелы: в детском коллективе достаточно конфликтов, и проявления детской жестокости не такая уж редкость. Нам приходится много с ними возиться, чтобы вырастить не только образованными, но и способными сосуществовать с другими людьми. Взаимная внимательность, доброжелательность, терпимость – ведь это не менее важно, с нашей точки зрения, чем знания. И Ли тут обгоняет многих: поэтому его и не решились раньше отбраковать.

– Чем можно помочь ему?

– Пока не знаю, хотя он у меня почти год. Он плохо схватывает порой самые простые вещи. Я занимаюсь с ним дополнительно – но пока безрезультатно. И, главное, у него самого нет желания.

– Но он пообещал стараться. Твердо пообещал – даже сжал кулаки. Неужели это не поможет?

– О, хорошо бы! Буду всегда напоминать ему. Если это поможет, считай, что ты совершил ещё одно великое дело, а я буду благодарна тебе вечно.

Вы же не представляете: какое это горе для нас – отбраковка маленького человека. Ведь мы к ним так привыкаем, привязываемся! Невозможно их не любить: лучших и худших, веселых и плакс, добрых и злых, – чтобы сделать настоящими людьми всех. Без любви к ним тут нечего делать: без нее никого и не допустят к нашему делу. Здесь ведь делается одно из самых главных дел на Земле – формирование людей. В самом высоком смысле. Этим занимаются не родители, как в предыдущие эпохи, а мы. На нас колоссальная ответственность за выпуск полноценных людей.

А отбраковка – это почти как убийство.

– Вот как? Значит, педагоги первых ступеней не очень-то счастливые люди?

– Ну, нет! Мы – самые счастливые. Да, да! Трудности – да, ответственность невероятная – да, напряженность непрерывная – тоже да; и даже отбраковка – ужасная отбраковка. Но мы всё время общаемся с детьми, младшими, – в том возрасте, когда они милей всего. Ведь дети – самое чудесное, самое удивительное, что есть на свете. Чудесней всех потрясающих открытий и гениальных теорий, прекрасней любых шедевров искусства. Их маленькие тельца, которые на твоих глазах становятся сильнее и уверенней в движениях. Их мордашки и живые глазенки. Их улыбки, их смех. Неповторимые смешные выражения и тысячи «почему». Их любовь и ласка. В вашей жизни ведь ничего этого нет.

– Ева, но ведь есть и страх за них.

– Ты хочешь сказать, что тебе страшно за Ли, которого ты сегодня узнал – что тебе не безразлична его судьба?

– Да. Ты сказала то, что я чувствую: не безразлична.

– Я рада. И пока не всё потеряно – есть ещё почти два года – я поборюсь за него. Да поможет нам ваш разговор сегодня.

...Лал уверенно чувствовал себя и в детском саду. Дети и здесь сразу окружили его, и мигом двое оказались у него на коленях. А он читал им стихи. Прекрасные маленькие стишки про разные простые, но удивительные вещи. Про солнышко и дождик, про травку и песок, про

облачко и тучку, про легкий ветерок. И несколько песенок спел вместе с ними. А потом развернул свой экран-веер и прочел два маленьких смешных рассказика.

Дети никак не хотели его отпустить. Но надо уже было идти в ясли.

...Малыши, которые уже говорили довольно правильно; а потом – малыши, которые только начинали говорить. Ясные глазки, гладкая детская кожа, ручки с перетяжками.

В самой младшей группе они увидели, как кормилица кормит грудью младенца. Эя смотрела не отрываясь: Ева видела, что она вся напряглась.

– Хочешь взять его на руки? – спросила она Эю, когда кормилица передала ребенка няне.

– А можно, да?

Ева кивнула, и няня поднесла ребенка. Он уставился на людей, хотел было заплакать, но передумал и, повернув головку к Эе, вдруг улыбнулся, протянул к ней ручки. И Эя взяла его.

Она держала ребенка на руках, тоже улыбаясь ему, и крепко прижимала к себе, видимо, боясь уронить.

– Аве Мария, – тихо произнес Лал.

– Эя, ты смотришь на него так, будто хочешь предложить ему свою грудь, – сказала Ева.

– Естественно! – ответил ей Лал, не улыбаясь.

Эя густо покраснела и бережно передала ребенка няне. Та положила его в колясочку, сразу откатившуюся к другим, стоявшим в тени большого дерева.

– Я для вас сейчас нарушила правило: младенцев никто не должен брать, кроме кормилиц, нянь и самого педиатра. Ну, да ладно: предупрежу её, пусть примет меры, если нужно.

...Потом она провожала их на ракетодром. Снова шли не торопясь.

– Дети появляются здесь, на острове? – поинтересовался Дан.

– Да. В южной части находится корпус, где производят оплодотворение яйцеклеток спермой согласно указаниям о составе пары, переданным из Генетического центра; оттуда же приходят нужные ампулы. В корпусе рядом производится имплантация оплодотворенных яйцеклеток, зигот, роженицам.

Беременные роженицы какое-то время используются как няни. Потом они переводятся в подготовительное отделение, в нем каждой из них назначаются специальные питание и режим, который неукоснительно выполняют. Они проходят врачебный осмотр ежедневно.

Сразу после родов младенца передают в ясли, а роженицу используют как кормилицу в ясельной группе. Каждой ясельной группой руководит педиатр, обслуживается она нянями и кормилицами.

– Расскажи им поподробней о нянях, – попросил Лал.

– Охотно. О них не только рассказывать – им, по-моему, памятники ставить нужно.

Самая небольшая часть нянь – это студентки-медики, будущие педиатры; остальные – исключительно неполноценные: опять же, небольшая часть – роженицы в первые месяцы беременности и кормилицы, и основная – бывшие роженицы и кормилицы. Их регулярно инструктирует руководитель-педиатр. Они знают немало, несмотря на то, что, как и все неполноценные, получают минимальное общее образование и всего двухлетнее специальное.

Поймите, уход за маленькими детьми – дело очень сложное, тонкое, требующее от нянь и наличия большого количества специальных навыков, и хорошего знания каждого младенца, и преданности, и любви к детям, и, не боюсь сказать, сообразительности и интуиции. Пусть они необразованны, пусть относятся к неполноценным – они специалисты, и в большинстве, довольно таки высокого класса.

Они ведь для младенцев – то же, что матери. Когда-то даже существовала поговорка: «Мать – не та, что родила, а та, что выкормила». И они ведь любят детей; а дети – их, и смутно помнят потом очень долго. Смутно – потому что в три года детей передают в детские сады, в другие руки.

Вы – своих нянь помните?

– Я – нет, совсем, – ответил Дан.

– Я – как что-то уже неопределенное, но теплое и надежное, – сказал Лал.

– А ты, Эя? Ты ведь моложе всех.

– Я до сих пор шепчу «нянечка», когда что-то меня расстроит.

– И возьмется они с детьми до самой смерти. Пока есть силы, сами, а потом помогая и наблюдая за молодыми нянями, потому что их опыту и пониманию младенцев уже цены нет.

– Они умирают своей смертью? – подбросил вопрос Лал.

– Да, теперь уже своей. Раньше – совершенно непригодных нянь умерщвляли, теперь – нет.

– Давно?

– Через несколько лет после открытия Земли-2: мир с того момента стал добрей и менее расчетливо-рационалистичным. И вообще...

– Что: вообще?

– То, что кончилась длинная полоса неудач: мы вырвались из нее. Люди стали счастливей, окрыленней; снова есть вера в себя. Ты, Дан, хоть ты и гений, не представляешь всю значительность того, что сделал.

Ведь это всё появилось тогда, чтобы напрячь всё силы до предела. Но теперь – когда уже всё позади? Не вижу больше смысла!

– Ты о чем? – недоуменно спросил Дан.

– О многом. В первую очередь, о сплошном использовании неполноценных рожениц. Пусть все женщины снова сами рожают себе детей. Пусть дети живут сколько возможно с родителями. Пусть люди узнают снова радости материнства и отцовства, которых лишили себя, не понимая, что без них нет полного человеческого счастья. Неужели их не вернут себе?

Много трудностей? Так пусть общество облегчит заботу о детях, не разрывая их связь. Взрослые и дети должны как можно больше общаться – это необходимо и тем, и другим. Взрослые будут намного счастливей, а дети – быстрее и полней развиваться. Выгода будет огромная, во многом.

Вот, хотя бы: вопрос с детской литературой. Кто из современных писателей пишет для детей? Считанные единицы, и те, в основном – педагоги. Чуть-чуть Лал, но и тот за последние десять лет написал девять стихов и два рассказа, которые успел прочитать менее чем за час.

– Ничего подобного: только два рассказа и один стихок. Остальные стихи не мои, их только написали по моей просьбе.

– Почему так мало?

– Трудно, Ева. Ой, как трудно! Легче написать роман для взрослых: они уже так много знают прежде, чем начнут его читать. Чтобы писать для детей, надо общаться с ними куда больше, чем приходится. В этом ты, безусловно, права.

– Ещё не всё.

– Отбраковка?

– Она, проклятая! Главная болячка наша. Будто собственными руками убиваем детей. В этом единодушны все педагоги. Недаром же удалось хоть сколько-то добиться её снижения.

– За счет увеличения потомства неполноценных? – уточнил Лал.

– Ну, конечно.

– Ладно: лед, всё же, тронулся.

– Чуть-чуть лишь пока. Послушай, Лал! Ты привез их именно сюда и меня попросил быть вашим гидом здесь – просто так? Неужели больше ничего не имел в виду?

– Угадала: ты, как всегда, права, Ева.

– Тогда я сказала всё. Доскажешь сам. Я показала: это главное.

Она сунула на прощание Эе свою личную пластинку и стояла, пока ракетоплан не исчез за облаками.

... Пораженные всем увиденным, Дан и Эя вопросительно посматривали на Лала, но тот только молча посасывал трубку.

В тот день у них не было никаких общих планов, каждый занимался чем-то у себя.

Дан встретился с Лалом в столовой за обедом. Эя не пришла, и когда они вызвали её, на экране Дана появилось: «Буду занята до завтрашнего утра».

Им вдруг стало грустно, хотя Эя, как и любой человек, вольна сама решать, чем заниматься в свое свободное время и с кем находиться. Это неотъемлемое, естественное право полноценного человека – его личный архив, ключом к которому является неповторимый рисунок кожи его пальцев, его нерабочее время, его желания и его тело принадлежат только ему. Даже если Ева сейчас с другим мужчиной или гурио, это тоже только её дело, – никто не в праве интересоваться или выражать каким-то образом свое отношение к этому ни сейчас, ни после.

Но им, всё-таки, было грустно без нее, поэтому решили после обеда ещё раз напоследок отправиться на рыбалку. Заказали из своих хранилищ необходимое, сели в аэрокар и через час приземлились на берегу озера. Был рабочий день, на озере не было видно никого. Спустив на воду надувные лодочки, они разъехались в разные стороны.

... Подплыв к намеченному месту, Дан поднял винт-мотор, опустил якорь и не торопясь закинул удочки. Потом уселся с трубкой, стал глядеть на гладь воды, поросшие лесом берега и островки. «Уютная она, всё-таки, Земля наша», – думалось ему в блаженной отрешенности от всего, которое он почти всегда испытывал на рыбалке.

И тут начались поклевки; он следил за кивками и уже больше ни о чем не думал, охваченный привычным рыбацким азартом. Лещи, да какие: красавцы! Ай да Дан! Таких лещей поймать! Это предмет законной гордости, которую он не считал нужным скрывать.

Но клев прекратился так же внезапно, как и начался. Дан поднял якорь и на веслах передвинулся поближе к острову, поросшую тальником. Там, прицепив блесну, он прицелился и сделал заброс. Первая пара забросов не дала результатов, на третьем рыба, было, взяла тройник, леска натянулась, но на мгновение. Либо не взяла как следует, либо он не сумел подсечь. Дан сделал ещё заброс, более рискованный, почти к самым кустам на сильно выступающем в воду мыске.

Повел – и тут же почувствовал, что зацепил. Было жаль блесну: щука явно шла на нее. Конечно, дома есть программа изготовления её, – но то дома, а он здесь, и неизвестно, придется ли ему ловить когда-нибудь ещё. Решил попробовать отцепить.

Действуя веслами, медленно подгрёб к мыску. Солнце стояло низко, почти у самого горизонта. Легкий ветерок приятно обдувал лицо и голое тело и тихонько толкал лодку. Пока он возился, подергивая леску, осторожно, чтобы не оборвать блесну, ветерок развернул лодку, и она оказалась по другую сторону мыска.

Удивленный вскрик заставил его повернуть голову: по щиколотку в воде перед ним стояла женщина. Она была обнаженной; лицо и тело поражали невероятной, совершенной красотой. Солнце, уже коснувшееся горизонта золотило её последними лучами.

– Дан! – беззвучно шептала она.

– Лейли! – узнал он.

Дан смотрел, будучи не в силах отвести взгляд. До чего прекрасна она: самая красивая женщина на Земле! Ни одна гурия, чья красота – плод изощренной работы селекционера-генетика, не могла соперничать с ней. И у гурии, даже самой красивейшей, не может быть такого взгляда, как у нее – величайшей актрисы.

Не отрывая от него широко открытых глаз, она пошла к лодке, всё глубже, глубже, пока в воде не скрылись плечи – только голова с густыми темными волосами, сколотыми на затылке в большой тяжелый узел, оставалась над водой. Бездонные темные глаза были полны слез.

– Дан! – простонала она, протягивая к нему руки.

Преодолев оцепенение, он прыгнул в воду и, подняв её, понес к берегу. Крепко прижавшись к нему, обняв за шею обеими руками, она замерла, будто боясь, что ей всё только кажется, и сейчас исчезнет.

Он вынес её на берег и опустил на песок. Склонившись перед ним на колени, судорожно рыдая, она стала иступленно целовать его ноги.

– Лейли, сестра, что ты?! – Дан нагнулся к ней. Она подняла голову, и в её он увидел страшно многое: муку и радость, страсть и преданность, робость и нетерпение. Он снова взял её на руки, прижал к себе. И почувствовал, как начинает дрожать, что нетерпение тоже растёт в нем. Порыв страсти бросил их на теплый песок, сплел тела.

...Они очнулись от непрерывных позывных.

– Дан, старший брат мой, отзовись! Где ты? Дан!

– Я на острове. Что-нибудь случилось?

– Я испугался: твоя лодка далеко от берега, но тебя в ней нет.

– Я забыл её привязать. Пришли мне большую палатку, одежду и робота с едой. Если хочешь, можешь лететь домой.

– Нет. Половлю утром на зорьке. Ты – не один?

– Нет.

– Сейчас всё пришло.

Дан протянул Лейли руку. Они вошли в воду и поплыли за лодкой. Когда вернулись, плотик, присланный Лалом, уже покачивался у берега.

Он снова прижал её к себе – мокрую, покорную. Брошенный в контейнер робота огромный лец уже был очищен и шипел на сковороде. Дан налил в маленькие стаканчики холодную темную водку, настоящую Лалом на травах. Они сидели рядом на разостланной палатке, набросив на себя плащи.

– За нечаянную встречу, Лейли!

– О, Дан! «За тебя: моего бога, счастье и муку!» – про себя произнесла она.

Крепкая ароматная водка обожгла рот, теплом разлилась по начинавшему зябнуть телу. Они стали есть жареную рыбу с румяной корочкой.

– На Земле-2 этого не будет.

– Будет. Когда-нибудь. Там всё будет: кислород, леса, города, люди. Будут трава и цветы, будут животные и птицы, – и рыба будет в воде.

– А театры и студии?

– Конечно. И ты прилетишь и сыграешь в самом первом спектакле.

...Они лежали рядом на спине. Уже совсем стемнело, ярко светила луна, всё больше звезд появлялось на небе.

– Туда? – показала она рукой.

Он не ответил. Ночь окутывала и баюкала их; щелкали соловьи, стрекотали кузнечики.

– Дан, ты не спишь?

– Нет, Лейли.

– Жалко спать.

– Хочешь, я зажгу костер?

– Включи.

– Нет, не имитатор: настоящий. Нам дано специальное разрешение, хотя я не думал им воспользоваться.

– Костер? Огонь – настоящий? Хочу.

Дан набрал сухих веток. Они не знали, как зажечь их, пока он не догадался раскалить от батареи одну из её шпилек. Ветки затрещали, запахло дымом. Это было совершенно необычным: они смотрели на огонь, не отрываясь.

– А он жжет. И дым ест глаза.

– Он греет и светит. Как в древности.

– Лейли!

– Что, хороший мой?

«Ты хочешь и не решаешься спросить: почему не встречал меня ни разу все эти годы – где я была, что делала? Я вижу.

Жила, работала. Много, страшно много. А тебя видела лишь один раз и после этого делала всё, чтобы не встретиться с тобой.

Я ждала тебя обновленным. Ты был для меня героем легенды, которую рассказал и после много раз повторял Лал. Я узнала о твоём возвращении, когда ты выступал по всемирной трансляции в день прихода сообщения Тунака. Я тут же прилетела в Звездоград и вошла в карнавальнй павильон. Но ты там смотрел только на похожую на лань рыжеволосую девушку рядом с собой и не видел ничего больше. Я поняла, что опоздала, что не нужна. И сразу же улетела.

Но я не могла не думать о тебе. Думать всегда: во время напряженной работы на репетициях, во время игры на сцене, – и ночью, оставаясь одна. Что это? Наверно, то редкое и прекрасное чувство, о котором Лал не раз говорил мне, которое когда-то называли любовью и скрывают сейчас. Это было страдание, но это же было – и огромное счастье. Было и есть! Оно раскрыло мне глаза на многое, невероятно обострило мое восприятие, углубило чувства и мысли – невообразимо много дало мне как актрисе.

Дан! Любимый! Как я тебе благодарна за всё – даже за то, что ты не мой Меджжун¹². Я знаю, нам не быть вместе: ты надолго покинешь Землю – уже скоро».

– Лейли!

«Молчи! Молчи! Я видела вас несколько раз. Я не подходила к тебе. Среди вас троих, соединенных единой целью, не было места больше никому.

Если бы не ваш скорый отлет: я же летела, просто чтобы попрощаться с тобой и Лалом. Как я волновалась! Потому здесь, над озером, решила вдруг сесть. Чтобы успокоиться, подготовиться к встрече с тобой. Посадила на берегу аэрокар и переплыла сюда. Если бы ты оказался здесь хоть чуть позже, то меня уже не встретил – я бы уплыла обратно».

– Дан! Ты рад, что встретил здесь меня? – это было всё, что вслух сказала она ему.

– Да! Это неожиданный подарок мне жизни перед отлетом. Это не забыть!

– Не забывай! Ты будешь видеть меня там: я играла почти во всех книгофильмах Лала, он наверняка возьмет их с собой. Ты – береги его там. Это слишком редкий человек. Мне не дано пока понять его до конца, но одно я точно знаю: у него гениальная способность понимать людей и любить добро. Мудрость его не только в голове: и в сердце.

Огонь начал угасать. Дан подбросил в него сучьев, и костер снова весело осветил крошечную полянку, место их неожиданного свидания. Глядя на огонь, на Дана, Лейли запела.¹³

Её великолепное сопрано звучало без сопровождения и производило непередаваемое впечатление, потрясая остротой чувства. Подбрасывая ветки в костер, чтобы видеть её лицо, Дан не отрывал от Лейли взгляд. А она пела ещё и ещё: арии и песни, современные и древние – на всевозможных языках, переводя ему их содержание. В ночной тишине её пение далеко разносилось над озером и где-то усиливалось эхом. Она видела, что он плачет, и пела всё чудесней.

¹² ЛЕЙЛИ и МЕДЖЖУН – героиня и герой популярнейшей на Востоке арабской легенды о разлученных и страдающих любовниках. Эти «бедуинские Ромео и Джульетта» принадлежали к враждующим родам: Лейли выдали замуж за другого, а Кайс (прозванный «меджжун», т. е. одержимым демоном, безумным) ушел от своего племени в пустыню и жил одиноко, слагая песни в честь Лейли. В конце концов оба погибают от тоски. Текст легенды содержит ряд любовных элегий. Впоследствии сюжет использован романтическим эпосом Персии и Турции. Сохранилось более 20 поэм на эту тему; самая прославленная – поэма персидского поэта Низами.

¹³ Мария Каллас, «Самсон и Далила» Сен-Санса, ария Далилы https://yadi.sk/d/K_RJUdZV3JgNXr

Когда она замолчала, он поблагодарил её высшим проявлением восхищения, поцеловав ей руку. Она притянула его голову к себе на грудь, укрыла краем своего плаща.

– Усни, мой милый! – прошептала она, прижавшись щекой к его волосам. Светились угли угасающего костра.

Но заснуть они не могли. Жадно, ненасытно сплетались их тела, жгучи были ласки и поцелуи. Сердце готово было разорваться от счастья, когда он проводил рукой по её телу и волосам, губы его касались её губ, груди.

Они уснули ненадолго уже после того, как удивительно чистое солнце взошло из-за леса, рассеяв туман, появившийся перед рассветом. Начиная пригревать, оно разбудило их через пару часов. Выкупавшись, они почувствовали себя совершенно свежими и бодрыми.

Позавтракав рыбой, сели в лодку и на веслах отправились плавать между островками. Медленно плыли по узким протокам, местами сильно заросшим, рвали белые водяные лилии, поймали щуренка на дорожку. Вылезали на островках, чтобы размяться и выкупаться, рвали цветы, украшая себя венками, и отдавались друг другу на нагретой солнцем траве. И не ели ничего, кроме свежей жареной рыбы.

Они говорили почти всё время, но при этом им казалось, что они что-то недоговаривают. Потом почувствовали, что это вопрос о моменте, когда им придется расстаться. И тогда Лейли сказала:

– Солнце клонится к закату, любимый мой. Скоро вечер, как вчера. Неповторимое не повторится. Нам надо расставаться. Возьми меня – в последний раз.

Они долго не могли оторваться друг от друга. Как безумная, ласкала она Дана, покрывая его тело бесчисленными поцелуями.

Солнце коснулось горизонта, когда он сделал первый толчок веслами. Лейли стояла на берегу, подняв руки в прощальном жесте, нагая, прекрасная; она улыбалась, но из глаз её катились слезы.

Постепенно черты её становились всё менее различимы. Потом было лишь большое белое пятно её тела и темное волос. Ещё потом – только светлое пятно, – и вот она уже совсем не видна. Тогда он опустил винт-мотор. Не доходя до берега, увидел, как с него поднялся аэрокар и полетел к острову.

Лал ждал его на берегу. Каждый похвастался уловом. Уже в полете они увидели, как снялся аэрокар с острова.

– Лилит¹⁴! – не совсем понятно выразился Лал.

– Кто?

– Первая жена Адама – не принесшая потомства.

– А-а!

– Но она пела сегодня ночью, как никогда ещё – для тебя, мой старший брат! – он горделиво погладил Дана по плечу.

Они летели обратно. Дан с удивлением заметил, что не испытывает грусть от того, что расстался с Лейли. Казалось, всё произошедшее лишь приснилось ему. И он был рад, что снова с Лалом, и оба они возвращаются к Эе.

... Утром, в бассейне, Эя, увидав следы страстных поцелуев на его теле, ласково провела по ним ладонью, гордясь, что Дан внушил какой-то женщине пламенную страсть.

Они снова были вместе. H₂O или CO₂: единая молекула.

¹⁴ <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%82>

10

Промелькнули прощальные пиры с физиками, журналистами, писателями, артистами, биологами, с друзьями, слетевшимися со всей Земли, чтобы увидиться перед отлетом. Последний из них – пышный, как карнавал, с членами Академии и Центрального совета координации, транслировался.

В тот день – отлета – они вышли из дома рано. Шли пешком, сняв обувь, и ощущали траву босыми ногами. Ни облачка на небе. Яркая свежая зелень и бесчисленные золотые головки одуванчиков повсюду, белое марево вишен и яблонь в цвету. Стайки воробьев чирикали громко, обсев дерево. Они шли не торопясь, долго.

...И вот всё: Земля, затаив дыхание, смотрит, как они стоят на посадочной платформе, взявшись за руки и подняв их в прощальном приветствии – одетые в традиционную форму космонавтов, комбинезоны со знаком макрокосма¹⁵, двое мужчин и женщина с золотой короной рыжих волос.

Они летели к гиперэкспрессу на сравнительно небольшом корвете. Всё необходимое уже было на звездолете, и с собой они сейчас взяли только личные архивы да щенка, которого им недавно прислал маленький Ли.

Корвет сделал прощальный виток вокруг Земли и лег на курс, набирая скорость. Земля стремительно уменьшалась.

Началось! Теперь они надолго оторваны от Земли; может быть, даже навсегда. Астронавты летели по Солнечной системе – Ближнему космосу, освоенному, облетанному, чувствуя себя в нем уверенно и спокойно, как летчики на мощных аэролайнерах в конце XX века. В космос непрерывно шел их прощальный сигнал, встречные станции посылали ответные. Впереди ждал Дальний космос – межзвездное пространство, полет, подобный выходу Колумба в открытый океан. Первый подобный полет, ибо организм человека и система киборга – не одно и то же.

Все трое были напряжены, бледны от волнения, которое пытались скрыть. Три человека, крошечная часть огромного человечества – замкнутый мирок, сложившийся задолго до полета, сформировавшийся во внутренне единое и прочное целое.

Предстояло больше месяца вынужденного безделья, так как весь архив был на экспрессе. И большую часть времени они стали проводить в разговорах. Больше всего слушали Лала. В основном его темами были история и социология, которыми на Земле в период подготовки и не могли и не видели смысла заниматься. В этих областях он чувствовал себя так же уверенно, как Дан в физике и математике или Эя в экологии. Он свободно владел всеми их понятиями и категориями и умело применял, делая анализ и обобщения. Они же, как он убедился, были с этим знакомы лишь как с входящим в общие программы учебных ступеней до института.

И он повторно знакомил их с этими науками, рассказывая об основных этапах истории, социальных строях, общественных формациях. Они слушали охотно: благодаря искусству его изложения, всегда оживляемого большим количеством ярких исторических портретов. Им было интересно – град вопросов сыпался на Лала, подробно на них отвечавшего. Он разжигал в них интерес, стараясь как можно чаще вызывать дискуссии и споры.

На куполе рубки сменили друг друга планеты, мимо которых проходила траектория корвета: Марс, потом несколько астероидов, Юпитер, Сатурн. Солнце всё уменьшалось.

...Через 48 суток по бортовым часам подошли к многокилометровой громаде гиперэкспресса, вращавшегося на расстоянии десяти миллиардов километров от Солнца. Произведя введение корвета в приемную полость, они вышли к последней дежурной команде космонавтов, встречавших их.

¹⁵ Знаком макрокосма средневековые схоласты считали гексаграмму – шестиконечную звезду.

Дан принял рапорт: всё в полном порядке, причин задержки отлета нет. Космонавты провели с ними ещё 24 часа, проводя последние контрольные включения и проверку приборов, и после прощального ужина, погрузившись в корвет, отбыли к Минерве.

Ровно через 72 часа после их отлета звездолет стартовал с гелиоцентрической орбиты к начальной точке гиперпереноса, до которой предстояло добираться на аннигиляционной тяге 30 земных суток. Старт был зафиксирован дежурной командой на корвете, обменивавшейся с астронавтами последними сигналами.

Следующий этап полета был ими во многом проведен иначе, чем на корвете. На экспрессе был огромный архив и компьютер высшего порядка. Был спортзал с бассейном, баней и полным комплектом тренажеров; сад-салон, засаженный растениями, подобранными Эей. Были все условия для работы, обязательной тренировки и отдыха.

Дан не позволял пока перегружаться: сохранение хорошей физической формы было самым необходимым к моменту осуществления гиперпереноса. Так что свободного времени хватало, чтобы смотреть фильмы, слушать музыку, играть в какие-либо игры.

Но оказалось, что Лал уже успел пробудить слишком сильный интерес к социальным вопросам, и количество разговоров на эти темы не сократилось. Вдобавок у него появилась возможность подкреплять свои слова демонстрацией материалов, хранившимся в его личном архиве. Дан и Эя, уже лучше разбираясь в социологии, как губка впитывали то, что он им преподносил. Всё чаще стал он оставлять их после бесед наедине, чтобы дать обсудить услышанное, поспорить и набрать больше вопросов. Пока был ими доволен. Можно идти дальше.

И Лал стал усиленно знакомить с самой первой формой классового общества – рабовладельческим строем: его возникновением, развитием, национальными разновидностями, этикой и правом, историей упадка, сохранением остатков и частичным возрождением в более поздние эпохи. А затем сразу перешел к современной эпохе, к началу того длительного упадка, породившего большое число социальных институтов нынешнего общества; подробнейшим образом знакомил с множеством деталей. Но не проводя при этом никакого анализа: он ждал, когда они сами начнут делать какие-то выводы – не торопил, не подталкивал.

А экспресс всё набирал скорость. Солнечная система была далеко; само Солнце, видимый диаметр которого уже в момент старта был в 67 раз меньше, чем на Земле, всё уменьшалось, становясь подобным другим звездам. Гигантский корабль двигался в пространстве, где кроме киборгов ещё никто не летал. Траекторию его движения можно было видеть на путевой голограмме в рубке над самым пультом управления.

В значительной степени астронавты стремились поддерживать привычный порядок земной жизни. В ритме земных суток изменялось освещение в саду-салоне, и в том же ритме строился режим занятий, тренировок, питания и отдыха. Отличие было только в режиме сна, так как кто-то один в любое время должен был бодрствовать: всё-таки полет проходил в Дальнем космосе, где многое неожиданное было вероятно. Приборы и бортовой компьютер системы управления в большинстве случаев справлялись быстрее и надежнее человека, но в слишком нетривиальных ситуациях они могли оказаться недостаточными. Собственно, дежурный мог заниматься чем угодно и находиться в любом месте – лишь бы он мог услышать сигнал тревоги раньше спящих.

Время отсчитывали часы с указателями числа и дня недели, месяца и года. Как и на Земле, утро четверга они проводили в бане: разводили пар и парились всласть, хлестали друг друга веником, плескались в бассейне. Лежали потом на диванах, потягивая какой-нибудь напиток, и разговаривали на излюбленные темы. Тут же Эя, выполняя обязанности судового врача, проводила с помощью кибер-диагноста регулярное профилактическое обследование. После бани полагалось зрелище: фильм, запись спектакля, концерт.

И «вечером» – пир с блюдами из не обезвоженных продуктов, которая всегда заказывает робота Эя, за десять лет досконально изучившая вкусы Дана и Лала; но ни капли содержащего алкоголь. Каждый по жребью становится шутком. И они веселятся, танцуют, поют – соло и хором, прекрасно отлаженным, спевшимся ещё в горах.

Почти регулярно и помногу играл им на оркестрионе Дан, удививший своим первым исполнением токкат Баха¹⁶ после настойчивых просьб Лала. На Земле он ни разу не играл им; бывшее мастерство медленно возвращалось к нему: вначале пальцы нового тела плохо слушались его, потом было недостаточно времени для упражнений. Вернуться к занятием музыкой удалось только к концу подготовки, в самые последние годы перед отлетом. Натура взяла свое, прежнее мастерство вернулось, он только не решался играть для других. Но Лал рассказал Эе, как играл Дан играл когда-то, и та упростила его. С трудом: с музыкой у него были связаны воспоминания о самом тяжелом периоде жизни. Ему и сейчас казалось, что он исполняет всё слишком мрачно, но Лал и Эя с ним не соглашались. Эя благодарно целовала его, а Лал как-то раз сказал:

– Старший брат, ты же удивительный человек! Всё ты можешь: и разгадать самые глубокие загадки природы, и так замечательно играть. Наверно, ты сможешь ещё немало. Мне бы так!

– Тебе ли, всё знающему Лалу, это говорить? В мире, кажется, нет ничего, что не было бы тебе известно.

– Ну и что? Что – сам – я могу? Мои знания, в отличие от ваших, не того рода, чтобы дать возможность что-то создавать самому.

– Но ты создал немало замечательных фильмов. И написал книг. Не говоря уже о блестящих статьях, эссе, репортажах. Тебе этого мало?

– Да: потому что – что это всё дало?

– Уже то, что люди перестали жрать человечину! – Дан впервые так грубо выразился при них.

– Есть человеческое мясо? Брр, как же это можно? – удивилась Эя.

– Ещё как! Мясо неполноценных считалось весьма ценным продуктом, – снова резко произнес Дан.

– Да? И вы его – тоже ели?

– Наверно. В детстве, когда нам не говорили, чье мясо у нас в тарелке. Но взрослым – нет, ни разу, – подумав, сказал Лал. – А ты, Дан?

– Даже не знаю. Я довольно мало обращал внимание на еду: часто просил соседа по столу повторить заказ или использовал подобранные мне кем-то программки. Так что – весьма может быть.

– Неполноценных, что, специально откармливали?

– Нет. И то, только потому, что человек слишком медленно по сравнению с животными набирает массу. В пищу шло мясо неполноценных, умерщвленных при проведении пересадок или экспериментов, не портивших его, и старых, ставших функционально непригодными, нянь и гурий, – объяснил Лал.

– Ева сказала, что нянь не умерщвляют.

– Сейчас – нет, да и то, недавно. Но только их. А остальных – по-прежнему.

– Зачем?

– Кормят животных на зверофермах. И других неполноценных.

– Но полноценные люди – больше не едят его?

– Нет: теперь всем уже это кажется отвратительным. Благодаря нашему Лалу и его статьям.

¹⁶ Токката и fuga ре-минор. Исп. Кристофер Херрик. <https://yadi.sk/d/KiHeWKEXz37tM>

- Но это всё, что мне удалось. И то, в молодости.
- А для меня – это предмет самой сильной гордости тобой, брат.
- О, не надо больше об этом прошу вас! – попросила Эя. – Лучше сыграй нам ещё, Дан!

11

За неделю до выхода в начальную точку гиперпереноса ещё раз была проведена контрольная проверка гипераппарата и всех приборов, скрупулезно уточнены координаты и скорость корабля.

...Оставалось два часа до начала. Астронавты собрались в рубке. Стараясь не выдать волнения, они обнялись в последний раз. Потом сняли одежду и уселись в кресла в камере переноса. Через толстые стенки иллюминаторов против каждого кресла были видны часы: основные бортовые и специальные, отсчитывающие время до начала переноса.

Они надели прозрачные шлемы-скафандры с трубками, подводящими дыхательную смесь, и через десять минут, когда стрелка специальных часов подошла к первой черте, камера начала заполняться слегка нагретым раствором весьма сложного состава. Затем стрелка подошла ко второй черте, и надулась от подачи сжатого газа внутренняя оболочка, вытесняя жидкость, плотно облекая тело со всех сторон, прижимая его к креслу.

Тело почти не чувствуется: жидкость сделала свое дело – ощущение легкости удивительное. В рубке загорается красный свет, в наушниках звучит отсчет оставшихся секунд.

И вот: десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, две, одна. Старт!

В глазах сразу темнеет, как при сильных перегрузках, и в ушах возникает высокий монотонный звук, как будто идущий изнутри. Начинается выход в гиперпространство.

Стены камеры и корабля становятся прозрачными, тают, исчезают. Они сами – тоже прозрачными, огромными, бесплотными, невесомыми. Звезды, газовые и пылевые облака, планеты, кометы, болиды – с невообразимой скоростью несутся прямо через них, появляясь из пространства и мгновенно исчезая в нем.

Они несутся всё быстрее, сливаясь, и пространство становится тонким и, сбиваясь складками, обретает плотность, ощущаемую верхним нёбом рта. Видно всё: себя, соседей, экспресс. Со всех сторон: снаружи, изнутри – во всех деталях и подробностях.

Собственное тело, соседи, пылающий корабль множатся бесчисленным количеством повторений, убывающих, исчезающих – и вырастающих, приходящих по бесконечному числу осей, исходящих из места-момента нахождения тела, и каждая ось имеет свой закон, свою метрику и свое время, свою цветозвуковую тональность, плотность и напряженность. Всё кружится, вибрирует, движется непрерывно: мгновениями, годами, веками, тысячами, миллионами, миллиардами, триллионами лет, – томительно долго, вечно. Нет выхода и нет исхода. Вибрируют, стремительно перебегают огни, меняя интенсивность, меняя цвет от отчетливо видимого ультрафиолетового до инфракрасного. Несется к собственному центру поток повторений по бесконечному ежу осей: прямых, кривых, спиральных. Гиперсимфония звуков и красок. И всё необычайно, жутко отчетливо. Нет мыслей, и нет желаний: полная отрешенность, покой и равнодушие. Долго. Вечно. Навсегда. Никогда иначе.

...Но потоки замедляют свое движение, уменьшается количество повторений и осей, они сжимаются, стягиваются к центру, к месту-моменту, в котором находится человек, сливаются в единственное единое. Распрямяются складки пространства, освобождая рот. Пространство растет, и вновь несутся сквозь огромное бесплотное тело звезды, облака, кометы, планеты и глыбы. Постепенно стенки корабля обретают плотность, становятся непрозрачными; обретает плотность собственное тело, неподвижно зажатое воздушным мешком.

Темнеет в глазах, – всё исчезает...

Они очнулись, погруженные в жидкость, пузырящуюся кислородом. Когда она сошла, Дан увидел в иллюминаторе бортовые часы: прошло девять часов тринадцать минут. Более чем прекрасно! Экспресс прошел по какому-то кратчайшему туннелю гиперпространства и вышел в другое его четырехмерное сечение.

Двигаться они ещё были не в силах. Ощущение сильнейшей слабости, учащенное сердцебиение, одновременное ощущение жуткой тошноты и острого голода.

Наконец, трясущимися руками Дан сумел стянуть с головы шлем. И тут же судорожная рвота и следом мучительный понос буквально вывернули его наизнанку. Но сразу же он почувствовал себя легче.

Он повернулся к Эе, помогая ей снять шлем. И сразу же с ней произошло то же, что с ним, – только сильней.

Уже вдвоем они занялись Лалом. У того всё произошло гораздо тяжелей.

Находиться в камере они больше не могли. Сильно кружилась голова, подгибались ноги, тряслись колени. Они задыхались от зловония.

Поддерживая с двух сторон Лала, который почти не мог сам идти, они выбрались из камеры и медленно, с трудом, добрались до бани. Помогая друг другу, смыли с себя нечистоты, затем напились горячего настоя лимонника. Потом Эя осталась ухаживать за ещё слабым Лалом, а Дан, чувствуя, что уже может твердо двигаться, отправился в рубку.

Он захлопнул дверь загаженной камеры и включил голограф траектории. Заработали приборы координации, и через короткое время возникла голограмма звездного пространства со светящейся линией траектории, размытой между начальной и конечной точками гиперпереноса. На экране зажглись цифровые показатели координат, и Дан не сдержал восторженного возгласа: выход корабля произошел с очень малым отклонением – порядка полсигмы.¹⁷ Значит, через три месяца они будут у планетной системы, в которую входит Земля-2!

Он передал эту весть Лалу и Эе, как и он, радостно её воспринявшими. Лал чувствовал себя уже лучше, и Эя ушла проведать животных в их камерах и забрать оттуда щенка.

Оказалось, что животные перенесли выход значительно лучше людей. Щенок бежал перед Эей, громко тявкая и виляя хвостом.

Через два часа они с удивлением почувствовали полнейшее отсутствие неприятных ощущений. Эя произвела осмотр: пропустила обоих мужчин и сама прошла через кибер-диагност. Всё, действительно, были в полном порядке. Тогда перебрались в рубку, уселись в кресла, и Дан включил рулевые двигатели, чтобы сориентировать экспресс в сторону планетной системы Земли-2. После этого они подкрепились, и Лал с Эей отправились спать.

...Дан остался на вахте. Он сидел в рубке, посасывая трубку. Слышно было, как робот ползает по камере, отмывая и дезодорируя её. Дан включил экран-купол и жадно смотрел на незнакомые очертания созвездий. Нажав кнопку, выделил звезду, к которой летел корабль.

Потом переключил экран на изображение обратной стороны пространства – и обрадовался, увидел кое-где знакомые созвездия. Он нажал другую кнопку и выделил Солнце среди огромного количества кажущихся незнакомыми звезд.

Там Земля: зеленые растения, города, люди. Прекрасная Лейли. Здесь их только трое. Но ближе их – Лала и Эи – для него давно нет никого.

В том, что они здесь, – немалая заслуга Лала. Его рассказ о графиках разностей простых чисел в день их первой встречи явился толчком, приведшим к завершению более чем сто-

¹⁷ *Дисперсия случайной величины*, средняя величина квадратов разностей значений случайной величины от их среднего значения, является мерой разброса данной случайной величины. В статистике часто употребляется обозначение σ^2 . Квадратный корень из дисперсии σ называется среднеквадратичным отклонением, стандартным отклонением или стандартным разбросом. Во многих практических вопросах пренебрегают возможностью отклонений от среднего значения случайной величины, превышающих 3σ , т.к. соответствующая вероятность меньше 0,003 – т. н. правило трёх сигма.

летней работы – созданию теории гиперструктур, переместившей основные понятия подобно сегодняшнему переносу. И благодаря этому они сейчас здесь. Ему удалось сделать это: Дан не гордился, он только был доволен.

Мысль его вернулась к Лалу. Сколько лет прошло с тех пор? Немало. Столько пережито вместе, столько переговорено. И всё же Лал часто о чем-то думает, но не говорит, умалчивает. Такое иногда приходило в голову и раньше, но он слишком быстро об этом забывал, поглощенный собственной работой. Сейчас, когда они были заняты мало, эта мысль появлялась всё чаще. Что мучает его? Не решает ли какие-то сложнейшие вопросы в своей области? И может быть, не менее трудные, чем когда-то пришлось решать ему самому. Какие?

Эя появилась в дверях рубки, прервав его размышления.

– Дан, я уже отдохнула. Иди, поспи.

– Не хочу, спасибо.

– Иди, я, всё равно, больше спать не буду.

– Да я тоже не засну.

– Тогда я посижу с тобой. Или ты хочешь побыть один?

– Нет: посиди. Лал спит?

– Нет, конечно. – Лал стоял в двери со щенком на руках. – Всё равно не уснуть. Давайте ужинать?

– У тебя гипераппетит?

– Отнюдь: только желание отметить наш перенос. Ставлю на голосование.

– За.

– За!

– Отлично: устроим торжественный ужин с праздничной сервировкой.

Они перешли в сад-салон. Робот прикатил туда столик с небольшим количеством закусок: есть им, в общем-то, и не хотелось. Только отпраздновать событие. Хотя и без вина – космос есть космос, и нарушать запрет никому не приходило в голову: в кубки налили душистый тонирующий нектар.

– Дан, первый тост за тобой.

– Что ж, ладно. Я поднимаю кубок за вас, прекрасные мои, за достижение цели и за Землю-2! Теперь ты, Лал.

– Уступаю очередь Эе.

– Я пью за зеленую планету и кислород, которым можно будет дышать! За Дана, сотворившего чудо, и за честь и счастье быть с вами!

– Ну вот! Произошло такое событие: люди в полном своем естестве, с руками-ногами, а не полуискусственные киборги, перенесли за считанные часы за сотни парсек¹⁸. Это же, действительно, – чудо! Эя правильно сказала. Но так мало. А Дан ещё меньше. Говорите ещё! Самые пышные выражения сегодня не будут высокопарными.

– Тогда скажи ты, младший брат: всё равно, лучше тебя никто не скажет.

– Ты не совсем прав: об этом уже были сказаны прекрасные слова – и не мной. Я их сейчас напому. – Он быстро нашел нужное в своем архиве, включил воспроизведение. На экране появился Дан в яркой праздничной одежде, произносящий речь в день прихода сообщения об открытии Земли-2. Когда экран погас, Лал повторил его последние слова: – «И может быть, идя к цели, мы откроем нечто хорошее в себе самих – новое, ещё неизвестное. Или вспомним что-то, что растеряли раньше на пути нашего развития». Пью за эти великие слова и за прекрасный смысл их!

– По-моему, ты что-то не договариваешь, младший брат.

¹⁸ Парсек – расстояние, с которого средний радиус земной орбиты, перпендикулярный лучу зрения, виден под углом в одну угловую секунду (1"). 1 парсек $\approx 3,08568 \times 10^{13}$ км = 3,2616 световых лет.

– Ты прав, Дан! Я скажу. Но не сегодня. Лучше сыграй нам. Что-нибудь старинное. Бетховена. Пожалуйста!

Дан играл сонаты Бетховена¹⁹. Неукротимая мощь музыки как никогда подходила к их настроению, взволнованности. Закончил он исполнением «К Элизе»²⁰ – глядя на Эю.

«Прекрасно, Дан! Прекрасно, мой старший брат. Ты сможешь – ты поймешь всё!» – думал Лал, глядя на Дана повлажневшими глазами. Эта вещь, в которой звучала трогательная нежность, сегодня совершенно потрясла его.

– Идите отдыхать, сказал он, – сказал он. – Я останусь на вахте.

– Спасибо, брат. Пойдем, – сказал Дан, протягивая Эе руку. – Спокойной тебе вахты!

– Чудесной вам ночи! – Лал проводил их взглядом. Эя будет с Даном: он заслужил это сегодня. А ему, Лалу, совершенно необходимо побыть сейчас одному.

... Через три месяца они будут у цели. Всего три месяца. Потом неизвестно, как сложится обстановка, как пройдет разведка, как встретит их планета, – и многое другое. Сейчас они относительно свободны: могут работать не больше, чем хотят.

Пока – всё идет неплохо: необходимая подготовка проведена. Они жадно впитывали всё, что он говорил: социальные темы по настоящему интересуют их. Пора ознакомить их и с выводами. Будет, конечно, не просто. Но они поймут, они не смогут не понять: как Дан сегодня исполнял «К Элизе»! Какая нежность, сердечность, доброта, какая человечность были в его исполнении, в неслучайном выборе этой пьесы. Без этого всего понять его, Лала, нельзя, – но имея, не понять будет невозможно.

Щенок мокрым теплым носом ткнулся ему в руку; потом, поставив передние лапы на колени, поднял морду и стал вопросительно смотреть в глаза. Лал забрал щенка на руки, погладил.

Пора. Как раз! Дан уже явно кое о чем начинает догадываться: «По-моему, ты что-то не договариваешь, младший брат». А его неожиданная злость и непривычная для современного языка грубость выражений, когда он говорил об употреблении в пищу мяса неполноценных. Грубость, обрадовавшая Лала не меньше, чем она шокировала Эю.

А Эя беспокоила Лала больше всего, ибо главная роль в его плане отводилась именно ей.

12

Когда стрелка часов подошла к сектору «утро», в рубке появился Дан, чтобы сменить Лала. Сказал, что неплохо бы устроить праздничный день; Эя тоже так думает. А Лал?

Не против, – но тогда лучше сразу идти париться: поспит он после бани.

В парилке было жарко – пожалуй, более чем обычно. Мысль Лала заскользила по цепочке. Жара. Экватор. Африка. Негры. Потом: негры-рабы. Америка, южные штаты. Дядя Том! Стоп!!!

«Хижина дяди Тома» американской писательницы-аболиционистки Гарриет Бичер-Стоу. Книга, невероятно потрясшая его в детстве. Так! С нее он и начнет. В ней есть всё: рабство, насилие, торговля людьми, – и материнская любовь.

Он спросил Дана и Эю, помнят ли они эту книгу, входившую в программу гимназии, когда они, закутавшись в простыни, уселись на диванах.

– Ещё да, – ответила Эя, – но уже лишь в общих чертах.

Дан только покачал головой: помнил, что была такая книга, но содержание – увы! – уже забыл начисто.

– Хотите, напомню, о чем она?

¹⁹ Соната «Аврора (Waldstein)». Исп. Владимир Горовиц. <https://yadi.sk/d/QaM0o22z3JgNUA>

²⁰ Исп. Валентина Лисица <https://yadi.sk/d/OQBbv2Ja3KsfBX>

- Для чего?
- Чтобы выполнить вчерашнее обещание.
- А-а! Давай.

Лал перебрал каталог. Пожалуй, сейчас лучше всего подойдет вот этот фильм – ещё XX века, цветной, но ещё плоский: зато в нем много американо-негритянской музыки, прекрасная постановка и актерский состав. На три с половиной часа.

Так что ему было не до сна. Смотрел – и сам фильм, и как они воспринимают. Радовался их реакции, их негодованию, слезам Эи. Пел беззвучно вместе с черными рабами их псалом: «Джерихон, Джерихон!»²¹. Он видел, что дело сделано: теперь они сами зададут вопросы, и он скажет всё, что думает.

– Как можно – лишать свободы совершенно полноценных людей! – с возмущением сказала Эя вскоре после того, как экран погас. Дан молчал.

Лал усмехнулся: и это всё? Он ожидал большего!

– А их не считали полноценными. Их привозили из Африки: она была отсталой по сравнению с Европой, откуда пришли белые американцы.

– Но ведь Джордж Гаррис способней и грамотней своего хозяина!

– Он для хозяина полунегр: неполноценный человек. Белый хозяин в этом нисколько не сомневается.

– Но это же неправильно! Несправедливо! Как только они могли терпеть!

– Не всё же: ты видела.

– Да: бежали. В Канаду.

– Хорошо хоть, что у них, всё-таки, было куда бежать, – вдруг заговорил Дан. – Вот Эя думает, как это могло тогда быть. А я о том, почему подобное возможно и в наше время. Так же думаешь и ты, Лал, и именно это всё время не договариваешь. Так?

– Да. – Так сразу?!?! Неужели?! – Дан...

– Потом! Пир не отменяется. Быстро одеваться!

– Дан, я совершенно не поняла тебя. Что ты имел в виду?

– То, что существует! Неравноправие. Что существуем мы, полноценные, интеллектуалы – и они, неполноценные. Одного из которых умертвили, чтобы я мог сейчас жить.

– Но это же совсем другое дело. Они ведь – действительно – неполноценные.

– Почему?

– Потому, что такими родились.

– Ты так думаешь?

– Конечно! Они появляются на свет так же, как мы. Отбраковывают только совершенно неспособных детей.

– Не способных к чему?

– К интенсивному интеллектуальному труду.

– Но может быть, они способны к какому-то другому труду?

– А кому он нужен? Есть машины: автоматы и роботы.

– Так почему бы им ни делать даже многое из того, что делают автоматы?

– Но что из того? Они же, всё равно, будут делать не то, что мы. Значит – автоматически – не будут равны нам: не будут полноценными членами нашего общества.

– Они смогут чувствовать себя полноценными среди себе подобных.

– Да именно так ведь – сейчас и есть. Противоречие снято? Лал! Как ты считаешь?

– К сожалению, внешне ты в чем-то права, – ответил Лал.

– Внешне? В чем-то? И даже: к сожалению?

²¹ [Исп. Поль Робсон.https://yadi.sk/d/iiNcxI0T3JgNYT](https://yadi.sk/d/iiNcxI0T3JgNYT)

- Да.
- Но почему?
- Неполноценные не должны быть тем, чем их сделали мы, интеллектуалы.
- Почему вы оба так считаете? Я не согласна с вами!
- Ну, хорошо: скажи, много ты общалась с неполноценными?
- Я? Мало. В основном, когда ещё была совсем маленькой.
- Начнем с этого. Ты говорила, что любила свою няню.
- Думаю, не я одна.
- Ты помнишь, что о нянях говорила Ева?
- Да. Что они тоже специалисты, несмотря на отсутствие полного образования.
- Ты не согласна с тем, что для выполнения их работы, важность и значение которой сомнений не вызывают, полное образование не является абсолютно необходимым?
- Что ж: может быть. Ева, конечно, в этом компетентна. Тем более что люди в таком деле наверняка лучше самого совершенного робота. Но это – лишь часть вопроса.
- С другими группами их ты общалась? С гуриями, хотя бы.
- Ну...
- Что ты думаешь о них?
- То же, что и все. Что с их помощью легко снимаются мелкие временные проблемы удовлетворения сексуальной потребности.
- Прости за слишком интимный вопрос: как это происходило у тебя? Можешь ответить, только если хочешь. Правда, считаю, что нам стоит снять для себя запрет касаться этой темы.
- Я тоже: поэтому отвечу. Ну, во-первых, как у всех – дефлорация. А потом – когда внезапно приходило желание, и было жаль времени на устройство нормального контакта. Или когда не могла заснуть и начинала об этом думать. Иногда – для ознакомления с неизвестным способом или из-за желания испытать что-то очень острое. Вас не коробит?
- Нет: это только твое дело. У тебя всё, как у других. Но что ты ещё думаешь о гурио? Ты сама?
- Удобно. Но... Как бы правильно выразиться...
- Неприятно?
- Да нет. Они, конечно, хороши собой, очень ласковы и выполняют любое твое желание. И специфические данные на высшем уровне, и обучены своему делу просто поразительно. Но, всё-таки, что-то... не то!
- Вроде скотоложства?
- Да! Именно. Точно! Нет полного удовольствия оттого, что с гурио совершенно невозможно ни о чем говорить. Они ужасно примитивны. Сексуально совершенные животные – и только. Как кобели. Он делает всё, что, сколько и как ты хочешь, но после этого сразу – отсылаешь его. Как робота. Робот тоже всё делает, только от его присутствия ни тепло, ни холодно.
- Вот именно.
- Но зато это удобно: экономит время, силы, нервы. А им всё равно: они совершенно тупы и бесчувственны.
- И тут Дан буквально взорвался:
- Нет!!! Не бесчувственны они! Малоспособны? Относительно – да. Примитивны? Да их же почти ничему и не учили. Поставили в детстве крест на их способностях и на том успокоились. А они, всё-таки, – люди. Люди! Я это знаю. Хорошо знаю! – Он повернулся к Лалу. – Почему, почему же ты тянул столько времени? Я же... я же слишком давно тоже считал, что у нас не всё в порядке.
- И не единым словом не обмолвился об этом, – попытался оправдаться Лал. Больше перед собой, чем перед Даном.

– Как и ты почему-то. Не принято ведь об этом говорить: вжились мы все – с детства – в представление о непогрешимо окончательной правильности устройства нынешнего общества. Сломать, отказаться от него ведь не легче, чем пришлось мне с физическими представлениями, чтобы поверить в гиперструктуры. Великое всеземное общество интеллектуалов – ученых, инженеров, деятелей искусства: демократичное до последней степени! Вооруженное совершенными теориями и сверхмощными моделирующими машинами. Способное на совершение только крупнейших принципиальных ошибок! То, что мы имеем, даже хуже рабства: раб мог стать свободным, а неполноценный... О чем говорить! А они ведь люди – чувствуют, как люди: я это знаю очень давно.

– Ты тоже: специально интересовался неполноценными?

– Нет. Это получилось иначе.

Тогда – давно ещё – когда я подошел к идее гиперструктур. Принятие её требовало отказа от слишком большого количества существовавших представлений.

Я вел мучительные поиски возможности обойти необходимость добраться до истины тем путем. Они требовали напряжения сверх всяких пределов, – и с какого-то момента я начал замечать, что у меня вообще перестает что-либо получаться. Появился непонятный страх, тоска. Ночью – не мог оставаться один, так как не спал почти совсем.

Я стал тогда каждый вечер вызывать к себе одну и ту же гурию. Она была не очень-то молода, тучная, с большим животом и грудью. У меня не было совсем желания, но с помощью своего искусства она иногда добивалась, что я брал её, после чего ненадолго чуть успокаивался. В остальное время мне было достаточно того, что я не один. Ощущение её присутствия, тепло её тела, к которому я прижимался, даже звук её дыхания помогали мне пережить ещё одну бесконечную ночь.

Через несколько дней, вернее – ночей, она начала ко мне привыкать.

– Тебе плохо, миленький? – спрашивала она, ласкаясь ко мне.

– Да, Ромашка. – Ведь нормальных имен у них нет.

– А сейчас сделаю так, что будет хорошо тебе. – И старалась, сколько могла – но безрезультатно.

– Говори, – просил я её. – Рассказывай что-нибудь.

– Что рассказывать, миленький?

– А что угодно.

– Прости: нечего мне рассказывать – не знаю я ничего.

– А ты расскажи про себя.

– Да разве можно?

– Ну, я тебя прошу.

...Она, действительно, знала и понимала очень немного.

В школе ей всё плохо давалось, – некоторые дети дразнили её за это. Потом ей сказали, что она поедет в другую школу, где дразнить её никто не будет.

И, правда: в школе, где были только девочки – и женщины, которые за ними смотрели, никто её не дразнил. Много учиться не заставляли, и ей там очень нравилось. Потом её стали гладить по щекам и говорить, что она очень миленькая. Потом она испугалась крови, но тетя сказала, что теперь она большая, и бояться не надо, потому что у всех девочек так. И у нее стали расти волосы под мышками и груди, маленькие.

И она уехала в другое место, где жили девочки, у которых уже выросла грудь, и они все были миленькие. Им было весело. Их учили пению, танцам и как делать, чтобы быть ещё красивей. И занимались с ними гимнастикой и спортивными играми, от которых у них красивей становилась фигура.

В залах, где они занимались, иногда появлялись люди, не похожие на них и воспитательницу: выше, с другой фигурой, без груди, некоторые с усами или бородой. И голоса у них были другие. В перерывах они шутили с девушками, и девушки с ними тоже смеялись и разговаривали. Девушкам нравилось с ними.

Ромашка (так её стали тогда звать, а прежнее имя свое она даже позабыла) с интересом и любопытством рассматривала этих необычных людей.

– Почему ты не такой, как мы? – спросила она как-то одного из них, наиболее охотно болтавшего с ней.

– Я мужчина.

– Это что?

– Как-нибудь пойдем вместе купаться – я тебе объясню.

– А когда? Сегодня?

– Нет, не сегодня.

– А когда?

– Потом.

– Ладно.

Он пришел к ней через сколько-то дней, когда она отдыхала.

– Пойдем купаться!

– А ты мне объяснишь?

– Сегодня объясню.

В комнате, куда он её привел, он велел ей всё снять и разделся сам. Она с интересом рассматривала его тело, так не похожее на её. А потом она стала смеяться, потому что поняла, что это мальчик, только взрослый. А он трогал её везде и гладил грудь, зато разрешил потрогать у него всё, что она хотела. Ещё потом он сказал ей:

– Я тебя научу сейчас самому приятному. Ты не бойся: может быть, будет больно, но потом приятно. – Она охотно согласилась.

Приятно ей, правда, тогда не было. Но потом ей очень понравилось. Остальным девушкам тоже объяснили, и воспитательница и её помощники дальше учили, как надо делать хорошо, чтобы было очень приятно, и показывали про это фильмы. С каждой специально занимался мужчина-гурио, отрабатывая с ней приемы. Мужчины постоянно менялись – так было нужно для их обучения.

Как к торжественному акту готовили девушек к первому выходу как гурии. В этот день их особенно красиво причесали и одели. Вечером в большом разукрашенном зале они танцевали и участвовали в эротических играх с полноценными. Инструкторы-гурио находились рядом и, стараясь всё делать незаметно, поправляли и подсказывали.

Тот, кто танцевал с ней, взял её за руку:

– Пойдем!

– Не надо. Давай танцевать, хорошо? – Но тут же она перехватила взгляд инструктора: удивленный, укоризненный, приказывающий. И она пошла.

Он не умел, как гурио, и было неприятно. Она потому лежала с закрытыми глазами. Он ничего не сказал ей, когда уходил, а она потом заплакала. Пришел гурио, который ей в первый раз объяснил, спрашивал её – она ему рассказала. А он сказал, что нехорошо, и дал ей выпить какого-то сладкого ликера, и ей тогда стало весело и она сама хотела.

Она опять пошла в зал, танцевала, и её позвал другой. Тот делал приятно, а когда ушел, похвалив, инструктор отправил её спать...

– Это нехорошо рассказывать, миленький. Но тебе плохо, а я больше ничего не знаю.

...Ей нравилось. Было весело танцевать и участвовать в играх. Тем более что она нравилась – её чаще, чем многих других девушек звали, и она этим гордилась.

Довольно часто вызывали домой. Она садилась в кабину, которая везла её под землей, но она не знала, куда и к кому. Это нравилось меньше – дома не было весело: только иногда её заставляли одну танцевать или петь. И не всегда было приятно – они не умели хорошо, но она пила сладкий возбуждающий ликер, чтобы обязательно было приятно. Её почти всегда отправляли обратно после того, как больше не хотели.

Потом она стала сильно меняться – стала большой, и груди у нее стали большие – правда, меньше, чем сейчас – и бедра широкие. И её очень многие стали звать и вызывать домой. Она очень привыкла и очень хорошо умела делать.

Время от времени инструкторы занимались с ними, учили чему-то новому. И гимнастикой они продолжали заниматься, чтобы поддерживать фигуру, и спортивными играми, и ели специальную еду. Но потом она, всё равно, стала очень полной: живот стал большой, и бедра, и груди, как сейчас. Но она – такая – ещё многим нравилась; некоторым даже больше нравилось, что она такая полная.

Но потом она стала нравиться меньше, потому что перестала быть молодой. Её тогда перевели к мальчикам, которые должны стать гурио. Она жила с ними: объясняла им в первый раз и занималась. Они её любили, потому что она ласковая и добрая.

Но она не осталась с ними, потому что вернулась обратно: когда её не было, многие её пытались вызывать домой. Она поэтому вернулась и опять здесь живет.

Она очень давно тут живет. Некоторые уезжают куда-то в другие места, – иногда возвращаются обратно, как она. Но которых уже больше не зовут, уезжают совсем. Никто не знает – куда: они больше не приезжают. Когда её перестанут звать, она тоже куда-то уедет. Может быть, её сделают опять инструктором мальчиков-гурио. А пока она живет здесь, и её зовут.

А когда её не зовут, она сидит с подругами, они говорят или поют песни, для себя, какие сами хотят. Вместе им хорошо.

Правда, бывает, что гурия больше не хочет – её уговаривают, и она снова идет, когда зовут. Потому что знает, если не будет идти, когда зовут, ей надо будет уехать, а она не хочет, привыкла здесь, она тут всех знает, уезжать боится. Но иногда бывает, совсем не хочет, даже бьет стекло и режет себя и кричит: «Не хочу больше!» Жалко тогда.

Но есть у них и праздники, где бывают только гурии и гурио. Они могут звать друг друга, сами, кто кого хочет, и потому обязательно приятно, потому что гурио всегда умеет хорошо, и потому, что они могут друг с другом разговаривать.

А ещё весело, когда устраивают конкурсы самых красивых гурий и гурио, которые приезжают откуда-то с воспитателями. Или конкурсы тех, кто умеет очень хорошо или может очень хорошо, но совсем по-другому. Гурии тоже смотрят. Очень интересно...

– Ты, может быть, поспишь, миленький?

– Нет – рассказывай дальше.

– Я ничего не знаю больше. Может быть, меня хочешь? Тоже нет? Спеть тебе?

– Да. То, что для себя поете.

Она пела мне какую-то протяжную песню.

Я чем дальше тем больше не находил себе места. Рядом с нами, с нашей наукой, искусством, необъятными архивами, могучей промышленностью, почти сказочной хирургией и всем прочим – рядом с этим существовало то, чему сразу даже не мог найти названия. Какое же это зверство: взять живого человека и выдрессировать его для удовлетворения своих потребностей, которые мы и сами не считаем возвышенными, – превратить в сексуальный унитаз, и только в этом видеть смысл и оправдание его существованию среди нас! Лишить его права распоряжаться собой – превратить его в вещь, в неодушевленного робота. Не помочь им, а усугубить их отставание в развитии.

Почему? Зачем? Из-за того, что нам, интеллектуально полноценным, это упрощает существование?

Но – разве интеллект оправдывает жестокость? Да и что он такое, наш интеллект? Что удалось открыть, совершить в наше время? Всё по мелочи, ничего крупного: усовершенствуем, дорабатываем, вылизываем открытое до нас. Интеллектуальные пигмеи! Из всех наших потуг ничего не получится. И у меня – тоже!

Меня мучило лихорадочное чувство необходимости немедленно найти выход из всего существующего и уверенность, что всё пропадет, если я его не найду, и сразу же за ним ощущение полного бессилия, абсолютной неспособности что-то решить, сделать. Выхода никакого не было – только безысходность. Казалось, я один – и только я виноват во всём, виноват больше кого-либо. Мысль уйти совсем, разом от всего избавиться, возникавшая последнее время, появилась снова, и в этом виделся единственный возможный выход для меня. «Не хочу больше!» – кричало всё во мне.

В комнате светился только аквариум с рыбками. И я вдруг решился, ударил кулаком – с такой силой, что сразу разбил толстое стекло. Забились в луже красавицы-рыбки. Рука была сильно разбита и порезана. Не обращая на это внимания, я схватил большой осколок, но в тот же момент она вцепилась мне в руку, всей тяжестью повисла на ней.

– Ой, миленький, ой, не надо!!! – кричала она.

Пытаясь вырвать руку, я порезал её осколком, но она всё равно не отпускала. И когда я толкнул её так, что она, отлетев, упала и сильно стукнулась головой, почувствовал, что уже больше ничего не смогу сделать. Посмотрев на окровавленную руку, отшвырнул стекло.

Доплелся до ложа, упал. Меня трясло. Она подошла, села рядом, положила мою голову на свою грудь и, крепко обхватив её окровавленными руками, долго плакала. Я с трудом дышал. Слышал иногда, как она, всхлипывая, бормочет: «Ой, миленький!», «Плохо как!», «Рыбок тоже жалко!». Так и просидели до самого утра. Руки у нее были все в жутких порезах.

Утром она уехала. А ко мне скоро приехал врач: должно быть, ей пришлось объяснить причину порезов. Он отправил меня в клинику. Это было срочно необходимо: выхода для себя я по-прежнему не видел, и самоубийство казалось мне неизбежным.

... Меня вылечили. Я снова хотел жить, работать. Вернулся к себе.

Хотел увидеть её, поблагодарить. Но когда её вызвал, на экране появилось: «Её больше у нас нет».

Сумел связаться с их заведующей-сексологом, которую они называли воспитательницей. Она спокойнейше сказала мне, что Ромашка больше у них не живет, – но что мне незачем огорчаться: есть ещё несколько таких же гурий. И всё.

Так ничего не смог узнать: перевели ли её инструктором к молодым гурию, или, может быть, из-за обезобразивших её порезов она стала профессионально непригодной – и, значит, была умерщвлена.

Эта мысль долго преследовала меня. Но потом, постепенно – я забыл. Как будто это случилось вовсе не со мной. Не понимаю даже, как сейчас смог всё так отчетливо вспомнить. Увидел, как этот скот, плантатор, обращается с рабынями, и... Вот так!

Они молчали, пораженные рассказом. Лал сидел, не видя ничего перед собой, положив на стол сжатые кулаки. Губы у Эи дрожали.

– Расстроил я вас. И пир испортил. Ну, ладно: больше сегодня об этом ни слова.

– Нет, Дан, погоди, – поднялся Лал. – Помянем её.

Он поднял свой кубок:

– Вечная ей память!

Они встали и выпили молча.

– Да, ты совершенно удивительный, Дан. Совершаешь величайший переворот в физике, а по пути получаешь доказательство социальной теоремы о подлинно человеческой сущности неполноценных. Тебе верит и рассказывает о себе гурия. Я – специально ими занимаясь – не мог узнать ничего подобного. Гурии молчали, а заведующие-сексологи отвечали, что этого не следует касаться.

– Лал, прости – я больше не могу об этом говорить.

Он ушел в рубку. Они продолжали сидеть у стола, не произнося ни единого слова и так и не притронувшись к еде. Из рубки доносились мрачные звуки начала Шестой симфонии Чайковского²².

... Под утро Эя, так и не сумевшая заснуть, сменила Дана.

– Лал спит?

– Не уверена.

– А ты – спала?

– После твоего жуткого рассказа?

– Лал понимал это уже давно.

– А я как-то раньше об этом совсем не думала.

– Не ты одна. Каждый из нас слишком погружен в свою работу, остальное мы почти не видим. Нужен такой, как Лал, видящий всё сразу. И не способный быть равнодушным.

– Для меня это пока так сложно.

– Ничего: он не торопит нас.

– Иди отдыхать, Дан.

²² Дир. Федор Глушенко <https://yadi.sk/d/Xbv6t1ds3JgNbg>

13

Давая улечься впечатлению, Лал, действительно, два дня старательно избегал продолжения разговора. Только на третий спросил:

– Продолжим?

– Конечно.

– Так! Теперь нашей главной темой будут неполноценные. Вы уже слышали немало о нянях и достаточно много о гуриях. Сегодня буду знакомить вас с донорами – группой, беседа о которой будет самой мрачной из всех, которые нам предстоят по теме о неполноценных.

– Значит, сегодня будешь говорить обо мне? Во мне девяносто процентов неполноценного-донора.

– Ничего подобного: полноценность определяется мозгом!

– Конечно, Эя. Итак: доноры – неполноценные, составляющие биофонд для хирургического ремонта полноценных.

Появление этой группы помимо причин социального выделения неполноценных было связано с одним из величайших научных открытий – преодолением иммунной несовместимости, обеспечившим возможность и эффективность трансплантаций органов одного человека другому.

Ещё на заре производства трансплантаций хирургам не всегда удавалось вовремя осуществлять операции из-за отсутствия необходимого органа. При пересадке сердца первыми донорами были люди, попавшие под тогдашние транспортные машины – автомобили. Об оптимальном подборе трансплантируемого органа не могло быть и речи.

По этой причине и из-за сложности самой операции в то время трансплантация применялась только в критических случаях. Тем более, что до открытия циклоспорина²³ эти операции давали лишь отсрочку от неминуемой смерти пациентов, так как трансплантированный орган отторгался через некоторое время – отмирал, рассасывался, после чего либо приходилось произвести повторную операцию, либо наступала смерть.

Само донорство – явление достаточно старое. Первые доноры давали кровь для раненых на войне, – затем донорство крови стало широко распространенным. Эти доноры были почти исключительно добровольцами: сдача крови никоим образом не отражалась на их здоровье. Исключением, преступным, было лишь принудительное взятие крови во время II Мировой войны в XX веке – его производили германские нацисты: у военнопленных и даже у детей, иногда всю. Позже, чем донорство крови, появились донорство кожи, глаз, зубов и, довольно редкое, костного мозга – для спасения пораженных лучевой болезнью.

Источником внутренних органов являлись исключительно свежие трупы людей, хотя какой-то период после открытия циклоспорина существовал особый вид преступления: похищение, торговля и убийство людей, в том числе и детей, для получения органов для трансплантаций, с которым обществу пришлось вести жестокую войну.

Постепенно освоение техники консервирования органов дало возможность создать необходимый трансплантационный фонд. С его помощью удавалось спасать уже всех, кого можно.

Но материал этого фонда не был достаточно хорош. Поэтому сочли допустимым и гуманным умерщвлять безнадежных идиотов, содержащихся в специальных клиниках. Качество пересадок было повышено. Кроме того, удалось улучшать здоровье весьма, правда, ограниченного количества людей, которым не угрожала смерть. Блестящие результаты подобных пересадок толкали на расширение их производства.

²³ Циклоспорин является основным средством профилактики отторжения трансплантата при пересадке почки, сердца, легких и других органов, а также костного мозга.

Возможность широкого использования внутренних органов животных, вначале казавшегося невероятно заманчивым, не подтвердилась для большинства видов трансплантации. Перспективность же применения человеческих органов повышалась ещё и тем, что увеличивалась продолжительность жизни людей, которым хирурги заменяли ряд изношенных органов. Этим способом удалось добиться результатов раньше, чем другими. И постепенно, начиная с единичных случаев, утверждаемых всемирным голосованием для спасения или продления жизни исключительно крупных ученых, двинулись к широкому использованию неполноценных в качестве доноров-смертников.

Окончательно это явление утвердилось после первой удачной операции пересадки головы гения на тело неполноценного. Восторг по поводу этой сказочно сложной операции был настолько велик, что большинство людей весьма благосклонно отнеслись к словам хирургов, осуществивших её. Вот что они заявили. – Лал включил экран. Человек с погонами, атрибутом медиков, ставших после исчезновения войн главными защитниками человечества, говорил:

– Наша эпоха крайне скудна крупными открытиями: мы страшно медленно движемся по пути научного прогресса. Все мы бьемся над поисками выхода из данной ситуации.

К сожалению, ограниченные возможности организма ставят предел повышению интенсивности нашей работы. Усилия наиболее способной части человечества добиться успеха за счет беспощадного отношения к себе имеют следствием быстрое изнашивание организма и тяжелые заболевания различного рода.

Все они, за исключением связанных с заболеванием мозга, радикально излечимы с помощью способа, обладающего почти стопроцентной надежностью. Но для этого приходится жертвовать наименее ценной частью человечества. Здоровье и связанная с ним продолжительность жизни полноценных ученых, являющихся двигателями прогресса, приобретаются за счет жизни малоспособных, неполноценных людей, которые используются как доноры-смертники.

Если рассматривать это с точки зрения интересов человечества в целом – такой порядок правилен, справедлив. Неполноценные не растрачивают свое здоровье из-за полной неспособности к интенсивному интеллектуальному труду, а в других видах труда, которыми они способны заниматься, общество совершенно не нуждается. Находясь на содержании общества, они должны давать что-то взамен, чтобы не быть ненужной обузой.

В настоящее время складывается правильное разделение функций между людьми, базирующееся на их способностях. Я имею в виду установившийся способ воспроизводства человечества. Полноценные женщины имеют возможность целиком посвятить себя своей работе, интеллектуальному труду, благодаря тому, что не способные к нему женщины вынашивают, вскармливают и нянчат их детей. В этом проявляется проникновение в правильное понимание законов природы, совершенно очевидных.

Но нам следует учиться мудрости у природы более последовательно. Если мы взглянем пристальней, то мы обнаружим, например, у муравьев – наиболее типичных общественных животных, как специфическая группа особей – самцы, выполнив свою функцию – гибнет, так как стала более не нужной своей большой семье, своему сообществу. Это явление – также следствие объективных законов природы, чья неизбежная и даже, как может показаться, жестокая необходимость способствует лучшему выживанию вида в целом.

Человек – не муравей, но наивно думать, что он полностью порвал связь с природой. Убивая неполноценного, вклад которого в сумму общечеловеческого труда равен нулю, мы можем обеспечить здоровьем и долголетием полноценного, растратившего свое здоровье на себя и на неполноценного, пользующегося плодами этого труда. Человечество в целом как вид при этом выигрывает, притом весьма ощутимо. И в этом безусловная моральная оправданность использования части неполноценных в качестве доноров-смертников.

Не будем ужасаться жестокой справедливости сделанного вывода: в настоящее время другого выхода не существует. Ведь получаем же мы необходимые нашему организму белки,

убивая животных, хотя люди будущего, научившись производить полноценные синтетические белки, возможно, станут вегетарианцами. Возможно, что в будущем мы научимся и восстанавливать здоровье и продлевать жизнь людей другими способами.

Но в настоящее время мы ещё лишены этой возможности, и поэтому человечество сейчас не в праве отказываться от тех огромных выгод, которое дает использование доноров-неполноценных. Конечно, здесь имеются неприятные стороны, неизбежность которых необходимо понять, и примириться с ними, не заостряя на них внимание. Точно так же, как есть неприятные стороны, связанные с употреблением в пищу мяса животных.

Правильная организация дела должна способствовать успеху. Я имею в виду, что донор не должен знать об ожидающей его участи, до момента использования находясь в наиболее благоприятных и удобных для него условиях, не противоречащих при этом, разумеется, его функциональному назначению.

В настоящее время порядок использования доноров ещё не удовлетворителен. Для полного эффекта необходимо непрерывное и планомерное комплектование донорского контингента, правильно подобранного и достаточного численно.

Будущие результаты несомненны. От себя лично и от имени моих коллег ставлю этот вопрос на всемирное обсуждение и голосование. – Экран погас.

– Эти слова упали, как семена на хорошо подготовленную почву. Готовые жертвовать собой, беспощадные к своему здоровью, люди были беспощадны и к другим. Создание постоянного контингента неполноценных-доноров сочли необходимым и своевременным шагом, исторически оправданной жертвой. Против голосовало ничтожно мало.

– Общался ли ты с донорами сам?

– Да. Но очень мало. Это закрытая группа, живущая в специальных зонах. С ними только врачи-тренеры, ведущие подготовительную работу. Специальное питание, четкий режим, система тренировок, в основном по системе хатха-йога, – весьма квалифицированное выращивание на этих плантациях человеческих организмов.

А внешне – Аркадия. Безупречное здоровье и великолепнейшее физическое самочувствие, беззаботный покой и неизменно отличное настроение. Весьма вкусная пища – хотя и строго необходимого состава. Спортивные игры и зрелища, специальные фильмы, бани, пиры с музыкой и танцами.

Их обслуживают специальные гурии и гурио: мужчин и женщин этой группы никогда не содержат вместе. Но частота встреч с гуриями каждого из них четко определена врачом-тренером. В необходимых случаях их чувственность подавляется медикаментозно; крайне, правда, редко – применяется кастрация.

Они счастливы: довольны своим настоящим – а впереди их ждет переезд в другое место, где жить будет ещё приятней, но это надо заслужить усердной тренировкой и точным исполнением всех указаний тренера. Эта мысль усиленно культивируется в их сознании, и они с нетерпением дожидаются «переезда».

О том, что их ждет на самом деле, разумеется, абсолютно не подозревают. Если какой-нибудь из тренеров попытается рассказать им правду, его немедленно изолируют от них и, согласно клятве, данной им, без суда подвергают длительному бойкоту, а доноров, слушавших его, изолируют и используют в первую очередь. Несмотря на то, что – самое интересное! – доноры этим тренерам ни разу не поверили.

– Как долго они живут?

– Порядка тридцати лет, и, как правило, более двадцати. Их используют молодыми, но полностью сформировавшимися.

– Их умерщвляют непосредственно перед операцией?

– Совершенно не обязательно! Внутренние органы, помещенные в соответствующую среду, могут сохраняться очень долго: в хранилищах хирургического ремонтного фонда я видел множество сердец, продолжающих пульсировать. Притом, если перед каждой операцией умерщвлять донора, используя один, максимум несколько органов, их потребуется слишком много – это дополнительная немалая работа: слишком неэкономично. На самом деле происходит максимальное использование.

Используются не только внутренние, но и внешние органы: конечности, уши, носы, глаза, скальпы, кожа, бюсты, фаллосы. Используются кости, надкостница, зубы, костный мозг. Неиспользованные мышцы и органы, не соответствующие требованиям хирургического ремонта, утилизируются как пища для животных и неполноценных или сырье для промышленной переработки. Ничего не пропадает!

– Но за счет этого восстанавливается здоровье и удлиняется жизнь полноценных.

– Да. Они умирают не для потехи, как римские гладиаторы, а ради пользы, которую могут приносить, только отдав свою жизнь – и лишь таким путем сделать факт своего появления на свет значимым и нужным. Вот то, что зримо лежит на поверхности; то, что известно всем – и каждому кажется естественным.

– Но не тебе – ты с этим не согласен?

– Абсолютно. Всех неполноценных лишили собственной воли: распоряжаются ими, как скотом – не интересуясь их желанием, не спрашивая их согласия. Воспользовавшись недостаточными способностями в детстве, их окончательно калечат соответствующим воспитанием, которое Дан как нельзя более правильно назвал дрессировкой.

А эта группа, доноры? У них отнимают самое ценное – жизнь! Какие ни приводи доводы – это убийство. Убийство существ, родившихся людьми! И, главное, не такое уж нужное, как считают.

– Позволь, разве без этого возможно обеспечить продолжительность жизни почти до двухсот лет?

– Ну, во-первых, достигнутая продолжительность жизни – не исключительная заслуга хирургического ремонта. Она результат очень многого: мы дышим чистым воздухом, не загрязненным вредными примесями; едим здоровую, хорошо сбалансированную пищу; мы с самого детства уделяем много внимания физической культуре. Во-вторых, есть уже возможность в значительной степени отказаться от хирургического ремонта, чтобы жить столько же.

– А, система непрерывного наблюдения!

– Верно, Эя. В чем она состоит, знаешь?

– Более или менее. Человек непрерывно наблюдается с помощью приборов, находящихся в его жилье, ложе и на одежде. Объем информации обо всех процессах в его организме колоссально возрастает по сравнению с нынешним, получаемым, как и в старину, при периодических врачебных осмотрах. Поток информации обрабатывается всеобщей диагностической киберсистемой. В результате вовремя выявляются малейшие изменения в организме и принимаются нужные меры: даются указания о необходимых изменениях режима питания, упражнений; если надо, назначаются лекарства, причем – самые легкие. В более серьезных случаях дается оповещение врачу.

Результаты испытаний на подопытных неполноценных были поразительны. Но при этом даже такая ограниченная система была невероятно сложной. А чтобы охватить постоянным наблюдением всё человечество, нужно создать систему, по сложности многократно превосходящую систему управления промышленностью Земли. Память этой системы должна содержать всю сумму медицинских знаний, чтобы обеспечить диагностирование. В свою очередь, анализ поступающей информации должен обеспечить выход выводов по оптимальной коррекции здоровья и выявление каких-либо общих тенденций в состоянии организмов большинства

или достаточно больших групп. Работа системы непрерывно контролируется медиками, чтобы избежать непрогнозируемого отрицательного эффекта. Система должна иметь самую высокую надежность и быть обеспечена дублированием для гарантии её.

– И что дальше? – спросил Дан.

– Ничего. Трудоемкость создания такой системы неимоверно велика. Это было настолько очевидно, что вопрос о её создании даже не стали предлагать для всемирного обсуждения.

– Но она уже принципиально возможна, и следовательно, использование доноров уже нельзя считать оправданным? – снова спросил Дан.

– Всё зависит от того, как подойти к вопросу, – ответил Лал. – Хирургический ремонт – способ хорошо отработанный и не вызывающий сомнений в смысле результатов. И, главное, его использование несравненно дешевле, чем создание системы непрерывного наблюдения – СНН. Это и явилось, как сказала Эя, главным тормозом. Тем более что это совпало по времени с подготовкой первого полета гиперэкспресса, на которую были брошены все силы. Потом нашлись другие веские причины, чтобы снова отложить создание СНН уже после отлета Тупака.

Причем, самое страшное заключается в том, что почти все находят использование доноров совершенно нормальным и не видят никакой сугубой причины отказа от него. Создание СНН не кажется остро необходимым. Проще и дешевле резать доноров! Люди ещё не оттаяли: конец кризиса только начался. Всё ещё впереди.

Но этот зверский способ ремонта людей должен исчезнуть. Обязательно! Ибо он противен истинно человеческой сущности, только глубокий общий упадок сделал возможным его появление.

– Но вот тот хирург сравнивал необходимость умерщвления доноров с убоем животных для еды. Так где же грань человечности?

Лал улыбнулся:

– На этот вопрос мне уже приходилось отвечать – во время полемики с людоедами. Животные – не люди: они живут по законам борьбы за существование, жестоким с точки зрения человечности. Убивая отдельных животных для еды, получения кожи и меха, человек не преступает эти законы, направленные лишь на сохранение вида. Здесь – по-моему – всё правильно.

А люди – это люди: они существуют уже по другим законам: каждая человеческая жизнь имеет индивидуальную ценность.

– Ты считаешь абсолютно недопустимым жертвовать неполноценной частью человечества даже ради общего прогресса только из-за негуманности этого?

– Нет. Ещё из-за возможных последствий принципа разделения людей на полноценных и неполноценных.

Что отделяет неполноценных от остальных людей? Их неспособность к труду, недоступному и роботам. Именно это. То, что их можно заменить роботами. Что и делается.

Но роботы становятся всё совершенней. Рассуждая последовательно, мы в пределе приходим к признанию полноценными исключительно гениев, количественно ничтожную часть человечества. Согласны?

Но гениям, окруженным огромным количеством роботов, ни к чему так же огромное количество неполноценных, – и тех, кого нет возможности использовать должны просто убивать, чтобы избавиться от ненужной обузы.

Это будет царство сверхсовершенных роботов, фактически заменивших людей, во главе с гениями – ничтожно малым количеством считающихся полноценными людей. Роботы вытеснят людей их собственными руками. Таков логически последовательный вывод из принципа разделения людей на полноценных и неполноценных, и в этом выводе – очевидная порочность этого принципа.

- Почему не может увеличиться вероятность появления гениев?
- Вполне допустимо – но это не меняет картину. Они, всё равно, никогда не составят большинство человечества.
- Да: жуткий вывод!
- Вот и хорошо!
- Почему?
- Что может заставить задуматься.
- Лал, а ты не сгущаешь краски?
- Нет. Я только более контрастно рисую: чтобы было ясней. Ну, что: хватит на сегодня?
- Да уж... – Они были страшно уставшие, побледневшие.
- «Надо будет сделать перерыв. Хоть на один день. Пусть уляжется», – подумал не менее уставший, но довольный Лал.

14

Но уже на следующий «день» Дан просит продолжать:

- Лал, ты ничего не сказал о донорах для таких, как я, – он смотрел на свои руки.
- О них немного можно добавить к тому, что я говорил о других донорах: к ним относится почти всё, что к тем, только предъявляются самые высокие общие требования – ко всему организму в целом – плюс эстетические требования к телу. Соответственно, у них несколько иная подготовка. Они – исключительно потомки других доноров, результаты специальной селекции.
- Потомственные неполноценные?
- Да. Но о них мы поговорим позже.

А сейчас я вас познакомлю с другой группой доноров, стоящих особняком от доноров для хирургического ремонта: назначение этой группы – поставлять мозг для биокибернетических систем. Судьба этих доноров – та же, что предыдущих. Взятый у них головной мозг является главной частью биокиберов – варианта киберсистем, когда сверхкомпактность является остро необходимым условием их работы.

В простейших киберсистемах удастся обойтись мозгом животных. Для более сложных систем, которые можно рассматривать как киборгов низшего порядка, используется мозг этих доноров. Пересаженный в биокибер, мозг непосредственно связан с датчиками и исполнительными органами системы, получающими в ответ на сигналы датчиков соответствующие команды. Действие мозга усилено обычными киберблоками, обеспечивающими огромную скорость переработки информации.

Создание биокиберов – дело слишком сложное, исключая возможность применения случайного материала. Пригоден только мозг, качества которого точно определены и максимально усилены специальной предварительной тренировкой. Этими данными могут быть память, быстрота реакции, внимательность к сугубо определенным явлениям, звуко- и цветочувствительность, способность к устному счету – и так далее. Эти доноры используются с более раннего возраста, нередко – в детском. По возможности используются и отдельные органы их тела, но без предъявления специальных требований в связи с этим к их тренировке.

В отличие от биокиберов, настоящие киборги управляются мозгом полноценного, решившегося исключительно добровольно перед своей смертью на пересадку в киберсистему, где ему обеспечены условия длительного существования. В киборге мозг полностью сохраняет творческие возможности и индивидуальность – и главное, способность к принятию нетривиальных решений, на что не способны киберы. Зачастую это мозг очень крупного ученого. Такого, как Тупак.

Киборги способны существовать в среде, недоступной человеку с обычным телом: до сих пор они были разведчиками Дальнего космоса; кроме того – они разведчики недр Земли

и других планет и дна земных океанов. Имеют несравнимо большее в сравнении с обычными людьми количество ощущений, обеспечиваемых всевозможными датчиками, и могут жить до тысячи лет.

Но киборги, в общем-то, явление исключительное. Казавшаяся когда-то заманчивой и весьма перспективной, киборгизация широко не распространилась: очень немногих привлекает длительное существование, начисто лишенное человеческих радостей, возможных только в телесной оболочке. Поэтому для биокиберов используют специальных доноров.

Вот и всё, что я хотел о них сказать.

– Биокиберы, кроме их компактности, и более надежны, – добавила Эя. – При выходе из строя какого-то участка мозга его работу берут на себя клетки других участков.

– Совершенно верно! Вопросы?

– Пока нет.

– Перехожу к следующей группе – подопытным.

На них проводят окончательные испытания после проверки на животных новых лекарств, физиотерапевтических и других вновь применяемых видов лечения, действие создаваемой медицинской аппаратуры. На них же проводится отработка новых видов операций и стажировка хирургов. Проверяется различная новая пища, внедряемая в употребление, и синтетические продукты. Проверяется безопасность или степень токсичности различных сред, и отработываются правила безопасности. И многое другое.

Жизнь их проходит под постоянным наблюдением и строго регламентирована в соответствии с программами испытаний. Опыты, производимые над ними, не всегда безболезненны. Их специально заражают разными болезнями. Часть их гибнет во время опытов, но остальных никогда специально не умерщвляют, так как продолжительность их жизни представляет интерес для исследований.

В целом, их существование по сравнению с другими группами значительно беднее радостями. Для этой группы отбор зачастую ведется по наличию различных болезней и отклонений.

– На них делали опыты по созданию ихтиандров – людей с вживленными жабрами. Экологи всерьез прорабатывали вопрос заселения ими верхнего слоя мирового океана. Но оказалось слишком много «но», и главное из них – то, что ихтиандры плохо переносят пребывание в космосе и поэтому не могут покинуть Землю, что не дает им возможность делать по желанию всё, что могут люди с обычным организмом. А в неполноценных ихтиандрах при наличии роботов нужды нет, – снова дополнила Эя.

– Гурии вышли из этой группы. Их предшественники использовались для сексологических опытов. Эта работа в части ряда проблем велась в контакте с социологами, которыми и была впервые высказана мысль об упрощении организации сексуальной жизни при дефиците времени путем использования неполноценных.

Была проведена широкая проверка. В ней приняли участие представители всех возрастных групп полноценных. Исключительная простота организации контакта и связанная с ней экономия времени, а также буквально профессиональный уровень умения этих неполноценных вызвали огромное количество положительных отзывов.

В результате – создали группу, предназначенную для удовлетворения сладострастия. В нее отбирали женщин и мужчин наиболее красивых, физически привлекательных, сексапильных. Какой-то поэт сравнил их с райскими девами – гуриями, и постепенно это название стало привычным.

В появлении гурий нашла свое завершение установившаяся абсолютная половая свобода полноценных. Проблемы исчезли. Совокупиться стало так же просто, как оправиться. То же элементарное удовлетворение естественной физической потребности. Гурии действительно

служили сексуальным унитазом – Дан сказал как нельзя более точно. Человечество получило всегда готовых, безотказных наложниц и наложников, обслуживающих его – как когда-то проститутки и жиголо. Гурий невозможно сравнить с афинскими гетерами, услаждавшими мужчин не только своим телом, но и образованностью и тонким вкусом.

– Прости, но проституция, кажется, была добровольной профессией?

– Да, – если не считать, что альтернативой ей были тяжелый труд или нужда. Проституткам платили деньгами, позволявшими существовать материально. Гурии – взамен прямо получают право на существование.

Просто, удобно! Вызвал, совокупился – и спи. Не требуется никакой взаимности. Бери, что нравится. Их покажут тебе на экране вместе с персональными цифровыми показателями. Хочешь, выбирай сам – или подбор на максимальное соответствие произведет компьютер, в который ты передашь из своего архива собственные данные.

– Их же используют для полового образования молодежи.

– Совершенно верно: для обучения технике совокупления.

– Дефлорацию девушек всегда производят гурию.

– И с их помощью берется материал для генофонда.

– Вот, вот! Всё о них. Особенно после рассказа Дана. Вопросы?

– Продолжай, брат.

– Осталась ещё группа воспроизводства: роженицы, кормилицы и няни. Но прежде я хочу рассказать о потомственных неполноценных.

Причина их появления: комплектование групп за счет отбраковки детей в большой части случаев не дает материал, оптимальный с точки зрения тех, кто его использует. Для устранения этого недостатка параллельно с отбраковкой стали использовать получение потомства неполноценных с наилучшими специфическими данными. Потомственные неполноценные не составляют отдельную группу, входят в группы своих родителей.

Раньше всего они появились в донорских группах для покрытия дефицита определенных органов необходимого качества, недополученных за счет отбраковки. Затем – в ряде случаев их стали специально выводить для получения органов улучшенного качества. Появилась селекция неполноценных, мало отличающаяся от выведения племенных пород домашних животных.

Есть специальные потомственные доноры даже с гипертрофированными качествами каких-то органов. Пересадка такого органа исключает трансплантацию нескольких органов, обеспечивая нормальное функционирование в условиях ослабленной деятельности не замененных органов. Зачастую такая гипертрофия происходит в ущерб организму донора в целом.

Так называемые полные доноры, тело которых без головы целиком используется для обновления академиков, – как я уже говорил, исключительно потомственные доноры. Элитарекорд по физическому здоровью и экстерьеру.

В центре внимания очень многих находится селекция гурий, служащая для получения очень красивых экземпляров. Конкурсы красоты таких гурий весьма популярны. Эту селекцию именуют декоративной – она своеобразный вид искусства: создание живых скульптур. Полноценные иногда копируют их внешность с помощью пластических операций.

Но и среди этих селекционеров есть такие, которые утрируют какие-то отдельные качества в ущерб организму и создают нежизнеспособные, быстро стареющие создания, обеспечивая себе кратковременный успех. Как в случае живого повторения Афродиты Милосской.

Общий существенный недостаток этих всех без исключения творений – их принадлежность к неполноценным и связанная с этим умственная неразвитость. Как сказал поэт:

Кто объяснит, что значит красота?

Высока грудь, иль стройный гибкий стан,

Или большие очи? Но порой

Всё это не зовем мы красотой.
Уста без слов любить никто не мог.
Взор без огня – без запаха цветов.²⁴

Их очень мало используют по сравнению с обычными гуриями, чтобы дольше сохранить их красоту. Подобную гурию или гурию можно получить лишь по жребью.

– Лал! Но ведь получается полное противоречие. Выходит, что гораздо лучше использовать потомственных неполноценных. Гарантированное наличие более высоких качеств: так сказать, лучший материал. Но вся эта система существует как способ использования людей, не способных к интеллектуальному труду, – а использование потомственных неполноценных, более качественных, снова делает этих людей никому не нужными, – перебила его Эя.

– Именно так! Не думайте, что этого не понимают. Поэтому потомственные допускаются только как исключение и составляют ничтожную часть неполноценных.

Давайте вернемся к тому предельному выводу из принципа деления людей на две неравноценные категории, который вы назвали жутким. То малое количество неполноценных, которое может быть необходимо кучке гениев, должно быть – по логике вещей – наивысшего качества. Значит, это должны быть исключительно потомственные неполноценные. Они не должны иметь с гениями уже никакой генетической связи, то есть параллельно должны существовать две совершенно замкнутые категории людей, две расы – точнее, два подвида; они должны состоять только из элиты потомства каждой этой группы. Остальные люди – отбракованные – должны уничтожаться. Так!

– Неужели ты думаешь, что может дойти до этого?

– Твердо верю, что нет. Не думаю, что всем нам, полноценным, не удастся вовремя понять, что эта тенденция имманентно заложена в существующей системе, и пока ничто, по сути, не противостоит возможности её развития. И не суметь снова понять, что биологические законы не могут быть господствующими в человеческом обществе.

– Но ты говоришь загадками: не делаешь никаких выводов.

– Терпение! Прежде, чем сделать выводы, я расскажу всё, что считаю нужным.

15

Лал начал следующую беседу словами:

– Нам осталось теперь рассмотреть только группу воспроизводства, о которой нам немало сообщила Ева.

Исторически – эта группа была первой. Я сейчас расскажу о её возникновении, являющимся началом общего раскола человечества на две неравноправные категории. Истоки его – в процессе отмирания семьи как устойчивой самостоятельной общественной ячейки.

В древности семья, основанная на взаимном влечении, или, как его называли, любви, или на каких-то других условиях, имела главной целью рождение и выращивание детей. Одновременно семья являлась автономной хозяйственной единицей с общим бюджетом и, за редким исключением, общим имуществом.

Основная забота о детях лежала на женщинах: матерях, бабках. В классовые эпохи женщины привилегированных классов перекладывали повседневный уход за детьми на нянь, – сначала подневольных, затем наемных. Образованием детей занимались специальные люди – педагоги.

По мере развития общества оно стало всё в большей степени брать на себя заботу о воспитании, а затем – и об уходе за детьми. Сначала школы и университеты, потом детские сады и ясли. Последние давали женщинам возможность при наличии детей продолжать работать,

²⁴ Лермонтов «Сашка»

а не заниматься только уходом за ними и домашним хозяйством. Связь детей с родителями при этом нисколько не прерывалась.

Нормой считалась семья, основанная целиком на чувстве взаимной любви. Не признавалась допустимой какая-либо интимная связь вне семьи. Однако, это был идеал – действительность далеко не всегда ему соответствовала: интимные связи вне семьи нередко имели место. И чувство могло пройти – семья распалась, что создавало крупные проблемы из-за общих детей.

В отсутствие этих явлений семья являлась наилучшим социальным устройством для детей. Постоянное взаимное общение было основой близости детей и родителей в течение всей жизни. Дети, потерявшие родителей, назывались сиротами: их считали несчастными. Постепенное освобождение от повседневных забот лишь позволяло родителям уделять детям всё большую часть свободного времени, не снимая с них значительной доли забот о воспитании и материальном обеспечении.

Забота о детях не была обузой для родителей. Это было осуществление естественной потребности, – нелегкой, но радостной. Дом без детей считался пустым. Когда ребенок болел, кроме врача за ним ухаживали родители, бабушка, дед, братья и сестры.

Родственная близость людей являлась неотъемлемым элементом жизни того времени. Вырастая и уже живя отдельно, люди продолжали поддерживать постоянный контакт со своими родителями, братьями и сестрами, интересовались их делами и помогали друг другу в нужный момент, навещали их и собирались вместе на семейные торжества. Родственные отношения, сохраняя элемент душевной теплоты в жизни, связывали поколения. Они существовали параллельно дружеским связям.

Когда развитие производства и общественных отношений совершенно освободило людей от материальных забот, исчезли и материальные обязанности членов семьи по отношению друг к другу. В этих условиях семья начала становиться всё менее прочной.

Проблемы, которые возникали вследствие этого, стали устранять, максимально освобождая родителей от заботы о детях, которую брало на себя общество, перепоручая её педагогам. Люди всё больше занимались интеллектуальным трудом, становящимся главным смыслом и интересом жизни, вытесняющим все другие интересы. Они всё меньше внимания уделяли детям.

Но связь ещё не была оборвана. Каждая женщина рожала не менее двух детей, которых растили в детских учреждениях. Родители навещали их там, продолжали проявлять к ним внимание, интересоваться их здоровьем и развитием, и проводить вместе ещё какую-то часть свободного времени. Это было время приближения нашей эпохи кризиса.

После короткого периода, когда было сделано необычайно большое количество крупнейших, фундаментальных открытий, наступило длительное время без единого крупного и со счётом количеством таких достижений, как удачное завершение длительной работы по производству пересадки головы на новое тело. Годы, казавшиеся невыносимыми из-за предыдущих великих успехов.

Выход видели – в первую очередь – в интенсификации труда. И тут первым шагом явилось перераспределение между членами общества обязанностей, связанных с собственным воспроизводством. Чтобы не отрывать большую часть женщин от работы на то время, которые они тратили на вынашивание детей, воспользовались давно существовавшим способом: имплантацией оплодотворенной яйцеклетки, зиготы, другой женщине, вынашивающей плод.

Этот способ возник когда-то как мера помощи женщинам, которые желали иметь своего ребенка, но по каким-то физическим причинам не были способны на рождение его. Так как усыновить или удочерить чужого ребенка не всегда была возможность, им можно было помочь таким путем. По мере совершенствования медицины и повышения всеобщего здоровья имплантация зигот применялась всё реже; можно сказать, почти исчезла.

И тут о ней снова вспомнили. Поручить вынашивание и рождение детей наименее способным женщинам, а более способные пусть продолжают интенсивно трудиться! Это казалось прекрасной идеей.

Всё произошло поразительно быстро. Затрачивая на создание ребенка ничтожно мало времени, женщина, его генетическая мать, уже не могла ни привыкнуть, ни привязаться к младенцу, которого родила за нее другая. Поглощенные работой, родители, генетические, постепенно прекращают общение с детьми.

Социологи оценивали произошедшие перемены весьма положительно. Во-первых, все дети стали получать исключительно квалифицированный уход. Во-вторых, их воспитанием занимаются только специалисты-педагоги: исключены все отрицательные стороны участия в воспитании родителей, далеко не всегда делавших всё совершенно правильно. В-третьих, на детях никоим образом не отражаются взаимоотношения родителей, тем более что семья как таковая уже практически исчезла. В-четвертых, появилась возможность оптимально, с учетом требований генетики, используя необходимую информацию, переработку которой осуществляет суперкомпьютер, производить подбор генетических родителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.